
Россия, Русь! Храни себя, храни!

7-8
2024

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей МИХЕЕНКОВ. Вот кончится война...	3
Виталий АВЕРЬЯНОВ. За что мы сражаемся?..	58
Валерий ГАБРУСЕНКО. Россия и Средняя Азия	96

ПРОЗА

Юрий ПАХОМОВ. Сны в опрокинутом доме.	
Отрывок из повести	22
Валерий ФАТЕЕВ. Рассказы	65
Сергей КОМОВ. Позывной Кулик. Рассказ солдата	108

ПОЭЗИЯ

Махтумкули ФРАГИ. Тяжёлая ноша. Стихи	51
Валентина КОРОСТЕЛЁВА. Русская дорога. Стихи	88
Олег РОМЕНКО. Там... На родине... Когда-то... Стихи	92
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. Величавые ели. Стихи	120
Людмила БРАГИНА. Исток любви. Стихи	125

РУССКИЙ ВОПРОС

Ростислав ИЩЕНКО. Расширяя пределы русскости	129
--	-----

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Юрий КЛИМАКОВ. Великан на амурском утёсе	143
Валерий ГАБРУСЕНКО. Художник, воин, странник, мыслитель	157

СИМВОЛ ВЕРЫ

Павел БОЯНКОВ. Имя святое — Павел	164
---	-----

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Светлана КУЗНЕЦОВА. «Русская профессия — изгнанник». Стихи	174
Наталья ЕГОРОВА. Золотой самородок на соболиной тропе	191

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Владимир БОЛЬШАКОВ. Предатель, метивший во власть	211
Андрей СОШЕНКО. Чубайс и новый русофобский центр	220

ТАЙНОЕ И ПОТУСТОРОННЕЕ

Мария МОНОМЕНОВА. Третий Храм против Третьего Рима. Продолжение	225
--	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Михаил ДЕЛЯГИН. Пора очиститься от рабов Запада	248
Андрей СОШЕНКО. Во что превращают Россию?	251

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	255
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Руслан СЕМЯШКИН. Неустанный искатель истины. К 100-летию со дня рождения Ю.В. Бондарева	265
--	-----

ВОТ КОНЧИТСЯ ВОЙНА...

Путевые заметки

Ездим по одному и тому же маршруту, с небольшими отклонениями, но каждый раз — как будто в новую, неизвестную страну. А между тем, это уже Россия. Историческое умопомрачение — принадлежность этих земель к Украине — закончилось.

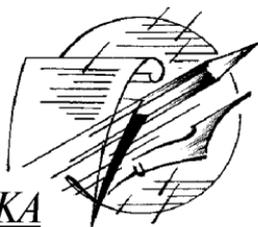
Выехали ранним утром или поздней ночью, и когда рассвело, мы уже были на западе Тульской области и рассматривали восток в окна машины: сонное небо с причудливыми и зловеще-чёрными облаками, заслонявшими землю от солнца, которое уже поднялось и освещало окрестность отфильтрованным влажным мутно-молочным светом.

В этот раз машину вёл глава Тарусского района Михаил Голубев. Ехали втроём. На войну добровольцем отправлялся Александр Вячеславович Проказов, до вчерашнего дня работавший системным администратором Тарусской районной избирательной комиссии. В багажнике рядом с гуманитарным грузом лежала его сумка с вещами. Завтра в Луганске ему назначена была встреча с командованием корпуса. Подписание контракта и прочее.

Продолжение.

Начало в №№ 1-2, 4 за 2024 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

На Луганщине весна. Цветёт сирень. Сады уже отбушевали, вишни, черешни, абрикосы, сливы, яблони набирают завязь плодов. Весенние полевые работы тоже позади, и только кое-где в просторах чернозёма среди широких сухих балок ползают тракторы с сеялками. На полях, кое-как очищенных от мин и неразорвавшихся боеприпасов, крестьяне правят своё извечное дело. Специалисты говорят, что на сто процентов землю от боеприпасов, в том числе и мин, поставленных на боевой взвод, очистить нельзя. Так что нынче в наших южных землях крестьянский труд — труд опасный. Я родился после Великой Победы на юго-западе Калужской области в Куйбышевском районе, который два года был под немецкой оккупацией. И во время немецкого наступления в октябре 1941 года (операция «Тайфун»), и во время нашего (Смоленско-Рославльская наступательная операция, сентябрь—октябрь 1943 года) там шли тяжелейшие бои, так что все поля, луга и леса были густо засеяны железом. Вспоминаю мирных жителей: моих земляков покалечило этими боеприпасами в лесах и в полях. Сколько тракторов разбило!

«ЧЁРНЫЙ ТАНК»

При подъезде к Луганску село Хрящеватое. Чёрный танк на пьедестале. Гусеницы ослаблены, провисли. В плоской приземистой башне большая пробоина — кумулятивная струя вошла, как в пластилин. Памятник так и называют — «Чёрный танк». История десятилетней давности. Часть истории этой войны, к которой мы пытаемся приблизиться и в этой поездке.

Бой произошёл 14 августа 2014 года. По горячим следам, очевидно, чтобы укрепить дух добровольцев, в сообщениях появилось: мол, «отряд украинской бронетехники ворвался в Краснодон», и чтобы ликвидировать прорыв, были выдвинуты наши силы. «В реале», как сейчас выражается молодежь, ВСУ накануне захватили район Луганского аэропорта и 13 августа выдвинулись в направлении Новосветловки и Хрящеватого. Это были части 1-й отбр. и 80-й оамбр. и батальон «Айдар». Им противостояли в основном добровольцы. По рассказам участников этого боя, с шахт приезжали шахтёры, не успев отмыться от угольной пыли, брали автоматы и ложились в окопы. В основном пожилые. Чтобы отделаться от дедов, им говорили:

— Зачем вы пришли? Вы понимаете, что нас всех скоро убьют?

И те спокойно отвечали:

— Понимаем. Надо же кому-то погибать на войне...

Деда пришли воевать.

Наших танков в том бою было два. У ВСУ — три. Но на линию огня наш вышел один, у второго какая-то техническая или огневая функция отказала, и он остался позади. Пехота тоже отстала. Взаимодействия танков и пехоты нашим наладить не удалось. Из воспоминаний одного из танкистов второй машины: «Пехота обратилась ко мне с просьбой отработать по зданиям, из которых велся огонь, но у меня в самый неподходящий момент заклинило пушку, я связался по рации с другой машиной, и экипаж выполнил мою просьбу, через несколько минут я увидел прилёт снаряда в левый борт нашего 23-го, пламя пыхнуло из моторного отделения. Через некоторое время нам поступила команда на отход, мы отошли к Луганску».

Танк с бортовым номером «23», по сути дела, вступил в танковую дуэль в одиночку. Погиб механик-водитель Дмитрий Витальевич Олейников (1990—2014). Позывной «Дизель». Возле сгоревшего танка нашли ещё одного убитого. Он сильно обгорел. Вначале его приняли за башнёра или за командира танка. Но потом выяснилось, что это стрелок из пехоты Илья Гурьев, позывной «Заяц». Нацбол из Тольятти. Погиб он, как свидетельствуют местные хроники, «от близкого разрыва снаряда, попавшего в танк». На нём загорелась одежда.

Это были трудные бои. Из 2014 года обычно вспоминают Иловайский и Дебальцевский «котлы», победные операции, закончившиеся большими потерями ВСУ, колоннами пленных украинских нацистов. Но были, особенно вначале, и трагические неудачи. Напоминание одной из них — «Чёрный танк» у Хрящеватого.

Не надо бояться трагедии, бессмысленно пытаться затушевать её, «оживлять» победными нотами. Трагедия — сильный жанр. И в жизни, и на войне, и, тем более, в литературе.

ЛУГАНСК

Весенний Луганск, как всякий южный город, прекрасен. Юная зелень парков и скверов, тенистые улицы и переулки словно растворили осенне-зимнюю усталость, и теперь, возродившиеся, обновленные, жадно тянутся к солнцу и ждут тёплого дождя.

Когда подъехали к назначенному месту, наш доброволец заметно подобрался, притих. Встретил нас земляк Евгений Егорович, полковник. Ещё месяц назад он занимал должность главы Вознесенской сельской администрации Тарус-

ского района. Теперь — служит военюристом в корпусе. После короткого рассказа о текущих делах — своеобразного доклада главе районной администрации — сразу начал хлопотать об устройстве пополнения. Тут же показал Александру его рабочее, а затем спальное места. «Гостиница» оказалась фронтовая. Раскладушка на каких-то ящиках. Но тут же успокоил, что раскладушку он нашёл у коменданта получше. Значит, хлопотливый Егорыч всё уже осмотрел, поправимое исправил. Голубев тоже вникал во всё по привычке за всё отвечать, стараясь, чтобы тарусские добровольцы были устроены не хуже других.

АВТОБУСЫ ТУДА НЕ ХОДЯТ

В Первомайске мы перво-наперво заехали в библиотеку. Директор Валентина Григорьевна Илясова нас уже ждала. В читальном зале теперь уютно. Во время прошлой поездки здесь ещё шёл ремонт. За это время калужане завезли мебель, стеллажи, столы. Мы разложили на столах новую партию книг серии «Жизнь замечательных людей». Биографии фельдмаршала А.В. Суворова, генералиссимуса И.В. Сталина, писателей Фёдора Абрамова, Виктора Астафьева, художников, общественных деятелей, конструкторов, учёных. Основанная в 1890 году русским книгоиздателем и просветителем Флорентием Фёдоровичем Павленковым и затем возобновлённая в 1933 году Максимом Горьким, эта книжная серия пережила многие невзгоды и до сих пор радует читателей новыми и новыми выпусками. Уже несколько поколений писателей, историков, журналистов, искусствоведов и издателей трудятся, создавая, порой вытаскивая из полузабвения или полного забвения новых и новых героев. Пожалуй, ни одна книжная серия не существует столь долго и не живёт так неиссякаемо, как ЖЗЛ с узнаваемым белым факелом на сером корешке.

Когда мы разложили книги по столам, библиотекари буквально кинулись к ним и начали перелистывать и восклищать:

— А вот этой у нас не было!

— А вот эту давно спрашивали!

Что ж, теперь они у читателей прифронтового Первомайска есть. Валентина Григорьевна снова посетовала, что нельзя собраться вместе с читателями, пригласить свой актив, поговорить, порадоваться новому книжному поступлению вместе. И вздохнула:

— Вот кончится война...

Сколько раз в беседах с местными жителями, да и с солда-

тами и офицерами воюющей армии тоже, мы слышали эту фразу, произносимую то устало, то с уверенностью, не предполагающей иных вариантов, то с осторожной надеждой.

У фронтовика Анатолия Генатулина есть прекрасная повесть с таким названием. Недавно в уличной библиотеке в Тарусе у автовокзала я взял книгу повестей Анатолия Юмбаевича, которая так и называлась: «Вот кончится война». Эта самая лучшая его повесть. Генатулин воевал с 1943 года. Окончил снайперскую школу. Затем фронт. Воевал под Ленинградом, на Карельском перешейке. Участвовал во взятии Кёнигсберга. Награждён орденами Отечественной войны I-й степени, Славы III степени, медалью «За взятие Кёнигсберга». Был несколько раз ранен. «Вот кончится война» очень честная и глубокая повесть. Нынешний 2024 год объявлен годом лейтенантской прозы. Советский период русской литературы подарил нам целую библиотеку, крепкую, как в те годы говорили, обойму имён: Юрий Бондарев, Василь Быков, Константин Воробьёв, Вячеслав Кондратьев, Виктор Астафьев... В этой обойме по праву значится имя Анатолия Генатулина. Подумал: надо вот что сделать: найти в уличных библиотеках его книги, советские издания, новых-то наверняка нет, и привезти в Первомайск. Годом лейтенантской прозы этот год объявили, по всей вероятности, ещё и потому, что в 2024-м исполняется 100 лет Юрию Бондареву, Виктору Астафьеву, Василию Быкову и всем писателям-фронтовикам 1924 года рождения. На день начала войны им было по семнадцать лет. Генатулину же едва исполнилось шестнадцать. Война захватила и их, вплоть до 1927 года рождения.

В Первомайске тоже повсюду вольно цветёт сирень, уверенно обозначая свою недолгую пору в годовом природном круге. В городском парке, возле домов, в палисадниках, на обочинах дорог.

Дороги здесь всю ремонтируются. От Краснодона до Луганска, а потом от Луганска до Первомайска мы летели, обгоняя ветер. Но вот когда отправились в Новоивановку, к передовой, душу буквально вытряхивало. До этих дорог калужские руки и асфальтоукладчики ещё не дошли. Рановато. Здесь ещё война.

Кстати, у памятника Ленину (здесь все встречи происходят у памятника Ленину) мы встретились с руководителем одной из калужских строительных организаций Курбаном Ахмедовым. Курбан тут же пригласил нас на объект — в городской Дом культуры и концертный зал. Здесь всю шёл ремонт, пахло свежей краской и шпатлёвкой. Часть помещений была уже готова.

— Скоро здесь будут собираться первомайцы, — сказал Ахмедов. — Может, и нас пригласят. Концерты, собрания... Дети уже занимаются.

Ещё в Первомайске мы пересели на УАЗ «Патриот». Это была машина «Доброго» (см. материал о нем в № 1-2 МГ за 2024 г. — **Ред.**). На ней с водителем, сержантом Максимом, он колесил по фронтовым дорогам. Максим в форме десантника, из-под камуфляжной куртки весело выглядывает клинышек голубой тельняшки. Фронтовые дороги. Одну из них мы в этот день преодолевали.

Пост военной полиции, где в прошлый раз у нас забирали телефоны, проехали без осложнений. Полицейские внимательно проверили список «путешествующих», сверили его с нашими паспортами:

— Проезжайте.

Запомнился цепкий взгляд полицейского: уже сделал нам отмашку, а сам всё не спускал глаз с нашей машины.

Когда водитель поднял стекло, «Добрый» кивнул за окна:

— Налёт недавно был. Две ракеты. Прицельно. Несколько человек погибли.

Один из блиндажей у дороги был буквально вывернут наизнанку внутренним взрывом. Торчали обломки брёвен накатника, ветер трепал какое-то тряпье, похожее на утеплитель. Дот, в который я заглядывал в прошлый раз, уцелел, в нём по-прежнему стоял пулемёт «максим», круглое плоское рыльце его торчало из бойницы в сторону фронта. Музейный экспонат. Говорят, много стрелкового оружия времён Великой Отечественной войны хранилось на огромных складах в Славянске. По рассказам, чего там только не было. О тех складах мы ещё поговорим.

В прошлый раз на этом КПП, получая на обратном пути свои мобильные телефоны, я разговорился с офицером и подарил ему книгу о генерале Н.П. Пухове, который в 1943 году командовал 13-й армией и во время Курской битвы стоял на северном фланге Огненной Дуги. Жив ли тот офицер... Если жив, то пусть его работа и его подчинённых здесь, в прифронтовой полосе, будет более спокойной.

Вот кончится война и, может быть, вспомнит он, что какой-то чужак-писатель, которого неизвестно каким ветром занесло на его беспокойный пост, подарил ему книгу о генерале, сражавшемся на Курской дуге, а потом освобождавшем Донбасс. В сущности, по большому-то счёту, он с нашим земляком-генералом делал одно дело. Только в разное время. И, вполне возможно, продолжает делать.

Вскоре промелькнули мрачные руины разбитого города. Стайка ещё не почерневших крестов на лугу обочь дороги, как будто выбежавших к нам из недавнего прошлого, чтобы как бы незнаяй напомнить о себе. Напоминать надо. Те события стали историей.

Голубев спросил «Доброго»:

— Кто похоронен?

— «Вагнера», — ответил «Добрый», делая ударение на последнем слого. — Город брали они.

Город — это Попасная. В прошлом году мы там были. С тех пор ничего в нём не изменилось. Разве что принято новое решение: если раньше приступать к восстановлению города вообще не решались, то теперь решили восстанавливать частный сектор и железнодорожную станцию.

То, что Попасную брали «вагнера», заметно. Лупили напропалую, до бетонного щебня, до кирпичной пыли.

Оказалось, что до сих пор город даже не расчищен, не разобраны обвалы домов. А значит, могилы на лугу появятся ещё, подтверждая суровую историю города, ставшего призраком.

Могил там всё же мало. Слухи были, что здесь погибли тысячи. Участие во взятии города принимал и «Ахмат», и приданные части усиления. В том числе и тяжелый гаубичный артиллерийский полк, в котором служили и служат калужане. «Добрый» пояснил:

— Здесь похоронены те, чьи тела не были востребованы родственниками.

А в обществе, в тылу, всё ещё продолжается дискуссия на тему, кто они, бойцы частной военной кампании «Вагнер», герои или... Спросите, спорщики, у тех, что лежит под крестами на весёлом солнечном лугу у разбитого города, они вам скажут правду. Только мёртвые скажут правду об этой войне.

Миновали несколько постов. Посты устроены основательно: ДОТы, усиленные бетонными блоками, маскировочные сети, бронетранспортёры под навесами, пулемёты по всему периметру. Но что это против «хаймеров» или других НАТОвских умных ракет? У некоторых бойцов, как у заправских охотников, в руках наготове ружья, автоматы за спиной. Напряжённо наблюдают за небом. Это охотники за дронами. «Добрый» поясняет: антидроновые ружья здесь бывают зачастую бесполезными, так как противник каждый день меняет прошивку своих «птичек», а дробовики валят и прошитые, и не прошитые. Но, как всегда, когда в законы войны втискивает свои три копейки чиновник, порошу не нюхавший, появляется проблема: охотничьи ружья закупить и при-

везти сюда не проблема, но здесь их надо регистрировать, проходить охотничий минимум, предъявлять медицинские справки. Словом, всё по полной программе, как если бы ты жил в Тарусе или Калуге.

— В прошлый раз, — невесело усмехается «Добрый», — вы, тарусяне, привезли нам квадроцикл для доставки с позиций раненых. Так я полтора месяца его регистрировал.

Что тут скажешь... Промолчу.

Дорога становилась всё хуже. Наш «Патриот» подпрыгивал так, что порой казалось, что мы слетим с дороги. Заметил: Голубева, как профессионального дорожника, разбитая дорога, годная разве что для гусеничной техники, особенно оскорбляла. Коммуникации в прифронтовой полосе сейчас поддерживают в более или менее сносном состоянии военные. Проехать можно — и ладно. Полотно плотно покрыто крупным гравием. Гравия здесь в достатке. Карьеры прямо у дороги, копай хоть на каждом километре.

На одном из постов нас остановили и долго проверяли проездные документы. «Добрый», исчерпав терпение, скороговоркой раздражённо бросил офицеру:

— Давай быстрее. Ты же не первый раз меня здесь останавливаешь.

— Ну и что, — ухмыльнулся офицер.

— А то, что сейчас прилетит и снесёт нас всех вместе с тобой к чёртовой матери.

Слова «Доброго», видимо, подействовали на офицера и тот вернул документы. Но всё же спросил, словно давая понять, что командует здесь он:

— Куда?

— В Новоивановку.

— Проезжайте. Имейте в виду, что впереди, километров за пять, «птички» висят постоянно.

— Знаю. Спасибо за предупреждение, — уже захлопнув дверь, хмуро проворчал «Добрый». — И — водителю: — А теперь, Максим, жми на всю железку. В Новоивановку мы должны добраться живыми.

Снова начались гонки по пересечённой местности. На обочинах валялись остовы сгоревших машин. В основном легковых.

— Вот эта сгорела дня два назад, — пояснил «Добрый», когда мы промчались мимо выгоревшего кузова иномарки, покрытого свежей, ещё не тронутой ржавчиной сизой окалиной.

Другая, сплюсненная, как будто по ней дважды проехал танк, лежала возле полуразбитой автобусной остановки. Автобусы здесь давно не ходят.

Когда закончится война, люди, живущие здесь, всё наладят. Подремонтируют побитые осколками и прямыми попаданиями автобусные остановки, поменяют кровли на домах. Распашут поля. И, конечно, восстановят дороги и автобусное сообщение с Новоивановкой и другими сёлами.

«Добрый» рассказал, как на днях под атаку ударного дрона попал сам. Пришлось выскакивать из машины. Впрочем, для них солдат и офицеров дивизиона это обычные будни. Обошлось, и слава богу — повезло. Значит, ангел хранитель сильный, постоянно начеку.

О ПОЛЯХ

Голубев тоже родом из деревни. Крестьянский сын. Часто в дороге, как и в этой, до Новоивановки, у нас возникал разговор о земле, о поле, о хлебе.

— Это что, — указал Голубев в бурое пространство поля, уже начавшее тонуть в молодой зелени, пробивающейся из-под прошлогоднего бурьяна, — неразорвавшиеся ракеты, что ли?

— Они самые, — ответил «Добрый». — Вон сколько. А вон ещё две. Здесь проходила наша оборона. Траншея. Вот они по ней и лупили. Вывесят «птичку», и давай молотить из РСЗО. Тогда у них с боеприпасами проблем не было. Сыпали, как картошку из ведра...

Серые столбики, выгоревшие на солнце до белизны, торчали среди унылого однообразия брошенного поля там и тут. Довольно часто. Торчали под одним углом. Если забыть, что здесь всё ещё идёт война, то эти столбики можно было принять за остатки ограждения заброшенного пастбища. Но металлический блеск цилиндрических столбиков возвращает нас к основной теме нашей поездки.

«Добрый» рассказал, что поля уже давно не пахутся. Густо засорены неразорвавшимися боеприпасами РСЗО и ствольной артиллерии, не разобраны минные поля. Почти половина боеприпасов кассетных снарядов при падении не разрывается. Они опаснее мин. Артиллеристы, как колпаками, предусмотрительно накрывают их стреляными артиллерийскими гильзами. Но это до поры до времени. Иллюзия безопасности. Недавно из Новоивановки выехал в поле фермер на своём американском тракторе, решил распашать хотя бы небольшой участок и засеять хлебом или подсолнечником. На второй или третьей борозде наехал на мину. «Джон Дир» на куски, самого фермера из трактора вытаскивали по частям...

Но когда мы мчались по шоссе от Луганска на Первомайск, кругом были возделанные поля. Уже плотной изумрудной зеленью сияли всходы. Мы с Голубевым невольно радовались. Видать, встрепенулось в глубине души родовое, крестьянское. Поле только тогда поле, когда оно обработано плугом и засеяно, когда оно держит, лелеет на своей просторной груди урожай, когда на нём работают тракторы и комбайны. Когда от него за несколько вёрст веет хлебом. А иначе оно — поле битвы. И урожай у такого поля иной.

Через поля, перелески и лесополосы извилистой змеёй бегают надолбы. Бетонные остроконечные тетраэдры в два ряда. Позади «зубов дракона» глубокий ров. Но это только видимая часть так называемой «линии Суровикина».

Два года назад, когда ВСУ при поддержке Запада начали угрожать нам очередным «контрнаступом», под руководством командующего Южной группировкой наших войск началось строительство глухой обороны. Вначале линия закрыла Запорожское направление, потом Южно-Донецкое и далее — Лисичанское, Лиманское, Купянское и Днепровское. Прежде всего наглухо закрыли Крымское направление возможного удара. А потом и всё остальное, очищенное от укронацистов русское пространство. В официальных документах читаем: «При строительстве оборонительных сооружений был выбран нестандартный принцип — рокадно-линейный, т.е. рассчитанный на максимальную мобильность войск, — объясняют собеседники URA.RU из числа военных. Он подразумевает равномерное распределение сил и их переброску по рокадам (фронтным дорогам) на слабые места. Рубежи располагаются под углом до 90 градусов к фронту, что делает оборону изолированной для противника по направлениям и не дает возможности маневра и развития в случае вклинения или прорыва. Для ее создания использовался опыт прошлых войн и вооруженных конфликтов, в которых участвовала Россия, а также различных операций на Ближнем Востоке, в частности, в Сирии, где служил Суровикин. Из оценки военных экспертов: «Это персидский стиль организации обороны и контроля территории, применяемый «Корпусом стражей исламской революции» по опыту действий войск под руководством Хаджа Касема Сулеймани в Сирии».

И далее: «Линия Суровикина» — это многокилометровая линия обороны, состоящая из проволочных заграждений, противотанковых надолбов, называемых «зубьями дракона», а также рвов, окопов и укреплений. Она оснащена системой огня (артиллерией, реактивными установками) и полевых аэродромов. Предусмотрены запасные, резервные и времен-

ные позиции. На этой линии работает особая система логистики, которая позволяет мобильно подвозить материалы, топливо, боеприпасы, а также перебрасывать силы и эвакуировать раненых. Офицеры и генералы, разрабатывавшие план оборонительной операции вместе с Суровиным, говорят, что максимальное внимание генерал уделял применению авиации, а также ствольной и реактивной артиллерии».

Бойцы передней линии обороны называют «линией Теплинского». Генерала Михаила Теплинского на фронте уважают. Участник двух Чеченских кампаний, Герой России. Золотую звезду получил в 1995 году, когда служил начальником разведки 137-го гвардейского парашютно-десантного полка. Здесь, на Украинской войне, Теплинский командовал группировкой «Днепр». Потом из информационного поля исчез. Какое-то время СМИ говорили о том, что «Теплинский может заменить Герасимова в руководстве войсками в зоне СВО. При этом уже 10 июля 2023 года Минобороны показало кадры, как главный военный на СВО — Герасимов — слушает доклад о пресечении попытки ВСУ ударить по Крыму, Ростовской и Калужской областям». Тогда же появилась новая версия: Теплинский якобы вот-вот заменит генерала Суворовкина, который пропал из информационного поля после вооружённого мятежа «вагнеровцев». Теплинский — генерал жесткого стиля, из тех, кто как раз и нужен на войне. Известен тем, что пошел на конфликт после серии непродуманных атак силами десантных подразделений в лоб на неподавленные артиллерией и авиацией рубежи противника. В последнее время снова пропал из сводок Минобороны. Говорят, он ранен и находится на излечении. Такие «за спины ребят» не прячутся.

Итак, линия Суворовкина — Теплинского...

Контрнаступ ВСУ закончился в Москве на Поклонной горе выставкой разбитой и захваченной военной техники врага. Представлена вся Европа, часть Америки, Турция, Япония. Перед транспортировкой сгоревших «Леопардов» и «Брэдли» нашим бойцам пришлось ещё поработать, отдирая от брони горелую плоть украинских солдат...

Пишу это без злорадства. Злорадства нет, а только горечь. Вспоминается труп украинского солдата в бетонном колодце на железнодорожной станции «Попасная». Потому что в этой золе, в немом пепле войны порой попадаются оплавленные православные крестики русских людей... Жалко ли мне этого солдата чужой армии? Нет. Потому что он воюет против моей армии и моей страны. Но жалко его матери, сестры, детей. Жалко его славянской крови, испорченной ядом бандеровщины.

Вот что значит, начать тему поля, земли, хлеба. Сразу выходишь на какие-то откровения, зарываешься в глубину.

Сержант Максим давил на газ, своим сильным телом навалившись на руль «Патриота». Это он возил нас в Попасную и на стрельбище. Он положил цветы на обломки пристанционного пакгауза, где погибли «Пихта» и его товарищи из Кондрова и Балабанова. Его смело взрывной волной от первого «хаймерса», который разорвался на углу здания.

Когда наиболее опасный участок дороги остался позади, «Добрый» рассказал, что, мол, хохлы изменили тактику применения дронов. Вывешивают как можно выше, где её из стрелкового оружия не достать, «Бабу Ягу», а потом выпускают рой «дронов-камикадзе», и она начинает им определять цели. При этом «Баба Яга» контролирует местность в радиусе сорока километров. Или другой вариант: «камикадзе» на рассвете тихо прилетает и садится возле дороги, маскируется в траве, наблюдает; как только появляется цель, подсакивает и стремительно атакует. Так было сожжено большинство машин, остовы которых мы только что видели по дороге сюда. Большинство потерь в последнее время не от «арты», а от беспилотников.

НОВОИВАНОВКА, ВСТРЕЧА С «БЕКАСОМ»

Мы думали, что в этой Новоивановке сейчас одни военные и что гражданские, по всей вероятности, отселены. Ну как же, едем на позиции, перед самым селом миновали мёртвое пространство дороги. КПП, БТР под навесом с дежурным пулемётчиком, бойцы за бетонными блоками. Всё как везде. Усталые, хмурые лица. «Доброго» здесь хорошо знают, а потому пропускают наш «Патриот» без волокиты. Бойцам и самим не хочется, чтобы явно штабная машина задерживалась на КПП. Машина — всегда первоочередная цель.

Но на околице села нас удивила стайка местных ребятшек, забавлявшихся какой-то деревенской игрой. Следующую группу, уже постарше, мы увидели возле памятника погибшим во время Великой Отечественной войны. Это были ребята и учителя местной школы. Ухаживали за памятником односельчанам, погибшим на фронтах Великой Отечественной. Готовились к 9 Мая. Из Новоивановки на войну ушли около ста человек, больше половины из них не вернулись.

Новоивановка — село большое. До войны проживало больше двух с половиной тысяч человек. Занимались сельским хозяйством. Здесь был большой животноводческий комплекс, обширные пахотные земли, на которых выращивали

корма. Школа, магазины, Дом культуры, библиотека, больница. Проживали в селе в основном русские. А теперь новоивановские мужики, те, кто в нашей армии, воюют за освобождение родной земли от нацистов, а другие — там, по ту сторону линии боевого соприкосновения. Вот и думай, почему и как это произошло. А думать придётся. А третьи, спасая детей, уехали кто на запад, кто на восток, кто на Украину или дальше, в Польшу, в Европу, на чужбину, а кто в Крым или в глубину России. Но многие остались. Обрабатывают приусадебные участки, ухаживают за садами. Видимо, земля, домашняя скотина и птица приносят кое-какой доход. Надо же как-то и чем-то жить. Кроме того, получают гуманитарную помощь от местной администрации. На её здании российский флаг. Власть действует.

Сады, в зелени которых не видать домов. Война почти не затронула эту часть большого села. Но при въезде стоит многоквартирный дом в несколько подъездов. Построен из белого силикатного кирпича в советское время. Рядом, на луговине, кресты. Кресты разномастные, начинаются прямо под стеной покинутого дома. Так во время боёв и обстрелов хоронили друг друга местные жители. Кто похоронен на этом кладбище — я спросить не догадался. Тела, видимо, перенесут на постоянное место или вообще увезут. Но пока так. Живые и мёртвые рядом. Кто здесь погиб и наспех зарыт рядом с домом, спрошу в следующий раз. Если дивизион не уйдёт на запад и не перенесёт свой штаб дальше, туда, где погромыхивает, и дороги сюда больше не случится.

Командир с позывным «Бекас» встретил нас на пороге дома под густым пологом разросшегося винограда.

Я расспрашивал «Бекаса» о его военной карьере. Вкратце она такова: родился в 1973 году в Запорожской области, потом родители переехали в Сусуман Магаданской области; окончил Благовещенское танковое училище, мечтал попасть в морскую пехоту на Черноморский флот, но распределили в Кантемировскую дивизию в Подмосковье; потом были «горячие точки», в том числе марш на Приштину — лето 1999 года. Награждён медалью «Участнику марш-броска 12 июня 1999 г. Босния — Косово».

— За два дня до начала войны, 22 февраля, приступил к формированию тяжёлого гаубичного дивизиона. Да, за два дня до начала.

Вспоминал «Бекаса», казалось бы, недавнее. Сам себя спрашивал:

— Почему не в танковую часть получил направление? Получил в артиллерию и вопросов не задавал. Командованию

виднее. Для себя решил: артиллерия так артиллерия... Поначалу в дивизионе было всего два человека, я и командир одной из батарей. Нормальный такой дивизион, тяжёлый гаубичный... Потом появился начштаба. Но вскоре пропал. Оказалось — в госпитале. У него то камни в почках, то почки в камнях... В начале войны такое заболевание встречалось часто... Главное, было — набрать офицеров, укомплектовать штат. Прибывали капитаны, майоры, лейтенанты. Но некоторые вскоре исчезали. Как только погода для них чуть прояснялась — тяжёлые гаубицы, значит, как только сформируемся, сразу на войну, артиллерии на фронте не хватает, — они отпрашивались в другие части. Сейчас у меня более двухсот человек, сорок машин, другая техника, которая необходима для спокойной и надёжной работы.

Спросил: взаимодействовали ли с «вагнерами»?

— С «музыкантами» было весело, но непросто. Временами даже страшно. Вначале, когда мы прибыли к ним на усиление, они хотели отнять у нас пушки. Положили мои расчёты носом в землю. Начали цеплять к тягачам гаубицы. Пришлось договариваться. Кое-как договорились. Попасную разносили вместе. У нас там были самые большие потери. Вам об этом, я знаю, уже рассказали. — И командир дивизиона посмотрел на «Доброго». — Там были тяжёлые бои. Их там, «вагнеров», полегло много. Наши стволы раскалялись так, что краска лопалась. В итоге друг другом мы остались вроде бы довольны. Потом нас перебросили на другой участок. Сейчас мы в составе 3-го армейского корпуса. Это уже третья контора, с которой дивизион работает.

Командир дивизиона свою войну называет «работой». Другие офицеры тоже.

Разговорились о проблемах. Спросил о снарядах.

— Сейчас снарядов хватает. Есть свои, старые и новые. Северокорейские, китайские, другие.

Как-то, слово за слово, разговор зашёл о наградах. Оказалось, за два года боёв в дивизионе нет ни одной боевой медали. Как так случилось? Комдив говорил об этом неохотно. Мол, воюем не за награды. Это так. Но с другой стороны... Вот кончится война, бойцы поедут по домам, и там земляки обязательно спросят: «Где ж, ты, Петя, Вася, Коля, воевал? Где твои медали, воин? И воевал ли ты вообще?» Это как в «Тёркине» у Твардовского: «Обеспечь, раз я достоин!» Оказалось, представления из дивизиона уходят в вышестоящие штабы, отличившихся стараются отмечать, но представления от артиллеристов, ложатся где-то на дно, в тяжёлый ил. Ну и ну, подумал я. Мы уже были слышаны о некоторых

батареях, которые овладели своими гаубицами так, что, когда разведка обнаруживает цель и даёт координаты, а расчёты дают отмашку подавить её тремя выстрелами, зачастую первый же снаряд ставит крест на блиндаже, позиции пулемёта или гранатомёта.

— Был у меня один наводчик... — «Бекас» делает паузу. — Такие наводчики — редкость. Глаз — алмаз. Первым же выстрелом мог накрыть цель. Не уберёт. Сколько раз говорил: не выходить из укрытий без бронезилета... Бесполезно. Завис беспилотник, сбросил мину... Погиб мой наводчик. Другая проблема — нехватка лейтенантов, командиров орудий, взводов. Вообще младших офицеров. Где их взять? Иногда, во время формирования, артиллеристов засовывают в пехоту, — говорит «Бекас». — И оттуда его вытащить практически невозможно. Он артиллерист! Редкий специалист! А бегаёт с автоматом в штурмовой группе. Надо бы, чтобы военкоматы это отслеживали более внимательно. Артиллеристов, особенно младших офицеров, только к нам.

— А училища? — спросил я. — Каждый год идут выпуски лейтенантов.

— Выпуск, а не выпуски, — торопливо уточнил майор. — У нас на все вооружённые силы осталось одно артиллерийское училище — Коломенское. Все остальные закрыты, уничтожены.

В дивизионе больше половины калужан. Воюют хорошо.

— Нам бы ещё таких, — размышляет командир дивизиона.

Зашла речь о другом. Я слушал майора и торопливо записывал его размышления.

— Сделать из мобилизованного и даже из добровольца артиллериста трудно. Тут много факторов. Разных. И противник у нас всегда сильный, мощный. По пехоте лупят в основном лёгкие миномёты, пулемёты. А по нам — арта. Ребята воюют, будут воевать, но только со своим командиром. С тем, кто в трудный момент, спасая свою шкуру, не бросит на убой. И в этом они должны быть уверены. А откуда у них может взяться эта уверенность? Из опыта. Только из опыта. Кто в Ногинске ходил в беретках, с флагами ВДВ... Я их здесь не вижу. Когда солдата хвалят, ему хорошо. Он сам понимает, что не зря здесь мёрзнет или от жары страдает. Когда заботятся о нём... — Майор кинул быстрый взгляд в сторону своего зама по тылу. — Кто о нём здесь позаботится, если не командир? За всё время войны дивизион потерял десять человек. Знаю одно: когда потери огромные, снова загнать бойцов на штурм очень трудно. В основном это касается пехоты. Общаемся, знаем. Снаряды... Разные. Вот вы спрашиваете,

какого года изготовления снаряд. Он может быть выпуска двадцать второго года. Свеженький. А взрыватель шестьдесят третьего. Прошлый век. Всё. Можно не стрелять, порох не жечь. Когда с Евкуровым входили в Приштину, наш батальон курировал лично Квашнин. Он потом вручал мне погоны капитана, досрочно. О разведке. Правильно, конечно, входить в заранее разведанную местность. Но для этого требуется время. А противник не дремлет. Поэтому.. — «Бекас» как-то зловеще усмехается, как будто, вопреки требованиям уставов, хочет настоять на своём. — На дурака лучше всего. Проверено. Пока противник не спохватился. Конфликты? Да война — это сплошной конфликт. И с противником, и со своим командованием. Мне порой говорят сверху: странный ты командир дивизиона, вроде как неправильный: сам, мол, ищешь цели, сам, без нашей команды, их расстреливаешь. А я знаю, что, пока согласишься, пока получишь добро, цель исчезнет или, что ещё хуже, отработает по тебе. Порой и от соседей услышишь: попрिдержал бы, мол, свою инициативу, пока, мол, тебя здесь не было, по нам не стреляли... Мои стреляют хорошо. Если не точно в цель, то — три-пять метров от неё, а это, считай, накрыли. Цель сметена. Почти все из мобилизованных, первого призыва. Калужане. Случается, ранят, тяжело. Возвращается, просится назад. А сам не слышит после контузии, рука не работает. С такими трудно расставаться. Семья? Вторая жена. От двух жён — трое сыновей и дочь. Есть уже и внук, тоже, как и я, Димка. Это уже третья война в моей жизни. Не думал, что я, пятидесятилетний, могу куда-то попасть, тем более туда, где нужен, то есть на войну. В дивизионе в основном калужане, немного из Московской области. Ребята все надёжные. За каждого ручаюсь. Любят свою Родину и готовы отдать за неё жизнь. Как можно таких не уважать? Хотя люди разные. У каждого свой характер. Мой дивизион сыт, одет. У нас всё нормально.

В расположение гаубичного дивизиона мы ехали с надеждой попасть непосредственно на позиции. Третья поездка, а пушек в глаза не видели. Но пока пили чай и разговаривали, по рации сообщили: на одну из батарей налёт дронов.

Я спросил:

— Без потерь?

— Видимо, да, — ответил «Добрый». — Паники нет, значит, обошлось. Но на позиции не поедем. Если налетели раз, то жди и другого. У них, как у пчёл: день вылета... Погода, видите, какая — солнце без облаков.

Ясных солнечных дней здесь не любят. Летают не только разведывательные БПЛА, но и «камикадзе».

Настаивать мы не могли. Спасибо, что дали возможность побывать в расположении дивизиона.

— Вы должны меня понять, — сказал «Добрый». — Если что случится, мне сразу голову снимут. Да и сам я себе потом не прощу.

На дорожку подогрели остывший чайник и поставили на стол, подложив под него какую-то книгу.

«Добрый», командуя чайной церемонией, сказал бойцу, подогревавшему кипяток:

— Зря ты, «Индус», чайник на книжку поставил. Среди гостей писатель...

Это был шестой том из зелёного «правдинского» собрания сочинений Н.С. Лескова. «Индус» быстро выхватил книгу и заменил её деревянной дощечкой.

Голубев взял книгу, начал читать оглавление.

С «Индусом» мы снова столкнулись перед отъездом, уже на улице. Смуглый, почти африканец, но с европейскими чертами лица, он действительно походил на индуса. Оказалось, калужанин. Когда я впервые увидел его, подумал, что он, по всей вероятности, откуда-то с Кавказа. Смоляная борода, чёрные жгучие глаза. Но потом, увидев его позывной, нашитый на камуфляж — «Индус» — понял вдруг, что он русский. И точно, он разговаривал без акцента, более того, родными калужскими интонациями. Как говорил классик, язык — явление социальное. В чёрных цыганско-кавказских глазах славянская застенчивость. Другие черты и чёрточки. Я потом пожалел, что не поговорил с ним. О чём, неважно. О чём-нибудь. Потому что с некоторых пор понял: всякого человека человеку посылает Бог.

Расставаясь, я подарил дивизиону с десяток экземпляров серии «Книга из солдатского вещмешка». Изданы они при финансовой поддержке администраций Тарусского района и города Обнинска, а также Калужского отделения КПРФ. Книги ушли по назначению. И неважно, послужат ли они ещё и в качестве подставки для разогретой на костре банки тушёнки. Пусть! Фронтovou газету Западного фронта «Красноармейская правда», где впервые публиковалась «Книга про бойца», тоже на фронте на раскур пускали.

Когда начали прощаться и уже вышли на улицу под виноградный полог, рядом с домом послышалась автоматная стрельба. Сперва стреляли одиночными, неторопливо, должно быть, тщательно прицеливаясь, потом короткими очередями.

— Что там?

Оказалось, над селом завис дрон. Его и отпугнули автоматной стрельбой. Возможно, наше появление в Новоивановке не прошло незамеченным.

Уже в Тарусе, работая над записками, по новостям передали об истории с заместителем министра обороны Российской Федерации Тимуре Иванове. Арестован. Проворовался по-крупному. Чёрт возьми! Настоящие офицеры рвутся на фронт, подставляют свои тела под осколки и пули, пренебрегая бронежилетами, потому что они стесняют движения, а это мешает выполнению боевой задачи...

Тысячи вопросов вспыхнуло сразу в мозгу. Как? Почему? Вспомнилась история с поеденными мышами сотнями тысяч комплектов военной формы. Вспомнилась история с нехваткой выстрелов для орудий, отсутствием на первом этапе войны бронежилетов, шлемов. Да что там говорить, мои коллеги питерские писатели до сих пор доукомплектовывают подразделения, где служат их земляки, и радиоаппаратурой, и металлоискателями, и прицелами для снайперских винтовок и автоматов, и запчастями к автомашинам для вывоза раненых. Я уже не говорю о воде и продовольствии. Из Тарусы, Ферзиковка, Жукова, Обнинска, Кондрова и других городов и райцентров идут и дут постоянным потоком гуманитарные конвои с медикаментами, тушёнкой, спальниками, берцами, блиндажными свечами, рулонами сетки-рабицы, маскировочными сетями. У нас так: каждая трудная война — народная. И народ, как это бывало во все времена, не ропщет, вместе с армией впрягся и тащит эту лямку, как терновый венец.

Но кто-то в это время на войне делает большие деньги! Кому война...

В Новоивановском мы наблюдали такую картину. При въезде в село хорошо оборудованный мобильный торговый павильон. На столах разложена армейская обувь, снаряжение, бельё и медицинские аптечки разной наполненности, рюкзаки, сумки, знаки различия, погоны, нашивки, в том числе и на липучках. На витринных плечиках голубые полосатые майки для десантников. Камуфляжи разных фасонов и расцветок: «олива», «хаки», «аку», «мультикам», «лесной», «мох»...

— Неужели торгуют? — спросил я «Доброго».

— Вовсю! — сказал он с негодованием в голосе.

Мы с Голубевым переглянулись. Нам стало немного не по себе.

«Добрый», видимо, подумав, что мы хотим что-то прикупить, поспешил предупредить, что здесь всё в два-три раза дороже, чем в Москве или в Калужской области и что качество то ещё...

— Кто же организовал здесь, в четырёх километрах от се-рой зоны, такую торговлю?

— Понятия не имею. Никто не знает. — «Добрый» сделал акцент на *никто*.

Какое-то время мы ехали молча. Потом сержант поддал газу, и стало веселей. Мы въехали в зону БПЛА.

Не знаю, может, эта торговля и законная. Ответа на это мы так и не получили. Но что-то в этом есть ненормальное, вывихнутое изначально, как врождённое уродство, деформированное. Возможно, это и не связано с генералами и нашим командованием. Но всё возможно...

Писатель Анатолий Салуцкий опубликовал очередную острую статью, в которой, в частности, пишет: «Достаточно одного генерала Тимура, чтобы подорвать веру в справедливость завтрашнего дня». Одного... Но если бы он был один.

Правда, произведённые главнокомандующим ВС РФ перестановки в Минобороны обнадёживают. Шойгу покинул пост министра, его занял экономист Андрей Белоусов. Военный эксперт Андрей Перла прокомментировал это назначение так: «Понять назначение Белоусова можно только одним образом: Минобороны ждет экономический аудит. И превращение в финансово-эффективное ведомство. А войсками руководить будет совсем другой орган власти. Может быть, дело даже дойдет до создания ГКО — государственного комитета обороны?»

Комбат Александр Ходаковский: «Напряжённость, сдержанность, внимание — работа. Если бы даже самая удачная перестановка могла привести к быстрому результату — давно бы всё случилось. Что было самое страшное? Выстроенная система тотальной дезинформации всех и вся. Это первое, с чем предстоит бороться, если на то будет [правящая] воля. Искренне успехов!»

По всей вероятности, в связи с назначением Белоусова тут же заговорили о возвращении из Африки на Украинский фронт генерала Суровикина. А если «генерал Армагеддон» возвращается, то изменится и ситуация на фронте.

Наши войска теснят противника на Харьковском направлении. А в Тарусе в городском соборе Петра и Павла отпевали тело штурмовика-гранатомётчика Алексея Артеменко. На войну ушёл добровольцем 7 марта 2024 года. 28 апреля погиб в бою под Работино.

Помяни, Господи, воина Алексея в обителях Твоих!

СНЫ В ОПРОКИНУТОМ ДОМЕ

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

1

Инсульт стукнул меня в самое неподходящее время: сидел на совещании ветеранов ВМФ в Краснознаменном зале Центрального дома Российской армии и вдруг поплыл: сначала почувствовал слабость в правой руке, затем одеревенел язык, попытался встать — правая нога не слушалась, перед глазами заскользили темные точки. Я откинулся в кресле и с трудом сказал соседу, капитану первого ранга:

— Что-то мне худо, брат...

Он глянул на меня, встал, крепко взял за талию и повел по коридору к роскошной лестнице, на которой стояли солдаты. Перемещение мое выглядело так: левая нога шагала довольно твердо, правая — волоклась, а правая рука словно висела на гвозде. «Срочно, «скорую!» — крикнул капитан первого ранга, и солдаты посыпались с лестницы. Меня положили на диван в холле. Я попытался расслабиться, но тут дом покочнулся, потолок стал полом, возникла мысль — вот так и бывает...

«Скорая помощь» приехала минут через двадцать. Мальчик и девочка. Они деловито развернули меня, вот-

ПРОЗА

кнули иглу в ягодицу, измерили давление. Лекарство начало действовать. Я слышал вокруг писклявые голоса, зеленый халат взлетел и цепко сел на спинку дивана. Потом меня куда-то везли, стучали колеса, внезапно вспыхнул свет и открылся пустой коридор, скрывающийся в перспективе, постепенно превращаясь в тоннель, навстречу мне брел, цепляясь за стену, совершенно голый человек. Понятно, решил я, его там не приняли, и он возвращается к жизни. Загремела железная дверь лифта. Кабина качнулась и взмыла вверх. Дальше путаница: огромная палата, разделённая перегородками на секции, приборы, перемигивающиеся огоньками, внимательные глаза врача — женщины сказочной красоты.

— Постарайтесь уснуть, — сказала она, и опустился мрак.

Там, в реанимации, меня впервые посетил кошмарный сон, который потом многократно повторялся, изменялись лишь отдельные детали, а сюжет сохранялся.

Я почувствовал, что здание больницы с треском завалилось на бок, из труб повалил пар, откуда-то хлынула вода, койка сдвинулась с места и выплыла в свободное пространство. По проспекту текла человеческая река — люди без лиц, сцепленные между собой, двигались ритмично, и всё это напоминало гигантскую сороконожку. По небу растекалось багровое зарево. Сороконожка скользнула в распахнутую дверь метрополитена. В чувство меня привело прохладное прикосновение руки дежурной сестры. Сердце колотилось где-то у горла. Далее из сумрака возникла гостиная моей квартиры на Комсомольском проспекте. Большой полукруглый стол, глубокие кресла, двери в смежные комнаты отсутствовали, гостиная как бы зависла в пространстве. На небольшом журнальном столике лежала книга, что я читал утром. За столом разместились отец, мать, жена, у окна в кресле сидел незнакомый старик, точнее, его зыбкая тень. Они улыбались, приглашающе махали мне руками.

— Ну вот, наконец-то мы вместе, — сказал я, удивляясь, что говорю — мой голос отчетливо прозвучал в тишине.

Сестра подошла ко мне, спросила:

— Вы что-то сказали?

— Я не совсем понимаю, где нахожусь?

— Вы в больнице. Ощущаете ногу?

— Нет.

— Говорите уже хорошо.

2

На третий или четвертый день меня перевели в палату на четверых. Напротив меня, у умывальника, лежит старик, сле-

ва разместился молодой человек, совсем юноша, у окна, всхрапывал мой ровесник с треугольной головой. И тут вошел мой сын Игорь, сорокапятилетний мужик, генеральный директор крупной фирмы, его охранник поставил на стол букет цветов, пакет и удалился.

— Ты что это надумал, отец? — расстроено спросил сын. Он очень походил на меня: густые с проседью волосы, зачесанные на пробор, массивная фигура, дорогой костюм.

Я сдержал улыбку:

— И на старуху бывает проруха.

— Я обзвонил больницы, морги, привлек приятеля из ФСБ. Почему тебя не положили в госпиталь имени Бурденко? Или Вишневого? Контр-адмирал, Герой Советского Союза.

— Не пыли! Откуда знать этим пичужкам, что я контр-адмирал? В паспорте не написано. А язык отнялся. Да здесь хорошо, чисто, недавно ремонт сделали. Первая Градская своими врачами славится.

— В Кремлёвку переведем...

— А вот это не надо. С простым народом лучше.

— Твое упрямство известно. Что врачи говорят?

— Инсульт. Речь, как видишь, восстановилась, правая рука крепнет, а нога — бревно. В галюон не пускают, утка, да эта хреновина — судно называется. Дней через десять доктор обещал костыли выдать. Обуза тебе, сын.

— Чепуха. Найму сиделку. Недели три пролежишь, а дома найдем другую, за тобой приглядывать. Прорвемся, батя.

— Куда прорываться? Мне круто за семьдесят. — Я почувствовал, как слеза выкатилась из левого глаза.

Игорь сделал вид, что не заметил.

— Ты полежи, я с лечащим врачом поговорю. Как его зовут?

— Леонид Павлович.

«Хорошего сына мы воспитали, — подумал я, — флотской закалки».

Дверь прикрылась и всё стихло. Я закрыл глаза, вновь подступила слабость. Я почти всё время сплю. По углам палаты скапливаются сумерки. И вдруг человек с треугольной головой, легко вскакивает с койки, подходит ко мне, садится на стул: крапчатая лысина, узкое лицо в обрамлении бороды. Я понимаю, что это сон, он не может встать. Мучает другое, стертые черты лица знакомы мне. Я знаю этого человека, знаком с ним. Сколько длится сон, не ведаю, приоткрывается дверь, человек с треугольной головой исчезает, входит лечащий врач, за ним — сын.

— Ну что, Александр Иванович, как себя чувствуете? — Леонид Павлович оптимист или старается таким казаться в силу профессии.

— В правой руке появилась чувствительность, а правая нога — без перемен.

— Ну, не всё сразу. Через неделю, другую выдам вам костыли. Будем учиться ходить.

— И еще, доктор, — замучили кошмары. А когда везли в отделение, видел совершенно голого человека. Галлюцинации?

Доктор усмехнулся:

— Нет. К нам бомжа доставили, грязного, завшивленного. Пришлось отмывать, брить. Пока одежонку для него искали, он отправился искать туалет. Марина, дайте больному снотворного. Да, мы с вашим сыном решили вопрос с сиделкой. Завтра утром подойдет. Милая, интеллигентная женщина, из бывших учительниц. Переводить вас в госпиталь резона нет. Да вы и нетранспортабельны пока. Не думаю, что в госпитале вам будет лучше. У нас оснащение техникой не хуже. Врачи — доктора наук, кандидаты. Подождем.

Врач извлек какой-то блестящий предмет, прикоснулся к моей ноге. Я не почувствовал.

— Понятно. Ну ладно, я пошел, а вы общайтесь.

Сын склонился ко мне:

— Батя, прости, у меня через час совещание директоров компаний. Без меня никак нельзя. Завтра я приеду.

— Давай, Игорек, я уже ничего. Привыкаю понемногу.

Суходом сына возникла пауза. Чтобы отвлечься, стал разглядывать соседей по палате. За окном солнечный день, голубое небо. Напротив меня лежит старик, на одеяле разбитые работой руки, высокий лоб, изможденное лицо. К нему приходит маленькая, сухонькая старушка, поит с ложечки чаем. Старик не говорит, только мычит, а глаза светлые, спокойные. В углу — студент. На тумбочке гора книг. Ему разрешили вставать, ходить в туалет, опираясь на костыль. Высокий, худой, молчаливый парень. Загадка — человек с треугольной головой. Руки в татуировках, лежит, не шевелясь. У него тяжелый диагноз. Нянечка кормит его с ложки. У каждого своя судьба. Старик, скорее всего, рабочий. Детей нет или они бросили его — сейчас это просто, приходит верная жена, оба у вечного порога. Студент, судя по стопке книг на тумбочке, скорее всего филолог. У него ишемический инсульт. Инсульт нынче помолодел, валит совсем мальчишек. Но он быстро поправляется. К нему приходит девушка, возможно, однокурсница. Некрасива, но мила. Чаще всего они говорят о писателе Набокове.

— Рудик ты обратил внимание, сколько у Набокова стихов с упоминанием сновидений. Можно составить сборник.

*Глаза прикрою и мгновенно.
Весь легкий, звонкий весь, стою
Опять в гостиной незабвенной.
В усадьбе, у себя, в Раю...*

— Конечно, он тосковал по России. Как тебе такое трехстишие:

*Вся Россия делится на сны,
Что несметным странникам даны,
На чужбине ночью долгой...*

И только человек с треугольной головой молчит, хотя говорить он может. С сестрой он общается медленным шелестящим голосом. Я пытаюсь разгадать его профессию и не могу. Судя по наколкам, он сидел в тюрьме. На пальцах два синих квадрата — две ходки.

Читать мне временно запрещено, и я как бы заново проживаю свою жизнь, воспоминания яркие, отчетливые, всё это перемешивается, рождая картины, которых не было в жизни, а может, я забыл о них.

3

Утром Леонид Павлович привел сиделку. Даме лет шестьдесят, может, больше, именно «даме», другого слова не подберешь. В прошлом — учительница. Как-то неловко, как она будет судно выносить. Тепло улыбнулась:

— Меня зовут Мария Павловна. Мне еще не приходилось ухаживать за адмиралом да еще Героем Советского Союза. Но вы для меня прежде всего больной и как моряк — человек дисциплинированный. Не так ли?

— Как поется в романсе: я отдаюсь без ропота и слёз...

— Ну и хорошо.

Халат на Марии Павловне явно не госпитальный, а сшитый на заказ. На ногах бахилы, голову украшает кокетливая шапочка. Как говорится — всё чин-чинарем.

— А как с оплатой вашего труда?

— Он решён с вашим сыном. Сын назвал сумму, в два раза превышающую мою зарплату доцента кафедры в университете.

«Доцента», — подумал я. — А что, верно — доцент».

Санитарок, как обычно, не хватает. Мария Павловна мыла пол в палате, ухаживала за стариком, человеком с треуголь-

ной головой. Но основное внимание мне. Делала всё легко, ненавязчиво, с улыбкой.

Как-то вечером я спросил Марию Павловну:

— Леонид Павлович мне сказал, что в прошлом вы работали преподавателем?

Мария Павловна улыбнулась:

— Да. Такой вот поворот судьбы. Ухаживая за больными, я как бы искупаю грехи. Десять лет назад умер муж. Онкология. За два месяца сгорел. Вот тогда я освоила приёмы ухода за тяжелыми больными, познала их психологию.

— Оставаясь преподавателем?

— Вы хотите подробно? Извольте. Вы представляете, что происходит сейчас в высшей школе? Да и в средней школе тоже? Фактически гуманитарная часть предметов целенаправленно уничтожается. Зачем, скажем, современному юноше знать основы философии, этики и так далее. Языки — особая статья — практично и модно. После окончания университета я работала в простой московской школе: красивый диплом, родители умерли — пожалели девочку, не отправили в глухомань. Закончила аспирантуру, защитила диссертацию, взяли в университет. Три языка в совершенстве: английский, французский, испанский. Мне перевалило за пятьдесят — возраст приличный, в любимчиках начальства не числилась, на кафедре начались сокращения, мне предложили перейти в престижную гимназию преподавателем. Меня в среде педагогов знали, многие учителя — мои ученики. Лучше бы я пошла в обычную школу. В гимназии расслоение на бедных и богатых особенно выражено. И дети такие же. Я с ребятами ладить умею, к тому же в гимназии в основном девочки, несколько парней. Преподавала английский и французский — языки нужные. Увлекла. А тут перевели из другой школы типичного мажора Германа Афонина. двухметрового детину, второгодника. Он стал наводить свои порядки. Постоянные опоздания, двойки по моему предмету. Как-то вошла в класс, он сидит, положив ноги на парту. Встать не изволил, нагло так разглядывает меня. Говорю ему, уберите ноги с парты, примите приличную позу. Он только ухмыляется. Явно под воздействием наркотиков. Класс настороженно наблюдает за нами. Я ему тихо, спокойно: так ведут себя дурно воспитанные люди, покиньте класс. Он: это отец меня дурно воспитал? Да ты хоть знаешь, кто мой отец? Повторяю, покиньте класс! Афонин: сама нарвалась, коза. Встал и с размаху ударил меня по лицу. Представляете, как может ударить такой дитина. Я потеряла сознание. Кровь.

А за директора гимназии осталась завуч, Тамара Михайловна, моя университетская ученица, она, как раз проходила по коридору, женщина решительная. Охрана скрутила хулигана. Вызвали «скорую помощь», полицию. Меня в реанимацию, Афонина в участок. Скандал! Потом рассказывали: налетели журналисты, телевизионщики. Девочки из класса сняли происшествие на мобильные телефоны. Меня перевели в челюстно-лицевую хирургию, оказалась — перелом челюсти. Операция. Под давление завуча я написала заявление в полицию. Приложила фотографии, видео. Материал дали по телевидению. Оказалось, что Герману исполнилось восемнадцать, и он подпадает под соответствующую статью. Вечером забежала Тамара Михайловна, лицо измученное, рассказала, что директриса вернулась из командировки, устроила истерику. А тут комиссия из министерства. Всё перевернули, выяснили, что директриса крутила аферы с родительскими деньгами. А поборы были серьезные. Ее уволили в двадцать четыре часа. А на другой день явился адвокат Афонина-старшего, этакий лощеный тип. Мальчик сорвался, не ломайте ему жизнь. А в качестве компенсации отец мальчика предлагает солидную сумму, вам до конца жизни хватит, только заберите заявление... Я не стала сдерживать себя: взятку мне предлагаете? А мальчик-наркоман будет по-прежнему бить учителей по физиономии. А тут вошла сестра делать мне укол. Я ей: вот смотри, Марина, этот тип мне взятку предлагает, будь свидетельницей. Адвоката словно ветром сдуло. А меня всю трясло. Бог все-таки есть. Через неделю смотрела в холле телевизор и вдруг диктор объявляет: «Сегодня утром в аэропорту Шереметьево сотрудники ФСБ задержали известного банкира Афонина Владимира Дмитриевича — пытался бежать за границу. Афонин находился в разработке. За ним крупные взятки, заказные убийства, а в девятых годах, как выяснилось, Афонин возглавлял крупное преступное сообщество. Ведется следствие».

Из гимназии я уволилась. Подрабатывала переводами. Работала сиделкой в больницах, замаливали грех. Ведь мальчишку можно было спасти. Зона не исправит.

Я возмутился.

— Напрасно вы так. Этот негодяй должен сидеть в тюрьме. Мажоров этих развелось... Наше общество больно, его лечить нужно. Я с двенадцати лет в нахимовском училище. Мы боготворили своих учителей. Пацаны, безотцовщина. Думаете, меня мать научила, как иглу в руке держать? Командир роты, орденосец научил. Вы правильно поступили, нувориши совсем распустились. Молодежь упушена.

Раньше пионерская организация, комсомол, а сейчас ночные клубы с наркотиками. Россию спасет провинция. В провинции зло не так распространено. Ребята на флот оттуда приходят нравственно здоровые, многие остаются по контракту служить. Из них хорошие моряки получаются. Простите, у вас семья?

— Одна. А в больнице я еще кому-то нужна.

Дней через десять Мария Павловна принесла костыли, чуть позже явился лечащий врач, как всегда веселый, краснощекий.

— Ну-с, Александр Иванович, давайте попробуем встать. Сожмите правой рукой мою руку. Да-а, подвижки есть, но небольшие. Спустите с койки здоровую ногу, обопритесь правой рукой о костыль. Собрались. Р-аз!

Я опустил здоровую ногу, оперся о костыль, не без труда встал, попытался шагнуть, но костыль выпал из руки и грохнулся на пол. Я едва устоял.

— Та-ак, — Леонид Павлович развел руками, — отрицательный опыт — тоже опыт. Давайте коляску, Мария Павловна.

Сиделка прикатила коляску и помогла мне разместиться в ней.

Леонид Павлович снял колпак, почесал лысину, сунул колпак в карман, вздохнул:

— Что же, придется пока пользоваться таким транспортным средством. Мария Павловна покатайте больного по коридору, коридор у нас, правда, небольшой, через недельку можно расширить маршрут. На воздух, в парк, бабье лето на дворе.

«Итак, я колясочник, это реальность, шансы восстановить руку и тем более ногу незначительны, — хмуро подумал я. — Ничего, прорвемся».

Через три дня я уже лихо гарцевал на коляске.

4

Скользя по палате, подъезжаю к окну, за окном золотая осень, желтизна на фоне голубого неба. Черные комья ворон раскачиваются на ветках. Рядом я слышу дыхание человека с треугольной головой. Наконец, я разглядел, почему голова носит такую геометрическую форму: узкий лоб, переходит в остроконечную лысину, запавшие щеки обрамлены пышной бородой, седые волосы лежат на груди, образуя основу треугольника. И вдруг я слышу слабый голос:

— Саша... Хлыщёв, ты ли это?

Я вздрогнул, вглядываясь в черты незнакомого лица. И вдруг узнаю его, вспоминаю и фамилию — Белоконь. Стар-

шина третьего курса, что был у нас, первокурсников, помощником командира взвода. Вспоминаю и эпизод, сделавший нас врагами.

В нахимовском училище я занялся баскетболом — рост, реакция, всё при мне. В училище я сразу попал в сборную. Как-то ко мне подошел тренер по боксу и спросил:

— Сколько ты вешишь, Саша?

— Где то за восемьдесят. А что?

— Мне до зарезу нужен полутяж. Один раз выступишь и баста.

— Так я больше по баскетболу. Драться, конечно, приходилось. Я ведь нахимовец.

— Покажу тебе основы. Двигаешься ты хорошо. При твоём росте джебом не подпустишь близко противника, а удар правой через руку у тебя пойдет, уж я-то знаю. Сделаем тебе третий разряд. Выручай, милый.

Я сдуру и согласился. На первенстве училища я встретился со старшиной Белоконом. Второразрядник, качек, чемпион училища. У меня одно преимущество — рост, я на голову выше Белоконя.

В раздевалке Белоконь с усмешкой сказал:

— Ну что, в первом раунде ляжешь или я из тебя отбивную сделаю?

— Сразу не лягу. И вообще ринг покажет.

— Ну-ну, я тебя предупредил.

Баскетбол много дает боксеру. Реакция, нырки, чувство дистанции, точность броска. Тренер показал мне фильмы боев Шаткова, Королева, поговорили о тактике бокса.

Первый раунд я кружил вокруг Белоконя, ловко уворачивался, перчатки держал высоко, изредка постреливая левым прямым. Противник промахивался, наполняясь злостью. Во втором раунде кинулся на меня. Опустив левую руку, я встретил его справа, целясь в массивный подбородок, и удивился, увидев, как у Белоконя подкосились ноги, и он упал, обвиснув на канатах. Зал заревел. Через несколько минут рефери и боковые судья с трудом унесли его в раздевалку, вызвали «скорую помощь».

Две недели Белоконь отлежал в госпитале, вернулся осунувшимся. Я для него перестал существовать. На втором курсе у нас появился другой старшина, я больше на ринг не выходил, несмотря на просьбы и угрозы тренера. А потом Белоконь вообще исчез из моей жизни. Знаю только, что его направили служить на Балтику.

— Ты, небось, капитаном первого ранга в запас ушел? — шелестел Белоконь.

— Бери выше, контр-адмирал, командир дивизии атомоходов, потом Главный штаб ВМФ.

— Круто. А я дальше старлея не пошел.

— Что так?

— Водка проклятая. Всё шло хорошо, я попал на среднюю лодку 613-го проекта, дорос до «бычка». Звездочка досрочно, врезали по этому поводу, и зацепился я с пацанами в парке Кадриорг. Я троих изуродовал, в больнице еле откачали. На меня завели дело, уволили с флота — и в тюрьму на три года. Во время прогулки блатные хотели меня на перо поставить, я двоим челюсти сломал. Еще срок добавили. Вышел, никому не нужен, устроился в Питере помощником на рейдовый буксир, женился, все вроде хорошо, но обидно... Вот и стал попивать. В последние годы складом в порту заведовал, связался с урками и под старость загремел в зону. Жена ушла. Отсидел пятерик, вернулся в Питер, ни родных, ни друзей. Сунулся в первый попавшийся бар, а оттуда — сюда. Бог наказал, привезли умирать. И знаешь, чего боюсь: похоронят не по христианскому обычаю, а как бомжа, сделают из моего трупа анатомическое пособие для студентов...

...И опять тот же сон: дом опрокинулся, и в облаке пара потекли по проспекту муравьиные потоки безликих людей, полыхнуло зарево, растекаясь по небу. Потом сон ли, явь: сквозь пелену тумана в палату вошли люди в синих халатах, о чем-то пошептались, переложили кого-то на каталку, накрыли простыней и быстро вывезли в коридор. Под утро приснилось торжественное построение на плацу в училище. Начальник училища, вице-адмирал, вручает нам дипломы и кортики. Яркое солнце, золото погон на парадных тужурках. Но почему-то процедура проходит при полном молчании.

Проснулся, когда пришла Мария Павловна. Койка, на которой вчера вечером лежал Белоконь, была пуста. Появился лечащий врач Леонид Павлович, я спросил у него:

— Белоконя вы перевели?

— Перевели, — хмуро ответил Леонид Павлович. — А вы откуда его знаете?

— Одно училище кончали. Белоконь у нас, первокурсников, был старшиной.

— Зек с двумя ходками, ваш однокашник?

— Не повезло мужику, вся жизнь наперекосяк. А куда его перевели? В реанимацию?

— Умер он, — тихо сказал врач.

— Умер? Белоконь одинок, родственников нет, похороны я беру на себя. Гроб, кладбище, словом, всё по предложению агента я финансирую. Можно организовать?

— Пусть сын позвонит мне, я свяжусь с нужными людьми. Хотя странно всё это выглядит...

5

Знакомство с женой важная веха в жизни. Я опять отплыл в те далекие годы.

...Музеи и театры меня мало интересовали. Два раза побывал в Эрмитаже, в морском музее, на первом курсе нас водили в Мариинку, театр оперетты — не тронуло, не задело. Предпочитал танцевальные вечера в Мраморном зале, в Доме культуры связи, где танцами руководил незабвенный Хавский. А тут занесло меня, выпускника, четверокурсника в Русский музей. Верещагин, помнится, потряс меня, особенно картина, где изображена пирамида из черепов. Я даже не стал читать надпись на табличке под картиной. В голове металась мысль: как просто и убедительно. Рядом остановилась девушка в строгом сером костюме, белой блузке, туфельках без каблучков. Девушка была красивой, но какой-то несовременной. Музейной красотой я уже насмотрелся на женских портретах разных княгинь, графинь, известных певиц. Серо-голубые глаза, нос с небольшой горбинкой и светлые густые волосы, забранные в причудливую прическу. И никакой косметики. Первое, что пришло в голову — графиня.

— Впечатляет, воин? — спросила у меня девушка.

— Да-а, задумаешься об избранной профессии. Но ведь и Родину кто-то защищать должен.

— А какая у вас специальность?

— Самая морская — штурман. Будущий подводник.

— И вы первый раз в Русском музее?

— Откуда вы знаете?

— Как-то робко себя держите. Такой большой, сильный. Пойдемте, я покажу вам лучшие картины. Во всяком случае, мне они нравятся. Когда у вас кончается увольнительная?

— Свободен, как ветер.

Так всё и началось. Девушку звали Маша, училась на последнем курсе пединститута имени Герцена. Будет преподавать русский язык и литературу. Маша открыла мне Петербург — с каналами, окраинными улочками, парками, скверами. Знала она поразительно много. Отправляясь в Царское село, мы поднимались по лестнице Витебского вокзала. Маша остановила меня:

— Саша, обрати внимание на бронзовую ручку дверей. Какая прелесть. Вот за эту ручку взялся замечательный поэт Иннокентий Анненский, учитель Гумилева в гимназии, взялся, упал и умер.

А я даже не слышал об этом поэте. Нужно сказать, что Маша сообщала мне всё это деликатно, не задевая моего самолюбия. Кое-что я узнал и о ней. Отец погиб во время Финской войны, мать работала портнихой, девочку в основном воспитывала бабушка.

— Семнадцатого сентября сорок первого года, дату я узнала потом, — рассказывала Маша, — в наш дом на углу улицы Верейской и Клинского проспекта попала немецкая бомба. Мама собирала вещи, готовясь к эвакуации, а мы с бабушкой пошли в магазин. Когда попала бомба, бабушка вытолкнула меня на улицу, сама выйти не успела. Там среди пыли и гари меня подобрала тетя Рута, военврач из Военно-морской медицинской академии. Дальше я плохо помню, мне три года, какой-то корабль, затем полторка, осознавать себя начала только в Кирове, куда позже эвакуировалась академия. В сорок четвертом году академия вернулась в Ленинград, тетя Рута меня удочерила. Нам выделили небольшую однокомнатную квартиру на первом этаже, бывшую дворницкую в доме у Обуховского моста, в начале Московского проспекта. Тете Руте за семьдесят, но она работает хирургом в поликлинике. Я тебя с ней познакомлю, интересный человек, память, как у молодой.

Бывшая дворницкая поразила меня чистотой и бедностью обстановки: две деревянные кровати, небольшой стол у окна, шкаф, швейная машинка «Зингер», крошечная кухонька, за занавеской в прихожей умывальник и унитаз. Комнату украшала картина в старинной раме. Море, парусники. Добротное письмо. Под влиянием Маши я стал немного разбираться в живописи, сказались уроки в Русском музее

Тетя Рута — высокая, статная женщина, выглядела моложе своих лет.

— Проходите, молодой человек. В вашу честь я испекла трубочки с кремом и заварила чай по особому рецепту. Бушлат повесьте на вешалку в прихожей, палаш поставьте в угол. Живем, как видите, в царстве лилипутов.

Я отстегнул палаш и подошел к картине и сказал:

— Маша, смотри. Если я не ошибаюсь, это Боголепов.

— Молодец, ставлю тебе пять.

— Это очень дорогая картина.

— Да, единственное, что осталось от прежней жизни, — с усмешкой сказала тетя Рута. — Я нашла ее в развалинах нашего дома, картина попала под нависшую стену, потому ее не тронули дождь и снег. Пришлось реставрировать.

Пили чай, разговаривали.

Левашов пододвинул к себе машинку и на бланке академии отстукал письмо. Я бегло пробежала текст: «В связи с планирующей передислокацией Военно-морской медицинской академии в город Киров для подготовки и согласования с местным руководством размещения объектов академии командирован военврач третьего ранга Морозова Рута Урбановна. С ней следует дочь Мария двух лет. Просьба партийным и советским органам оказать содействие». Как сейчас помню текст. Левашов спрашивает:

— Как, годится?

— Вполне. Особенно хорош военно-бюрократический язык.

— Поговори у меня, — Левашов взглянул в окно. — Полуторка подъехала, удачи тебе.

Я сунула бумагу в планшет, схватила чемодан, прижала девочку к себе и — к машине.

Полуторка с водителем, молодым солдатом, мчалась по городу мимо дымящихся развалин, я шептала на литовском молитву. Видимо, Бог сжалился надо мной, с Запада напознала туча, нелетная погода — наше спасение. Маша уснула, прижавшись ко мне. Полуторка подкатила к причалу. На буксире уже возились с трапом. Я подбежала к краснофлотцу, тот пожал плечами:

— Баржа переполнена, товарищ военврач.

— Зови начальника.

— Добро.

Подошел капитан, пожилой, кряжистый. Я протянула ему письмо. Он глянул текст, сказал:

— Баржа под завязку. Давайте на буксир. Доктор в этой авантюре может пригодиться. Занимайте с девочкой мою каюту, мне отдыхать не придется.

Краснофлотец в оранжевом спасательном жилете провел нас на буксир, показал каюту. Я положила девочку на койку, легла рядом и мгновенно уснула.

Проснулась от грохота, с буксиром происходило что-то неладное, он переваливался с борта на борт и, казалось, что вот-вот перевернется. Девочка спала, устроившись у меня под мышкой. Я подошла к иллюминатору, мутно-желтая волна ударила в стекло, кто-то рядом, за переборкой, закричал:

— Руби буксирный трос, а то баржа утянет нас на дно.

Послышались звонкие удары по железу. Я кинулась к другому иллюминатору. То, что я увидела — потрясло: баржа, черпала воду, на поверхности виден был лишь округлый нос и небольшая надстройка, корма уходила в глубину, трос с визгом сорвался, через минуту на том месте, где была баржа,

носились крутые волны. Ладогу штормило. Распахнулась дверь, ввалился капитан в клеенчатой куртке с капюшоном, хмуро бросил:

— Хопец, утонула баржа, теперь меня к стенке поставят, а ведь я говорил начальнику порта, что тащить людей на дырявой барже в эту пору по Ладоге — преступление. Куда там. Сто с лишком человек погибло. Пойдем, дочка, в машинном отделении раненые есть, из тех, кого удалось спасти. — И протянул мне штормовку. — Надень, хотя все равно промокнешь. Накрой девочку моей шинелью.

Я достала из чемодана небольшой саквояж, в нем набор хирургических инструментов, перевязочный материал, медикаменты, и шагнула вслед за капитаном, пошла, хватаясь за скользкий леер. Открылся люк и ко мне протянулись руки. Дальше помню плохо: кровь, перевязки, инструменты обеззаразила спиртом, кипятить негде. Шторм стал затихать, буксир ходко двигался к береговой полосе. Я выпила стакан водки, укрыла раненых и вернулась в каюту капитана. Маша сидела на койке и смотрела на меня большими глазами. Лицо ее скривилось, и она заплакала. Дальше — трудная дорога в Киров.

Таким мне запомнился рассказ приемной матери Маши...

6

Меня считали командиром-везунчиком — восемь походов подо льдом и ни поломок, ни столкновений, даже сложный подледный поход, за который я получил Героя, прошел в целом благополучно. Поговаривали о какой-то моей особой интуиции, мол, как еще объяснить факт, что я всегда находил полынью во льдах, всплывал, не повредив легкий корпус, не смяв выдвижные устройства. А все дело в березовом чурбачке, чурбачок я опускал в шахту перископа, при моей комплектации с трудом протискивался в шахту — чурбачок удерживал перископ на нужном уровне, ложился и глядел в окуляры, отыскивая голубое пятно полыньи, и всплывал. Ни разу не промахнулся, не вмерзал в лед, как это случалось с английскими субмаринами.

Но память упрямо выводила к самому значительному событию в моей жизни — к Карибскому кризису. Да, вывернулись тогда, благодаря командиру Рюрику Кетову и комбригу Виталию Агафонову, подлинным ассам подводных глубин.

К снам с опрокинутым домом я стал привыкать, научился гасить озноб от кошмаров. Человек ко всему привыкает. А тут приснился сон, плавно перешедший в воспоминание о начале службы.

Когда я сделал Маше предложение, тетя Рута сказала:
— В качестве свадебного подарка организацию свадьбы я беру на себя. Празднуем в ресторане «Нева», метрдотель — мой давний знакомый, когда-то я его оперировала. Празднуем спокойно, по-семейному, при небольшом количестве приглашенных гостей — только близкие друзья.

И всё получилось.

На распределении кадровик спросил, на каком флоте я хотел бы служить.

— Северный флот, лодка любого проекта. Желательно «Букашка».

— Почему «букашка»?

— Автономность больше, для штурмана — простор и больше практики.

— Тогда на бригаду в Полярный. Есть местечко.

— Годится.

Полярный в те годы — самое обжитое место на Севере. Сел на катер и ты в Североморске, а там и Мурманск. Вещей — совсем ничего: два чемодана, да малой скоростью отправил багаж, в нем в основном форма и постельные принадлежности. Встретили нас с Машей тепло, трехкомнатная квартира — каждому семейному офицеру по комнате с мебелишкой. Все необходимое есть, даже посуда, осталась от прежних хозяев. Дом после войны ставили, без излишеств, но путем. Соседи — механик, минер, все с «букашки» Б-4, магазин рядом. Одно плохо — сухой закон, но Маша изловчилась, спрятала две бутылки водки для проставы среди женского белья. Дежурный по КП не рискнул в женском белье копаться. Дело как-то сразу заладилась.

Осень 1962 года Хрущев приказал направить в Карибское море атомные подводные лодки для ударов из глубин по американским кораблям. Он не знал, что один атомоход К-19 находится в ремонте после тяжелой аварии, остальные только вводятся в строй. Главком принял решение использовать 4-ю эскадру дизельных лодок. К реальным действиям была готова 69 бригада. Это была чистой воды авантюра: направлять дизельные подводные лодки, приспособленные к условиям Арктики, в тропические моря.

Впервые брали в поход торпеды с атомными зарядами, по одной на каждую лодку. Командир бригады спешно залег в госпиталь, флагманом назначили капитана первого ранга Виталия Агафонова. Лодки из Полярного вывели в Сайдагубу, оцепили охраной. Вскрыть секретные пакеты командиры должны были с выходом в море. Секретность похода была такой, что экипажи четырех подводных лодок узнали о том,

куда идут, после выхода в море. Лодки сосредоточили в бухте Оленья. В качестве легенды прикрытия командирам лодок было объявлено, что идут они в африканскую республику Гана, а штурманы получили комплект карт на всю Атлантику. Это была моя третья автономка.

После выхода в море определилась основная задача: совершить переход через Атлантику и обосноваться в кубинском порту Мариэль, западнее Гаваны. После острова Кильдин подводные лодки погрузились и пошли походным строем, за кормой остались Баренцево, Норвежское, Исландское моря. Наконец Северная Атлантика, миновали противолодочные рубежи НАТО, скрытно форсировали Фареро-исландский рубеж, всплывали по ночам... У меня, штурмана, работы хватало. И всё это в жестокие осенние шторма в Атлантике. Швыряло так, что спящих вытряхивало с коек, из аккумуляторных ям выплескивался электролит, сигнальщики вызывали к перископам.

От Азорских островов повернули на Багамы. Появились новые трудности: жара, американские гидрофоны-слухачи, разветвленная система целеуказания. В Саргассовом море днем невозможно поднять перископ, радиометрист сразу же докладывал о работе американских радаров. По отсекам гуляло страшное слово «война» и война не обычная, а ядерная. Стрелял боевыми торпедами с ядерными боеголовками один командир Б-130 Шумаков, остальные командиры такого опыта не имели. От жара плавился пайковый шоколад, корпус звенел от импульсов гидролокаторов, возникли проблемы с электричеством, комбриг сократил освещение в отсеках. В душной тьме застыли операторы в трусах с полотенцами на шее, они напоминали подводных призраков.

Основное внимание акустикам. Где-то рядом рвались глубинные бомбы и гранаты. На вахту выдавали пол-литра воды с отвратительным привкусом. Командир Б-4 принял решение рвануть в сторону США, чтобы выскользнуть из сети гидролокаторов. Маневр оправдал себя, нас потеряли. Наша подводная лодка Б-4, на которой находился комбриг, убереглась от всплытия и не оказалась под конвоем американцев. Больше всех доставалось мотористам, в их дизельном отсеке температура поднималась выше шестидесяти градусов.

Я спал два-три часа в сутки, устраиваясь в первом отсеке на прохладной торпедой. Б-13 с вышедшими из строя дизелями пришлось всплыть, ее под конвоем американских кораблей отправили назад к спасательному судну СС-20, пришлось всплыть и подводным лодкам Б-36 и Б-59, но ей, путем хитрости командира, удалось нырнуть на глубину и уйти

от преследования. Задача выполнена не была. Домой возвращались в мрачном настроении. Командиры ожидали раздолба от командования. Так и вышло. Комбрига вызвали в Москву. Маршал, заместитель Министра обороны, стукнул кулаком по столу и крикнул: «Зачем всплывали, ведь у вас атомные энергетические установки!» Комбриг Виталий Агафонов спокойно ответил: «Шли на дизельных подводных лодках, а для того, чтобы зарядить батареи, нужно всплыть и дизелями бить зарядку». Члены комиссии переглянулись — никто из руководства не знал, что поход проходил на дизельных лодках. Происшествие спустили на тормозах. А наградной список так и застрял в ЦК. О единственном в истории походе подводных лодок с Севера в тропики постарались надолго забыть

7

Время тянулось медленно, один день походил на другой, к студенту приходила девица, они выходили в коридор, устраваясь в холле. К старику приходила жена, приносила яблоки. Резала их на квадратiki и кормила мужа, он временами задыхался. Койка, на которой умер Белоконь, пустовала. Самыми тяжелыми были вечерние часы, я смотрел телевизор, всячески оттягивал время сна, меня продолжали мучить кошмары. Я старался не засыпать, уходя в воспоминания, прячась за них.

Командиром атомохода я стал довольно рано. Прошел курсы подготовки в Обнинске. Из соображений режима секретности нас переделали в форму офицеров внутренних войск — занятие довольно глупое, все горожане знали, где учатся моряки-подводники. Из капитан-лейтенанта я превратился в заурядного капитана, особенно докучали сапоги, предмет постоянных розыгрышей. Хорошо хоть не заставили носить портянки. Я никак не мог привыкнуть к галифе с подтяжками. Маша осталась в Полярном, ее сделали классным руководителем, сын Игорь ходил в детский сад. После курсов я получил назначение на атомную подводную лодку в Гремиху.

Гремиха в те времена являлась одним из удивительнейших мест на земле. Мысль построить в ней военно-морскую базу могла прийти в голову разве что параноику, отсюда и странности. Связь с материком — только водным и воздушным путями, ограниченными суровыми погодными условиями. Случалось, туземцы неделями не получали почты, и тогда над поселком тархтел гидросамолет, биплан времен Второй мировой войны. Если погода позволяла, самолет усаживался в бухте, если нет, — летчик сбрасывал на городской стадион

мешки с почтой. Мешки лопались от ударов о каменистую почву, ветерок разносил письма и газеты по всей Гремихе, люди выковыривали их из снега, собирали по болотам. Положение усложнялось тем, что запольный гарнизон находился в зоне радиомолчания, ни телевизоры, ни обычные бытовые приемники не принимали, да и спецаппаратура работала плохо.

Наверху кому-то ударила в голову идея построить железную дорогу, идея провалилась, но в поселке долгое время существовала штатная должность начальника железнодорожного вокзала, имелось и лицо, ее исполняющее.

Самым красивым зданием в гарнизоне считался камбуз береговой базы: высокие потолки, венецианские окна, превосходная акустика. В Гремихе под напором ветра обычные-то окна не выдерживали, приходилось устанавливать третью раму, а уж венецианские... Но не только этим характеризовалось замечательное сооружение: к камбузу не были подведены ни водопровод, ни канализация, ни электричество. По замыслу проектантов пищу на камбузе должны были готовить на кострах. Чтобы избежать пожаров, начальство превратило здание камбуза в скиперский склад. Офицеры и личный состав питались в бараке, где ветром с головы срывало шапки. В жилом городке вода не поднималась выше второго этажа, отопление не достигало четвертого, пятые этажи пустовали, и там поселились привидения.

Оторванная от мира, лишенная телевидения, радио, Гремиха, сама того не ведая, жила по Божеским законам — некое северное поселение добрых самаритян, которые никогда не оставят ближнего своего в беде, не воруют, не лгут, а если и прелюбодействуют, то исключительно по острой нужде. Такие самаритяне, оказавшись на Большой порочной земле, поражали соплеменников своим простодушием и незлобностью. Из пляжной, похотливо урчащей толпы где-нибудь в Крыму сразу можно было выделить гремиханца по самым глазам и забывчивости брать на рынке сдачу.

Таким образом, благополучно миновав так и не построенный социализм, они находились где-то уже на пути в Светлое Манящее Будущее.

В Гремихе даже с флорой происходили необъяснимые на уке явления. Например, в штабе дивизии в служебной каюте механиков на подоконнике стоял зиго-кактус с суставчатыми листьями, на конце которых временами вспыхивали алые цветочки. Механики, понятное дело, дули в каюте спирт, а опивками орошали горшок с растением. Уже через месяц

кактус бурно разросся, сочные дольки его набрякли, потускнели, а цветы приобрели алкогольно-синюшный оттенок. Стоило прекратить орошение, как листья спившегося зиго-кактуса усыхали, а цветы опадали. Сто граммов разбавленного «шила» возвращали растению цветущий вид.

Через пять лет службы в Гремихе я принял атомную лодку и как-то быстро вписался в экипаж, хотя старпом и механик были старше меня. Года через два меня к себе вызвал комдив Криворучко и спросил:

— Напомни, сколько тебе лет?

— Тридцать два стукнуло.

— Ого. Так можно и с академией пролететь. Короче, год на подготовку и поедешь сдавать экзамены в академию. Я тебе наводку дам, а положение о приеме возьмешь у начальника штаба. Как?

— Согласен.

— Ступай, но чтобы после академии вертался в Гремиху.

— Куда же без Гремихи?

Экзамены в Военно-морскую академию я сдал на «отлично», и в установленное время всем семейством двинулись в Питер, оставив квартиру химику с женой и ребенком. Добрались хорошо, вовремя подоспел лайнер «Вацлав Воровский». Разместились в офицерском общежитии на улице Пархоменко. Мне как командиру лодки, капитану первого ранга, достались две комнаты, одна побольше, другая совсем крохотная, ее сразу захватил сын Игорь.

Да, счастливое было времечко. Заниматься приходилось много, но Маша выкраивала время на музеи и театры, часто навещали тетю Руту, которая за прошедшие годы очень сдала, с трудом ходила, но бодрилась. Жили, ни в чем себе не отказывая. В Гремихе деньги не на что тратить, разве что на одежду и еду жене и сыну. Так что ехали в Питер с солидным аккредитивом. Игоря устроили в школу с математическим уклоном, он стал ходить в секцию самбо, всё успевал. Но, как известно, жизнь — полосатый матрац, из светлой струи злодейка, жизнь, свернула на черную. И так неожиданно на фоне совершенного благополучия. Год учебы подходил к концу, я получил семейную путевку в сочинский санаторий, нужно погреться после Гремихи, да и Питер зимой не сахар, с мокрым снегом вперемешку с дождями и утренними туманами. А тут грянула весна, белые ночи, сирень.

Как-то Маша проснулась, села в кровати и сказала:

— Саша, у меня один глаз не видит.

— Как не видит?

— Совсем...

— Никуда не уходи. Я махну в академию, в санчасть, попрошу направить тебя к глазнику в Военно-медицинскую академию.

И закрылось. Машу положили в клинику академии на обследование. Через неделю вечером Маша звонит:

— Саша, беда, меня переводят в онкологию. Что-то консультанту не понравилось.

Утром я уже был в клинике. Симпатичный пожилой профессор пригласил меня в кабинет, усадил в кресло, сказал:

— Дело серьезное, Александр Иванович. Поражен не только зрительный нерв левого глаза, а ряд лимфатических узлов брюшной полости. Процесс генерализованный, подозрение на лимфосаркому.

Меня точно обухом по голове стукнули. Тупо сказал:

— Как же так? А мы путевки в Сочи получили.

Поездку в Сочи придется отложить. Оперировать нельзя — метастазы, четвертая степень.

— Но ведь она не жаловалась.

— Это коварная опухоль.

— Скажите, профессор, сколько ей осталось?

Месяц, два. Держитесь — единственное, что я могу сказать. Марии не говорите.

Профессор не ошибся. Через полтора месяца Маши не стало. Похоронили ее на Волковом кладбище. Если бы не сын, я бы с ума сошел.

Игорь сказал:

— Папа, нужно жить. Обедать я буду в кафе, это рядом. Завтраки и ужины в общаге, это я беру на себя. И никуда не поедем, будем в Ленинграде, рядом с мамой. Кончишь академию, вернемся в Гремиху.

И твердо взглянул мне в глаза.

Так мы и жили, ушли в учебу, чтобы перебить горе. Я написал своему боцману Никифору, чтобы к нашему приезду он перевез вещички в двухкомнатную квартиру, трехкомнатная нам уже ни к чему. Боцман ответил: «Тут ходит слух, товарищ командир, что вас ждет повышение, комдив распорядился выделить вам трехкомнатную в новом доме с улучшенной планировкой. Так что извиняйте, Вашу просьбу выполнить не могу. Дом вот-вот сдастся».

Слух подтвердился — я получил назначение на должность начальника штаба дивизии атомных подводных лодок.

...Иногда я просыпался под утро, шарил глазами по сторонам, пытаясь вырваться из плена сновидений в опрокину-

том доме. И ждал утра. Это были тяжелые минуты, когда слабеет воля и всё видится в черном свете. Но наступало утро, приходила улыбающаяся Мария Павловна и жизнь вновь обретала смысл.

Здоровые люди не следят за собой. Так и я. Инсульт — результат моего легкомыслия.

...До конца похода оставалась десять дней. Я сидел в любимом кресле в центральном посту, покалывало сердце. Скомандовал:

— всплыть на перископную глубину, — подошел к перископу, оглядел горизонт. Серо, чисто. Смотреть мешали точки, мелькавшие перед глазами. Стало как-то мутно, нехорошо.

Командир, принимай команду, пойду, прилягу. Ночь не спал.
— Добро.

Подошел к межотсечному люку, и вдруг свет стал меркнуть, схватился за переборку и сполз на пол. Дальше путаница: чьи-то сильные руки раздевали меня, укладывали на койку, и всё это молча. А может, я оглох? Минут через пять пришел в себя и первое, что увидел, — рыжие усы корабельного доктора майора Николая Кочергина.

— Коля, где я? Что случилось?

— Вы в лазарете, товарищ комдив. Накопившаяся усталость дала о себе знать. Гипертонический криз, давление двести десять на сто. Все необходимое я сделал. Покой, постельный режим, через пять дней вы в форме, но без повышенных нагрузок. Командира вы всему научили — пусть командует.

— Твою мать, а связь со штабом флота?

— Через пять дней. Пусть командир на связь выходит. Справится.

— Может, в каюту перейти?

— Нет. Там команды по трансляции, офицеры покоя не дадут. Никого, кроме командира, в лазарет не допущу. Спите, диета щадящая.

Я посмотрел на доктора: рост метр восемьдесят, вес за девяносто килограмм. Боцман утверждал, что доктор отвинчивает гайки без газового ключа. Да, такой не пустит.

Доктор взял руку, пощупал пульс, тихо сказал:

— Усталость — болезнь. Это признала Всемирная организация здравоохранения. Вы когда в санатории были?

— Не помню. С экипажем в Солнечногорском санатории был во время межпоходового отдыха. Скукота, предпочитаю рыбалку.

— И диспансеризацию в этом году не проходили. Флагврач боится, а я бы настоял, хоть выгоняйте.

Кочергин прав, с ним не поспоришь. Лейтенантом пришел на лодку и сразу показал твердый характер. Через пять дней я перебрался в свою каюту. Когда в Гремихе докладывал командующему о завершении похода, дрожали руки. А ночью опять приступ, увезли в госпиталь. На другой день прилетел на гидросамолете консультант — ведущий терапевт госпиталя флота — маленький, сухонький, но с хваткой аллигатора, полковник. Допрос устроил по первому разряду, как мышь, шуршал электрокардиограммами, причмокивал губами, потом спросил:

— Вы артериальное давление часто меряете?

— А зачем? Чувствую себя хорошо. Устал в походе, вот и подскочило давление.

— Нет, товарищ контр-адмирал, у вас выраженная гипертоническая болезнь. Полечим, подберем медикаментозную схему, пить лекарства беспрекословно. Вы женаты?

— Умерла жена, пять лет назад.

— Простите, ради бога. Значит, дома контроля нет, только служба. М-да, в отпуске давно были?

— Месяца два как. Без выезда. Охотился с приятелем в тундре, рыбачил, семга пошла.

— Это хорошо, но теперь придется лечиться в санаториях, причем осенью, например, в Сочи — осень там прекрасная пора.

— Не темните, доктор. Служить смогу?

— В должности комдива — нет, поплавали — хватит, да и Гремиха не курорт, ваш опыт пригодится на высокой штабной должности, лучше в средней полосе. Хороший климат, нормированный день. Но это не мне решать.

Врач исчез, как гном, а я остался один на один с собой.

Поздно вечером я перебрался в коляску и покатил к отливающему глянцем окну. Слева белым пятном проступала опустевшая койка Белокопя. Судьба бывшего старшины поразила меня. Хорошо хоть похоронить его удалось по-человечески. Я вглядывался в темноту, прореженную огоньками на проспекте, думал о том, что, в сущности, я счастливый человек, прожил счастливую жизнь, состоялся как командир, мне повезло с женой, я люблю ее и сейчас. После ее смерти не прикоснулся ни к одной женщине. Мне повезло с сыном, он не стал моряком, вмешалось окаянное время, когда рухнули прежние представления о морали, подменили ее чем-то вроде эрзаца, но Игорь все же стал личностью. Долгая жизнь в Гремихе позволила ему законсервировать представление о христианских заповедях. Пошел дождь, тяжелые капли забарабанили по стеклу. Огоньки из тьмы теперь напоминали искорки, летевшие вслед автомобилям.

Снилась Сенная площадь в Питере, наш дом, еще дореволюционной постройки. Отцу дали квартиру перед войной, когда его назначили командиром «щуки». Я его почти не помню, в сорок первом его лодка подорвалась на mine. Мы с матерью были в эвакуации в Куйбышеве. Жить без отца трудно, а жить с моей матерью еще труднее. Поэтесса, редактор в ленинградском отделении издательства «Советский писатель», круг друзей-поэтов, каждый вечер собиравшихся «погудеть» у каминна, с первого класса я сам подогревал обед, уроки делал на кухне, матери было не до меня. В третьем классе с помощью учительницы написал письмо главному ВМФ с просьбой определить меня в нахимовское училище: мечтаю стать офицером флота, как отец, командир подводной лодки, погибший во время Великой отечественной войны. Через месяц к нам домой пришел капитан первого ранга, мать легко согласилась отдать меня в училище. Беспорядок, царивший в нашей квартире, видимо, произвел на капитана первого ранга впечатление. Детство и юношество прошло в нахимовском училище, участие в моем воспитании мать ограничила переводами на карманные расходы, хотя от Сенной площади до училища сорок минут ходьбы. В нахимовское я пришел готовым к тяготам военной службы. Среди пацанов-блокадников, тощих, синюшных, я выделялся самостоятельностью, умением постоять за себя, авторитетом, которому подчинялись легко, без конфликтов. Меня сделали командиром отделения, ко мне благоволил командир роты. На флотских харчах я сразу подрос, набрал вес. Но в душе, где-то очень глубоко, во мне жил ребенок, остро скучающий по матери, ждал, что она навестит меня в училище, но она не навестила. Я редко бывал дома, а когда мать вышла замуж, вообще перестал ходить.

Я был в море, когда мать умерла. В квартире жили чужие люди, они-то меня и сводили на Семеновское кладбище, показали могилу матери со скромным памятником. Теперь, в старости, я часто слышу о женщинах, лишенных материнского инстинкта, которые бросали своих детей, но тогда, на кладбище, я впервые испытал горечь утраты. Сделать, увы, уже ничего было нельзя. А нового мужа мать выгнала — пил. Хотя это слабое утешение.

Вскоре я забыл о своих печалях, дела закрутили. Шла активная подготовка двух лодок для несения боевой службы. Как вдруг зазвонил телефон, и знакомый, с хрипотцой, голос спросил:

— Александр Иванович, ты?

— А кто же еще? Здравствуй, Петя.

Звонил старый друг контр-адмирал Завгородный. Вместе выпускались из системы, вместе попали в Грехиху, а потом одновременно стали командирами лодок. Сколько было выпито «шила», сколько съедено семужки в лихой компании. Завгородный — москвич с Якиманки, жена тоже москвичка, вот и пилила мужа: давай в Москву, сколько можно сидеть в дыре? Петр и дрогнул, согласился пойти в Главный штаб ВМФ заместителем начальника Управления кадров. Вскоре получил квартиру и звание контр-адмирала.

— Саша, я тебя вот по какому поводу беспокою. С флота пришла цидуля — решение ВВК, тебя списывают с плавсостава. Гипертония, то сё. Да и хватит, поплавал, дивизией покомандовал. А тут, в Москве, в управлении боевой подготовки должность освобождается: начальника отдела боевой подготовки подводных лодок. Всё в масть, ты — контр-адмирал, герой Советского союза, опыт и столько лет в Грехихе. Соглашайся. Не женился?

— Нет.

— Игорь как?

— Заканчивает в следующем году школу. В науку ударился.

— Короче, день подумай и позвони мне. Должность видная, правда, командировок много, но начальнику отдела не во все командировки нужно ездить. Разве что с главкомом.

Я подумал и согласился. Второй такой случай, может, не представится. Ребята в отделе свои, многие меня знают, Москва опять-таки.

В конце августа мы с сыном двинулись покорять Москву. Командование флотилии устроило пышные проводы. Больше всех огорчился боцман Никифор. «Всё, конец охоте и рыбалке, товарищ комдив. Алевтина дома сидит, носом хлюпает».

— Может, перетащить тебя в Подмоскowie, а то и в Москву?

— Нет, товарищ комдив. Мы с Севера ни ногой. После увольнения в запас двину в родную деревню Лопшеньгу. Дом куплю, лодку, машинешку.

Квартиру я оставил со всей мебелью и посудой. Подаренные сервизы, вещи, разные мелочи, книги боцман обещал направить в Североморск, а там друзья контейнером отправят в Москву. С собой взяли три чемодана, так, чтобы пролезли в рубочный люк. До Мурманска добирались на дизельной лодке, шедшей в Росту на капитальный ремонт.

В Москве встретили хорошо, вручили ключи от квартиры в доме на углу Комсомольского проспекта и Первой Фрунзенской, четвертый этаж, три комнаты. Квартира за выездом, но прилично отремонтирована. АХО постарались. Школа недалеко.

В Москве с мебелью быстро управились, Игорь вытянулся, меня догоняет, раздался в плечах, а вот лицом в мать, значит, красив. После смерти Маши никуда мы из Гремихи не выезжали, горе глушили охотой и рыбалкой, боцман Никифор знал такие места, такие урочища... Частенько натыкались на брошенную немецкую технику. Игорь рос молчаливым, сосредоточенным. Классный руководитель школы в Гремихе утверждала, что Игорь математический гений, изучает математику по учебникам для физико-математических вызов. С гуманитарными предметами всё отлично, но без блеска. Его конек: физика, информатика. Вот спорт он избрал странный. Ходит в секцию рукопашного боя, а ее ведет бывший спецназовец.

За год Игорь принял участие в двух математических олимпиадах и выиграл. С ним беседовал профессор из МГУ, звал поступать на физико-математический факультет: «Для вас поступление на физмат — формальность, вы же одаренный математик».

Я спросил:

— Будешь ученым? Хорошее дело.

— Не, батя, я скорее прикладник. Базовые науки меня все-ррез не волнуют, как и перспектив стать преподавателем. Да и традиции нарушать нельзя.

— В смысле?

— Дед — моряк, отец — моряк. Меня, правда, не тянет в строевые, судоводители. Буду поступать в Высшее военно-морское училище радиоэлектроники имени Попова, оно в Петродворце. Я и факультет уже выбрал — электронно-вычислительной техники, меня интересует информатика и электронные технологии. За ними будущее.

— Игорёша, связисты растут медленно, высших должностей маловато. Можно застрять в кавторангах.

— Меня это не волнует. Главное — наука.

— Ну, смотри.

Игорь закончил школу с Золотой медалью, поступил в училище, круглый отличник, кандидат в мастера спорта по самбо. Виделись мы теперь редко. На четвертом курсе на Игоря обратил внимание капитан первого ранга, сотрудник закрытого НИИ ВМФ, пригласил на разговор, спросил:

— Что, если мы пригласим вас в институт? Нам нужны молодые, одаренные ребята. Как?

— Конечно, согласен.

Но с институтом не вышло. Не помогла золотая медаль за окончание училища, ни мои связи. Игоря назначили в Главный штаб ВМФ в вычислительный центр. Игорь погас — работа ему не понравилась: много суеты, неразберихи, лейтенант в Главном штабе — ломовая лошадь. А тут грянула перестройка и всё пошло наперекосяк. Заговорили о переводе ГШ в Петербург. Запретили приходить на службу в форме, началось воровство. Как-то вечером Игорь пришел пьяненький. Тяжело опустился на стул и сумрачно сказал:

— Все, батя, больше не могу, сплошная разруха, на флотах тырят что попало, адмирал, ты его знаешь, сидит в Матросской тишине за мошенничество в крупных размерах. Флот трещит по швам. Я сегодня подал рапорт на увольнение в запас. Начальник центра подмахнул, не глядя. Сейчас это просто.

— Куда пойдешь, сын? — спросил я.

— Зовут в фирму программистом, оклад в три раза больше лейтенантского. Перспектива роста.

— Ну, смотри, тебе решать.

— Проживем, батя.

— Ты где клюнул?

— В «Шоколаднице», позади метро «Лермонтовское». Пил с такими же горемыками.

Через год за внедрение каких-то новшеств в работе Игорь получил премию и купил себе иномарку. А через пять лет стал топ-менеджером процветающей фирмы и обзавелся однушкой на четырнадцатом этаже в Москве-Сити. Как Игорь сказал: для мужских развлечений. Я там ни разу не был. Тем более Игорь наш дом не бросил, а свою современную квартиру посещал по субботам и воскресениям.

За несколько лет Игорь заметно изменился: заматерел, в голосе прорезались командирские нотки, носил дорогие костюмы, английский как родной, о работе не говорил. «Пашем понемногу. Скучная это материя, хотя у меня работа скорее творческая — делаю, что хочу, частенько попадая в десятку». Дома шелуха с него слетала, становился прежним. О женщинах говорил с цинизмом: «Любовь сведена к механическому акту. Представляешь, сейчас при регистрации брака оформляют контракт. И потом эти разговоры о заграничных поездках, дорогих тачках, шмотье. Противно. Для меня идеал женщины — наша мама. А где

такую найдешь? Проще снять валютную проститутку. За невестой нужно в Гремиху ехать».

Как-то зашел с женщиной. Всё на месте, умна, красива, двадцать три года, а уже хозяйка «Салона красоты» в центре Москвы. Ведет себя достойно, одета с иголки, а мне всё блазнится — кукла, механический робот.

Игорь, представляя ее, сказал:

— Знакомься, батя, моя подруга, звать Алина.

— Очень приятно

— Пойдемте, пообедаем в ресторане. Пивной ресторан напротив.

Через несколько месяцев Игорь явился сумрачным, с бутылкой дорогого коньяка.

— Давай, батя, врежем. С моей женитьбой ничего не вышло.

— Что случилось?

— Я понимаю — любви нет, но хоть уважение должно остаться. В постели — лучше не надо, я привыкать уже стал, всё шло к загсу. Улетел в Брюссель по делам фирмы, дело закончил быстро, на самолет, соскучился по Алине. Прилетел на два дня раньше, звонить в дверь не стал, у нас не принято, открыл своим ключом и сразу усек: у подруги кто-то есть, пахнет чужим парфюмом, в углу штиблеты сорок первого размера, у меня сорок четвертого, распахнул дверь — дальше, как в анекдоте. Моя Алина спит, задрал ногу на лохматого мужика. Тебе известно состояние холодного бешенства? Голова работает четко — никакого чувства. Сдернул с них одеяло и спокойно сказал мужику:

— Будешь сопротивляться, кости переломаяю.

Взял в охапку его шмотки и вышвырнул на лестничную площадку перед лифтом, туда же обувь. Тот крысенком шмыг в дверь. Алина спокойно сидит в кровати, даже не прикрылась. Я ей тоже спокойно говорю:

— А ты собирай вещи и, чтобы к вечеру тебя здесь не было. Ключ бросишь в почтовый ящик. Всё! — Нужно отдать ей должное: ни слез, ни скандала. Я бросил свой чемодан и к тебе. Вечером съезжу, проверю. Доставай стаканы, лимоны я купил.

С тех пор, как отрезало. Мужику за сорок, а не женат. Боюсь, так холостяком и останется.

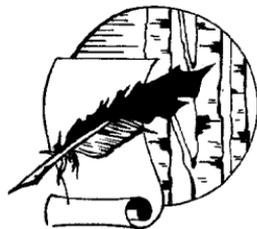
11

Вечером зашел Игорь, сказал:

— У меня для тебя три новости и все хорошие.

— Валай.

-
- Как ты думаешь, где живет Мария Павловна?
- Откуда мне знать.
- На улице Ефремова, а это до нас две остановки на троллейбусе. Она согласилась курировать тебя, сколько потребуется. Это раз! Два — нанял мастера, он укрепил на стене металлические леера. От твоей койки до туалета, к входной двери и на кухню. Опираясь на них, ты сможешь перемещаться по квартире.
- Прекрасно. А третья новость?
- Я купил тебе немецкую коляску на электротяге. А это увеличивает твои возможности. Спустился на лифте, там слип, по нему во двор — гуляй с Марией Павловной.
- Спасибо, сын, значит, еще поживем. Наша порода крепкая.

Махтумкули ФРАГИ (1724 — 1807)

К 300-летию со дня рождения

В 2024 году в Туркменистане и на международном уровне широко отмечается 300-летие со дня рождения великого поэта и мыслителя Востока, основоположника туркменской классической литературы Махтумкули Фраги, чьё творческое наследие является неотъемлемой частью сокровищницы мировой культуры. Произведения выдающегося сына туркменского народа не теряют своей актуальности и известны по всему миру, ибо в них обрели яркое выражение непреходящие общечеловеческие ценности — любовь к Родине, высокая духовность, гуманизм, миролюбие, призыв к созиданию, дружбе и братству. Переведённые на языки разных народов, стихи Махтумкули находят отклик в сердцах людей во всех уголках планеты. Ему установлены памятники в Туркменистане, России, Иране, Турции, Узбекистане и других странах.

Махтумкули (сын поэта Довлетмамеда Азади) родился в 1724 году в селении Хаджи-Говшан в Туркмении. Учился в сельской школе, где преподавал его отец. С детства начал читать по-персидски и по-арабски, чему способствовала домашняя библиотека. Рано приобщился к ремёслам — шорному, кузнечному и ювелирному. Учёбу продолжил в медресе при гробнице святого Идрис-Баба в Кизил-Аяке и в знаменитом медресе Кокельташ в Бухаре, где подружился с туркменом из Сирии по имени Нури-Казым ибн Бахар и вместе с ним отправился путешествовать по землям нынешних Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, Афганистана и северной Индии. В 1757 году они прибыли в столицу Хорезма — Хиву, где Махтумкули завершил курс обучения в медресе, построенном Шергази-ханом.

В 1760 году поэт вернулся в родное селение и стал преподавать в местной школе. Его любимую девушку к этому времени выдали замуж за другого, семья которого смогла заплатить требуемый калым. Поэт переживал потерю любимой, посвятив ей немало стихотворений. Более того, он взял себе псевдоним

Фраги (разлучённый) и помешал его в конце всех стихотворений. Махтумкули женился на другой, но семейная жизнь не принесла ему счастья. Рано умерли его сыновья Сары и Ибрагим — двенадцати и семи лет. Другим ударом судьбы была гибель двух старших братьев в плену у Ахмед-шаха. Всё это оставило глубокий след на его творчестве, поэтому в философских стихах и песнях Махтумкули часто звучит тема бренности мира, несовершенства и краткости человеческой жизни.

Став знаменитым поэтом при жизни, он много путешествовал по исламскому миру — Афганистану, Ирану, по территории нынешнего Азербайджана, Закавказья, бывал в Астрахани. Махтумкули изменил туркменский поэтический язык, сблизив его с народной речью. Он также отказался от традиционной арабо-персидской метрики, заменив её силлабической системой.

Умер Махтумкули Фраги в 1807 году.

ТЯЖЁЛАЯ НОША

ЭТОТ СТРАННЫЙ МИР

Знай, человек, твоя судьба когда-то
И для тебя свой саван подберёт,
А, может быть, вонзит палач проклятый
В тебя кинжал и кровь твою прольёт.

Не увлекайся слишком миром этим,
Недолго нам гулять по белу свету.
Ведь ты, наверняка, и не заметил
Других людей стремительный уход?

Кто вспомнит о тебе, прочтёт молитвы?
Заржут лишь кони громко и сердито,
А гарцевавшие на них джигиты,
Заснут, как ты, когда их час придёт.

Весь этот мир разрушится однажды,
Кто не читал намаз, Аллах накажет.
Микстуру смерти выпивает каждый,
Вернёт земля, рождённый ею плод.

Не хочет сердце прахом становиться,
Желает вечно в нашем теле биться.
Кто не сумел при жизни раздолжиться,
За это муки страшные пожнёт.

Махтумкули, ты — в караван-сараяе,
Наш мир продажный — женщина срамная,
Тебя утешит временно, но знаешь —
Её другой уже за дверью ждёт.

ТЯЖЁЛАЯ НОША

Гнись от любви в многолетнем пути.
Горе мне! Кто унесёт это горе?
Небу любовь предлагалось нести,
Но не смогло унести это горе.

А без любви мир затянется мглой,
Звери поднимут неслыханный вой.
Горя навеки утратят покой —
Им не под силу нести это горе.

Кто смог под ношей любви устоять?
Небо от страха пустилось рыдать,
Трепет вулканы не в силах унять —
Им не под силу нести это горе.

Рай от любви дверь закрыл на замок,
Ад в подземелье упрятал чертог,
Лишь человек тяжесть вынести смог,
Тысячи лет он несёт это горе.

Махтумкули, груз неси, не скорбя,
И не считай, что мир жил, не любя.
Были разлуки и смерть до тебя —
Нас праотец одарил этим горем.

СЕГОДНЯ

На небе вновь Венера воцарилась.
Влюблённые блаженствуют сегодня.
Земля цветами дивными покрылась,
На грани совершенства мир сегодня.

На все рулады соловьиных трелей
Цветы, меняя краски, запестрели.
Скажу влюблённым, чтоб уразумели:
«На всё согласны девушки сегодня».

Хвалебных слов вкус будет очень сладок,
Вдыхать лишь аромат медовый надо.
Подобны девушки цветам на клумбах сада,
А парни все — садовники сегодня.

Кто в сад войдёт, чтоб собирать букеты,
И спросит: «Как же лучше сделать это?»
Скажу ему: «Особых нет секретов.
Всё сладится само-собой сегодня».

Вершины гор подёрнуты туманом,
Долины чудным светом осиянны.
И грозный шах стал добрым, как ни странно,
И праздновать всем разрешил сегодня.

Преград не будет для объятий томных,
Отважным выпадет успех огромный.
От всех недугов истинных влюблённых
Фраги придумал снадобье сегодня.

ИЛЛЮЗИИ

Взгляд не остановит человек в лохмотьях,
Щёголя заметят, только он покажется.
Кто к словам высоким вовсе не охотник,
Самому себе же острословом кажется.

Если не хотите, чтоб на вас напали,
Сами перестаньте грабить где попало.
Храбрые в сраженьях доблесть доказали,
В мирный год богатый всем героем кажется.

Думай головою, упреждая беды,
Проку мало только сожалеть об этом.
Конь заметен — скачкой, молодец — победой,
А хозяин — пловом, если щедр окажется.

Если не болеешь, на беседы тянет,
Щедрый дарит людям слово, что не вянет.
Красноречье слушать лишь глупец не станет,
А мудрец для умных совершенством кажется.

Доброты истоки в глубине таятся,
С добрым человеком хочется общаться,

С мудрым человеком ощущаешь братство,
С ним дорога трудная легче всем покажется.

О, придите, думы, выходы найдите,
Из потёмок душу к свету приведите.
К своему ребёнку тянется родитель —
Он прекрасней многих и умнее кажется.

Повторяют люди близкие, чужие,
Что Фраги им скажет про дела мирские.
Только и умеешь, что читать стихи им,
А они им истиной непреложной кажутся.

МЕЧТЫ

Раздетый человек мечтает
хоть чем-то наготу прикрыть.
Одетый человек мечтает:
«Надеть бы дорогой халат!»
Голодный умоляет Бога
его здоровье сохранить,
Но если получает что-то,
дары удвоить был бы рад.

Когда у парня хоть немного
скопится денег про запас,
Вернувшись из скитаний долгих,
он снова поспешит пропасть,
А конь появится и сабля,
готов в поход он тот же час,
Теперь он о бесплатном хлебе
и прибыли начнёт мечтать.

Решив свою проблему с хлебом,
он радость жизни обретёт,
Захочет выгодно жениться,
плодить наследников начнёт.
Когда и эти планы будут
осуществляться в свой черёд,
В его сознание зародится
мечта, чтоб властным ханом стать.

Став ханом, будет думать снова,
что это далеко не всё,

Богатство стоит преумножить,
купить роскошное жильё,
И этим сказочным богатством
правленье утвердить своё,
А имя ханское прославить,
звезде подобно, просиять.

И всё ж, Махтумкули, запомни,
достойный человек лишь тот,
Кто, неприятеля увидев,
коня назад не повернёт.
А всё, что есть в подлунном мире,
в орбиту глаз не попадёт,
Будь даже человек Каруном*,
богатств в могилу не забрать.

ЕСЛИ

Если ты алхимией владеешь,
Золото из почвы извлечёшь,
Сколько ею площади засеешь,
Столько урожая соберёшь.

Доброго не отличить от злого,
Если в голове одна полова,
Злые затевают войны снова,
Завладели миром зло и ложь.

Праведник с дороги не собьётся,
На посулы зла не поведётся.
Ничего уныньем не даётся,
Риском, что задумаешь, возьмёшь.

Если щедрым был ты на услуги,
И тебе отплатят по заслугам,
Станет доброта надёжным другом,
Злой характер изведёт, как вошь.

Вам даёт Фраги совет особый:
«Дерзких распознаете по злобе.
Стыд — в людских глазах. Смотрите в оба.
Процветают подлость и грабёж».

* *Карун* — обладатель несметных богатств, враг и притеснитель пророка Мусы, наказанный Всевышним.

ЖЕНИСЬ

Если юность порядком тебе надоела
И состариться хочешь — женись.
Если старшим в семье быть тебе захотелось,
Ощутить себя мужем — женись.

Быть старейшиной — это неплохо, конечно,
Но состаришься быстро в заботах сердечных,
Юность — красный цветок, вянет он быстротечно,
Если ждёшь увяданья — женись.

Нужен дом для семьи, принадлежностей много,
Дети привязью станут, супруга — треногой,
Будешь выюки таскать, как ишак, по дорогам,
Если хочешь ишачить — женись!

Поначалу с женою приятно резвиться,
Только коротко эта идиллия длится,
Если хочешь надолго покоя лишиться
И страдать ежедневно — женись!

Ты начнёшь после ссор говорить сам с собою,
Разлучишься в заботах с цветущей весною,
Будут в дом твой являться беда за бедою,
Хочешь с ними бороться — женись!

Не заметишь, как молодость быстро завянет,
И неожиданная старость до срока нагрянет,
Заморачивать разными хворьями станет,
Если этого хочешь — женись.

Дни твои до женитьбы на клумбу похожи,
В солончак твоя жизнь превращается позже,
И расти там полынь только чёрная может,
Собирать её хочешь — женись.

О, Фраги, ты любил беззаботно скитаться,
Ежедневных семейных проблем не касаться,
Но коль хочешь угодным Аллаху остаться,
То, внимая аятам, — женись!

Перевод с туркменского Валерия ЛАТЫНИНА

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
доктор философских наук

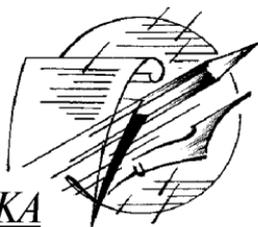
ЗА ЧТО МЫ СРАЖАЕМСЯ?

Война начиналась как будто за право говорить на русском языке. СВО начиналось как будто для защиты Донбасса.

Но вот война встала в полный рост — и теперь ясно, что это борьба за нечто гораздо большее: за воссоединение всего разделенного русского народа, за сшивание всех расчлененных наших земель (а большая часть Украины — это самое ядро Русского мира). За то, чтобы историческая Россия вернулась к себе, осталась собой в современности и истории. И в этой борьбе, в этих победах она обретает внутреннее право на самоочищение.

России не суждено свернуть назад, опрокинуться в новые 90-е, опять поставить себя под позорное сомнение. Запад с его скрежетом зубовым, с его озверением по отношению к России, с отменой всего русского, с тем лютым натиском, который он организовал на Украине против России, — тем самым доказывает: война идет за то, чтобы нам сохраниться как народ, как культура-цивилизация и воспроизвести ее в наших детях.

В XIX веке Россию потрясла Крымская война — всё образованное общество

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

было шокировано той ненавистью, которую изрыгала на Российскую империю пресса, дипломатия и политики Западной Европы. Поражение в Крымской войне нанесло удар по авторитету русского западничества, которое от этого удара, конечно, не погибло и постепенно оправилось. Но на другом полюсе русской умственной жизни родилось более зрелое, чем прекраснородушные романтики-славянофилы, течение — почвенничество, в которое входили Фёдор Достоевский, Аполлон Григорьев, Николай Страхов. Близко к нему стоял наш великий поэт и удивительный дипломат Фёдор Тютчев, уже тогда предлагавший царю концепцию русской «мягкой силы», преодоления русофобии за границей через работу с тамошним обществом.

Это были совсем другие патриотические умы, умудренные, закаленные. И именно через эту среду был выдвинут в нашу общественную мысль русский гений Николай Данилевский, изобретший цивилизационный подход к истории. По его стопам во многих странах пошли десятки и сотни выдающихся философов, историков, социологов, признавших русскую правду.

А правда эта была выстрадана во многом потому, что Крымская война открыла на неё глаза. Россия — это цивилизация, а не одно из европейских государств, в «концерте» которых так нравилось нашим монархам играть то третью, то вторую, а иногда и первую скрипку. Не смешно ли ставить на одну доску великую по масштабам и духу Россию, целый мир, целый космос с какой-нибудь Данией или Бельгией, провинциями европейской «федерации народов»? Европа же — это всего лишь романо-германская цивилизация, отдельный мир, не более того. Вот с нею-то Россия и вступила в противоборство как равный с равным. Но негоже перенимать от противника, чужого по духу, иного по природе, все его моды, капризы, болезни. «Не может львенок воспитываться орлом!» — образно определил Данилевский. Между нами и Западом разверзлась очевидная пропасть, западничество же — опасная иллюзия, детская болезнь русского ума...

Многие тогда услышали эту весть почвенников и восприняли её. Многие, хотя и далеко не все...

Нынешняя война — тоже в каком-то смысле крымская. С Крыма в 2014 году началось реальное отрезвление. А с Донбасса начался повсюду уже и подъем русского духа — лучшие из нас встали на самооборону, на самозащиту. Лукавый Запад играл в свою лицемерную игру, под покровом минских соглашений готовил Украину к новому броску на Донбасс,

готовил и присоединение ее к НАТО. Американские советники готовили евромайдан и учили Киев, как накачать общество нетерпимостью, зачистить всех инакомыслящих. Они игнорировали Москву, все ее заявления и предупреждения, как будто не чувствуя, что Россия не может мириться с натиском Запада на наши исконные земли, не потерпит их военные базы в Харькове и Полтаве, во Львове и Одессе.

Долго, слишком долго длились это лицемерие с их стороны и неуверенность с нашей. Но время лукавства прошло — с 2022 года Запад вновь выказал свой лик, и на этот раз его отторжение от России — еще более всеобъемлющее, еще более тотальное, чем в XIX столетии.

Россия не меньше Украины виновата в трагедии 1991 года и последовавших за этим трагедий по всему периметру СССР. Но это не тот случай, когда нужно считать, кто больше виноват из трех подлецов, подписавших Беловежские соглашения. Нужно выбираться из этой ямы, в которую они нас затолкнули. А не смиряться с тем, что тот «развод» по республиканским квартирам вдруг стал легитимным, признанным богатым и могучим гегемоном-Западом.

Мнение Запада для Русского мира больше не имеет ценности, поскольку он многократно обманул нас в геополитике, многократно обобрал в экономике, выкачал посредством «внутрироссийских» олигархов весь «избыток» наших жизненных сил более чем за четверть века. Словом — хорошо нажился на нашей беде. Касается это, конечно, и одурманенной Украины, которую так умело растлил этот престарелый «высокоцивилизованный» упырь.

Но и Россия наша ещё не так давно тоже ходила, пошатываясь от головокружительной пустоты в голове, «обалдевшая», чувствуя недостачу крови в своих венах. Разве Россия 90-х годов не была в этом смысле Украиной? Разве не была «Россией це Европой»? Одно отличие — у нас не дали развиваться такому оголтелому фашизму, видимо, побоялись. Он ведь мог бы дать и обратный, антизападный эффект...

Впрочем, попытки предпринимались. Помните, были национал-демократы в нулевые годы, строились своего рода колонны либеральных фашистов. У них была даже речёвка почти такая же: «Кто не прыгает — тот хач!» Что-то подсказывает, её придумали буквально те же люди, которые режиссировали киевский майдан. (А также — целую гирлянду оранжевых революций повсюду, в Югославии, Грузии, арабских странах; а затем попытались сотворить подобное и в Минске.)

Корни украинской русофобии довольно глубоки. Этой истории уже более 150 лет, а если смотреть в истоки, то и гораздо больше. Немцы, к примеру, давно рассматривали Украину как средство раскалывания Русского мира. Известна концепция Пауля Рорбаха, согласно которой Россия, сохраняющая свое единство с Украиной, представляет для жизненных интересов Германии угрозу. Австрийские, немецкие власти при активной роли польских администраторов на территории Украины формировали альтернативную идентичность, насильственно заставляли тех же русинов в западных областях писать себя украинцами.

Главная причина СВО не защита русских, не демилитаризация и не денацификация. Хотя эти формулы президента были, конечно, необходимы. Ведь нельзя же было заговорить с оппонентами на метафизическом языке! Но главная — причина была и есть в том, что Россия нужна в истории, что её рано хоронить.

Запад одолевал нас, играя на струнах мажоров-обывателей, приземленных людишек — он пестовал этот слой и через него пытался разложить всё наше общество. Главные агенты Запада и на Украине, и в России — агрессивные потребители, жлобы и «понторезы». Есть они и в других цивилизациях, даже в таких суровых и отмобилизованных, как Китай или Иран. Под воздействием Запада вирусы разложения проникают всюду. И если не остановить эту заразу, весь мир превратится в похоее, серо-безликое, пусть и в нарядных платьях, ожлобевшее человечество. Состоящее, с одной стороны, из хищников, «экономических убийц» и мародеров, извлекающих прибыль из мошеннических схем и так называемого «неэквивалентного обмена». С другой стороны — из массы приспособленцев, народа бесхребетного, малодушного, дрожащего за собственную шкуру. На таких людишках Запад строит свое господство вовне, в странах-мишенях, в своих квази-колониях, их он выдвигает в элиту, в богему, через них паразитирует на других культурах и экономиках.

Мы помним как эта прослойка завершала в последнюю неделю февраля 2022 года. «Я в ауте!» «Дед сошел с ума!» «Страна уродов!» «Проклятая рашка!» Вчерашняя «партия хамона» обратилась в «партию стыда», пыталась обличать и проклинать, но очень скоро породила бурные потоки релокантов.

Параллельно точно такая же «чемоданная партия» потекла через украинские границы в Европу. Это «самая лучшая», «самая богатая», «самая креативная» часть Украины — плоть от плоти ее нынешней «правлящей элиты». Они тоже воевать

не захотели, оставив это дело другим. Там две «чемоданные партии» встретились и слились, ибо они суть одно.

Их гнилая природа, по очень точной оценке Путина, — «быть не со своим народом как признак принадлежности высшей касте». Запад всегда покупал предателей на эту обманку — мнимого превосходства над другими людьми. В этом сущность Запада после Реформации, откуда идут его расизм, колониализм, социал-дарвинизм, а попросту говоря, генетический фашизм. Сегодня этот его звериный лик ярче всего проявляется в двух местах — на Украине и в Палестине, еще одном форпосте той же «иудеохристианской цивилизации».

Так и украинская, и российская богема считали и до сих пор еще считают себя выше «быдла», причастными высокой культуре цивилизованных джентльменов. Нынешняя киевская власть и элита прекрасно понимает, что она уничтожает реальную Украину, приносит ее народ в жертву своим хозяевам. Может быть, поэтому во главе этого недогосударства понадобился актер первой категории? Кто кроме актера мог бы так долго и так убедительно скрывать тот факт, что власть на Украине презирает народную массу, является злостным ненавистником не только великороссов, а всех расколотых «бывших русских».

И не за горами тот момент, когда вся кропотливо взращиваемая на Украине агентура Запада, вся эта «элита» предателей постарается улизнуть, оставив «рідну неньку» разбираться с валом созданных ими проблем. И вновь станет всем ясно: нет и никогда не было никакой истории Украины. Так называемая «история Украины» не более чем часть истории русских Смут.

За что же мы сражаемся? Только ли за отторгнутые от Русского мира земли и унижаемых братьев? Конечно, не только за это. Фронт СВО, пока он действует, порождает второй фронт внутри России, фронт самоочищения. И эта не менее важная для нашей судьбы битва идет в глубине России, в её столицах.

Не сразу, медленно раскачиваясь, но сегодня президент и его ближний круг начинают столь назревшую реальную борьбу с коррупцией, реальную чистку в культуре и в блогосфере, в системе образования. Власть нанесла удар по всемогущей еще вчера секте глобализаторов с олигархами и Чубайсом во главе. И вот уже президент Путин объявляет всеобъемлющую новую индустриализацию — о чем несколько лет назад мы и мечтать не могли.

Задержан новый «железный занавес», сотни тысяч новых эмигрантов, которые должны были бы стать ударной

силой «московского майдана», сбежали из России. И этим они ослабили Запад, лишили его шансов на то, чтобы осуществить здесь перехват системы управления. Олигархическая верхушка РФ, не оправдав возложенных на нее ожиданий, не сумев организовать новую победоносную Болотную и смену режима, стала не нужна Старшему Брату.

Но второй фронт ещё далек от горячих боевых действий, пока ещё глубоко не вспахано это бранное поле, не тронуты многие влиятельные нервные узлы старых кланов, правящих целыми секторами российской жизни. России необходимо продолжать очищение от «внутренней Украины-це-Европы», нашептывающей власти про необходимость «договорняков», про то, как славно было бы всё вернуть назад. Мы всё еще членствуем в ВТО (навязывающей двойные стандарты в торговле, конечно, не в нашу пользу, тем более в эпоху таких яростных небывалых санкций), в ВОЗ (с ее чудовищной попыткой взять под контроль весь мир под предлогом борьбы с коронавирусом), всё еще не до конца распрощались с Болонской системой в образовании (потерявшей всякий смысл из-за блокады наших университетов западными «коллегами»), Банк России всё ещё живет в старой логике (исподтишка действуя по инструкциям МВФ). России пора увереннее пресечь всю эту игру по правилам транснациональных мошенников.

Главным результатом СВО, главной задачей внутри России — становится обновление элит, уход от клановости к служилому ее типу. Если сумеем пройти этим путем очищения до конца — это и будет наша самая осязаемая и судьбоносная победа на данном этапе истории. А если очищение забуксует, увязнет, если СВО не даст своего главного плода — что ждет тогда Россию? Тогда Запад очень постарается привести на место Путина своего ставленника, который может быть завернут даже в привлекательную, «патриотическую» упаковку. Их сверхзадача — развернуть Россию против Китая. Для решения этой сверхзадачи они пожертвуют не то что Украиной — чем угодно пожертвуют.

Сейчас их цели: максимально обескровить Россию, через преследования кампаний из третьих стран придушить рост нашей экономики, не дать состояться ее стратегическому союзу с Индией, разрушить уже наметившийся союз с Ираном через подрывную деятельность как у нас, так и в Иране. А дальше — сравить русских и китайцев.

Чем дольше будет идти конфликт на Украине, тем, полагает Запад, слабее будет Россия.

Но пока он обманывается в своих представлениях — Россия за два года стала в ряде ключевых аспектов гораздо мощнее. Она поверила в свою армию, в свой ВПК, в экономику в целом. Она мобилизовалась и сплотилась. Она сравнительно быстро преодолевает панику и отторгает провокации (как показали настроения в обществе после диверсии в московском «Крокус-сити», как показывает стоицизм наших граждан под обстрелами в приграничных с фронтом областях).

Нужны следующие шаги в том же направлении, в каком мы продвинулись за эти два года.

Каждая пядь земли, отвоевываемая нашими воинами на полях СВО, и каждый новый шаг по очищению от скверны в Москве — звенья одной цепи, явления одного порядка, путь к одной цели.

Мы за эти два с лишним года не стали богаче, наглее, веселее — но мы стали крепче, здоровее, трезвее. А это — очень хороший знак.

РАСКАЗЫ

ПРОВЕРКА НА ВШИВОСТЬ

Поздним вечером наш ИЛ-62 наконец-то оторвался от взлетной полосы, набрал высоту и лёг на заданный курс — на Магадан. Говорю «наконец-то» по той причине, что рейс опоздал почти на сутки и всё это время нам пришлось коротать в самом аэропорту, никак не приспособленном для нормальной человеческой жизни. Счастливи́чик был тот, кто смог занять хотя бы жесткое кресло, прочим пришлось обретаться на ногах или на чемоданах.

Вырвавшись из этого битком набитого муравейника, все расслабились. Большинство пассажиров, особенно дети и женщины, не дожидаясь ужина, уснули. А наша компания из трех человек — встретились мы в Домодедово, но шапочно были знакомы и раньше — перед тем, как тоже отойти ко сну, решила это дело отметить. Благо, выбор на тележке у стюардессы был самый широкий — коньяки, водка, вина.

— Мужики, я угощаю, — сделал широкий жест самый старший из нас, Юрий Николаевич. Я знал его как местного бизнесмена, в свое время удачно скупившего акции

ПРОЗА

«Магаданрыбпрома», а потом регулярно, но безнадежно пробовавшего свои силы в политике. Он участвовал во всех выборах, начиная с городских и кончая федеральными, выкинул уйму денег (сейчас бы он вполне за половину этой суммы мог купить себе депутатское или иное кресло, но тогда до этого общество морально еще не созрело), а толку не получалось. В самый решающий момент выборной гонки кандидат вдруг исчезал из поля зрения не только избирателей, но и собственной команды, и разыскать его не могла даже милиция.

Разумеется, все его труды и деньги сгорали впустую. Но тайны его внезапных исчезновений разгадать так и не мог никто. Может быть, он был патологический трус, может, не выдержав напряжения, страшно, по-черному запивал, но скорее всего, я полагаю, в выборах Юрий Николаевич участвовал обыкновенной подсадной уткой — оттягивал на себя голоса. Все знают, что ни одни серьезные выборы в родном Отечестве без таких не обходятся.

— Тогда мне водочки, — отозвался сидевший у иллюминатора Николай Иванович, преподаватель Северного университета. Что он там преподавал, я так и не вспомнил, но учитывая, что в разговоре он любил щегольнуть древними греками, скорее всего историю. — Язва, знаете ли...

Мне было всё равно, лишь бы снять стресс последних суток и забыться до Магадана. А трезвый буду весь полет пялить глаза в обшивку потолка самолета под дружный храп соседей.

Остановились на литровой бутылке «Абсолюта». Разлили в пластмассовые стаканчики, разложили нехитрую закуску и выпили за взлёт. Естественно — разговорились.

В годы перестройки в России все говорили о политике и преступности. Мы исключением не были. Речь зашла о недавнем убийстве в Москве нашего земляка, крупного олигарха. Убийц, как всегда, не нашли, заказчиков тоже, но после третьей рюмки мы с расследованием вполне разобрались самостоятельно. Версий было на каждого собутыльника по одной.

Бизнесмен говорил — за деньги.

Историк — за тиранство.

Я утверждал, что это — месть. Покойник был крутым человеком и не одного человека перешагнул.

Сошлись мы на том, что убивать людей нехорошо. Жизнь дает Бог и не человеку ее отнимать.

В самый разгар нашей оживленной человеколюбивой дискуссии динамик ожил и озабоченный голос стюардессы произнес.

— Вниманию пассажиров. Если среди вас есть врач, просьба пройти в хвост салона.

— Кто-то заболел, — посочувствовали мы и выпили за здоровье неизвестного бедолаги.

Но дальше события развернулись несколько неожиданно.

— Уважаемые пассажиры! В связи с тем, что на борту самолета находится тяжелобольной, командир принял решение возвратиться в порт вылета Домодедово. Просьба всем застегнуть ремни и привести кресла в вертикальное положение.

Была минута гробовой тишины, а потом ошеломленные пассажиры взвыли. В общей какофонии возмущенных голосов солировали женские. В другой ситуации их можно было понять, но...

Не знаю, чего наслушались стюардессы, только через несколько минут к нам обратился второй пилот корабля...

...Уважая мнение пассажиров... будет произведен опрос. На основе его командир примет решение.

— Демократия! — прищелкнул языком Николай. — Как в римском сенате.

— Бардак, — сказал бизнесмен. — Решил — так поворачивай. Ты хозяин.

— Как будем голосовать, — полушутя, спросил я. — Палец вверх или вниз?

Шутки моей соседи не приняли. Да я и сам о ней пожалел. Но как же не хотелось возвращаться!

Что делают русские люди в таком случае? Правильно, водки у нас оставалось еще немеряно.

Но текли минуты, а обещанного опроса и разворота всё не было. Потом и вовсе поступило разрешение расстегнуть ремни и ходить по салону. И мы решили, что всё обошлось.

— Хрен там обошлось, — сообщил вернувшийся из туалета Юрий. — Лежит бедолага в багажном отделении, только в одеяло завернули...

Мы допили водку за упокой незнакомца, соседи мои уснули, а я не мог. Хмель куда-то улетучился, и я думал об этом несчастном и не столько о нём, сколько о нас. «Наверное, жена, дети. Знают, что должен прилететь, будут встречать, может, с цветами, а им — труп. А мы — голосование. Ну и вернулись бы, ну, часа четыре потеряли бы. Небось, из салона выгонять бы не стали, да и что такое эти несчастные четыре часа, если там — жизнь!»

Напрасно я утешал себя тем, что у нас так никто и ничего не спросил. Себя не обманешь. Да и неизвестно, что я бы ответил стюардессе. Скорее всего, сказал бы: «Как все». А почему как все... Да потому, что ты сам как все! Без иллюзий.

И это в абсолютно безобидной ситуации. А если что посерьезнее... Я вспомнил рассказ знакомого пожарного, как в огне сгорели сразу пятеро молодых женщин.

— Выбраться можно было только через форточку, но они не давали этого сделать друг дружке. Как только кто-то пробивался к спасительному окну, обезумевшие от ужаса подруги за ноги стаскивали ее назад. А если бы помогали — спаслись бы все!

Я не спрашивал об этом Юру и Николая. Мы вообще на эту тему больше не разговаривали. Ни в полете, ни потом, в Магадане.

Только когда прощались, Юрий Николаевич задумчиво обронил:

— Вот так вот... Живешь живешь, а тут раз — и проверка на вшивость.

Тут я сильно засомневался в том, что в своей политике он мог быть подсадным. И на труса не похож. Скорее всего — запивает...

НЕРПИЧИЙ КОРОЛЬ

В то лето мы рыбачили на полуострове Кони, на речке со странным названием Умары. Прямо у ее устья возвышался над волнами залива одноименный остров — тесаная со всех сторон каменная громада. В туман остров был похож на линкор, полным ходом прущий на таран.

От материка остров отделяла узкая перемычка. В отлив она обнажалась досуха, зато в полную воду здесь мог спокойно пройти средней руки траулер. Как и многое на Севере, приливной перепад тут был необычайно большим — до десяти метров.

То ли мы приехали рано, то ли опыта не хватало, но рыбалка не клеилась. В закидной невод, который мы, обливаясь потом, тягали без передышки, горбуша почему-то не шла, а ставник мы нашли в таком виде, что на ремонт его требовались недели, да и вряд ли был среди нас специалист по такому тонкому делу.

Разве что бригадир, Старый Мангут — бронзоволицый узкоглазый бурят. Но ему и так хватало хлопот. С раннего утра до темноты гонял он нас с неводом по берегу залива, сам, никому не доверяя, чинил засольные чаны, ремонтировал то и дело ломавшийся старенький ДТ-54.

Никто не видел, когда Старый Мангут отдыхал. Прикорнет на косе во время перекура минут па пятнадцать и тут же, сна ни в одном глазу, бодро вскакивает:

— Кончай ночевать, сон на ходу. Давай шлюпку — заводи.

— Это же зверь, — плевался Коляня, — я в лагерях и то таких не видел.

Из сил выбивались, с ног валились, а рыбы все равно не было...

С очередным рейсом катера, доставившего нам соль, продукты и бочки, появился в бригаде Вовик. До нас он был здесь, на базе госпромхоза, сторожем, поранил руку и долго лежал в больнице — оттого и опоздал к началу рыбалки. Я уже слышал о нем — и слышал разное. И что он славно браконьерничал здесь зимой, и что трактор угробил, и что сам, как трактор, моторку один поднимает.. Говорили даже, что необычайно удачлив в рыбалке Вовик и даже слово какое-то знает. И все — Вовик да Вовик. Представлялся мальчишка, несерьезный и хулиганистый.

Старый Мангут как-то послушал и сказал:

— Моя с Вовиком вместе работал, только у нас его Нерпичий Король звали.

За что, почему? — ничего не объяснил Старый Мангут. Некогда, говорит.

Вовик оказался здоровенным мужиком, метра под два ростом, белесое безбровое лицо — и вдобавок говорлив и любопытен.

— Э, ребята, — оценил обстановку Вовик. — Без ставника мы каши не сварим.

Будто мы и сами не знали.

Но растерзанный вид невода Вовика не смутил. Трактором вытащил его из сарая, расстелил прямо на косе и начал латать. Бригадир посмотрел, как лихо, не уступая языку, летает его игла, и дал в помощь еще двоих. Впрочем, у меня до сих пор осталась уверенность, что Вовику нужны были не столько помощники, сколько слушатели.

Через пару часов я всё знал о Вовике: о его жизни, взглядах на природу, женщин и события в Латинской Америке. Могучий фонтан красноречия извергался из Вовика вне зависимости от времени, места и обстоятельств. О каком-либо сопротивлении этому стихийному явлению не могло быть и речи.

— Жизнь пролетела, — начинал он очередную свою байку, — как птичка мимо окна. Жалею только, что много сил потратил на город и баб. Уж на что моя последняя вроде ничего была, а приехал с охоты и нашел в квартире только дырки от гвоздей, на каких ковры висели. С тех пор я на это дело плюнул — сам себе хозяин.

— Вовик, — спрашивали у него, узнав, что до рыбацкой своей жизни был он художником на фабрике сувениров, — как же ты такую клевою работу бросил?

— Заболел, — серьезно рассказывал Вовик. — И как! Чувствую, что поправляться начал, затяжелел, как на сносях. В

бане взвешусь — опять на три килограмма. Не верите — полтора центнера уже тянул, каждый месяц новый костюм шил, бабу чуть раз не задавил, она из-за этого и сбежала. Таксисты не брали — рессоры ломал. Пришлось к врачу идти. А тот молодой, но дока: только глянул — каменная болезнь, говорит. Пыль на работе жрете, а она потом внутри оседает. Порошок мне давали, чтобы камень этот вынести. И точно, пуда три песка с меня вышло, дорожку потом возле больницы посыпали.

Мы гоготали. Довольный, улыбался и Вовик.

— Апочему Нерпичий Король? — вспомнила слова Мангута.

Тут Вовик неожиданно смутился и, пробормотав что-то вроде «брешут тут всякое, а ставник еще латать да латать», углубился в работу.

Ставник был вскоре готов и установлен в маленькой, облюбованной бригадиром бухточке. И уже к вечеру, глядя на всполошенных чаек, снеговым облаком кружащихся над наплавами, Старый Мангут заторопился.

— Однако рыба есть.

Он не ошибся. Отборная горбуша — настоящая серебрянка — заполнила тракторную тележку до краев, и до самых поздних звезд мы шкерили, мыли, солили нашу добычу. Холодильника у нас не было и оставлять работу на утро было рискованно — рыба могла испортиться.

Наверное, мне было тяжелее всех. Нож, неудобный, тяжелый, то и дело выскальзывал из мокрых от рыбьей крови пальцев, надрезы шли вкривь и вкось... с каждой рыбиной я возился вдвое дольше, чем остальные.

В артели это опасно, засмеют и выгонят.

— Давай-ка махнем, — Вовик протянул мне свой ножик — обычный, магазинный. Изоленной к ручке со стороны, противоположной лезвию, была прикручена столовая ложка из нержавеющей стали.

— Смотри, — он прижал горбушину носом к упору, одним точным движением располосовал ее, а вторым — обратным (ложкой) выгреб внутренности и кровь. — И все дела! А если самка — ястык с икрой двумя пальцами подцепил и...

Пораженный изяществом и легкостью проделанного, я заторопился.

— А ну-ка, дай, я сам.

Вовик еще не раз подходил ко мне, поправлял и, убедившись, что я освоил эту нехитрую науку, похваливал:

— Ну молодец, Студент. Влёт схватил.

Теперь мы вообще не разгибались днями, но настроение у всех поднялось. Рыба шла хорошо, пласт за пластом укла-

дывали мы в чан и вскоре забили его доверху. Три чана — план. План — две с половиной тысячи на нос. Есть за что и пахать.

И вдруг что-то произошло. Не кружили уже чайки над ставником, рыбы попадалось в него всё меньше и меньше, и всё чаще обнаруживали мы в неводе большие — метр на метр — дыры. Спешно латали, но дыры, словно кто смеялся над нами, на другой день появлялись вновь.

— Нерпы, — сплюнул после очередного просмотра бригадир. И погрозил кулаком в сторону моря, на спокойной глади которого круглыми поплавками качались десятки нерпичьих голов. Словно со всего залива собрались к нам стаи этих глазастых тюленей. Я-то считал, что из любопытства.

С этого часа Старый Мангут распорядился охранять ставник. В шторм, в дождь, днем и ночью кто-то из нас, вооруженный дробовиком, в лодке, привязанной к ставнику, должен дежурить на море. Мы поворачали, но деваться некуда — да и прав оказался бригадир: опять наш невод был полон.

А потом Коляня застрелил молодую, слишком неосторожную нерпу и забагрил ее. Вечером на ужин повариха приготовила жаркое из нерпичьей печени.

Все ели и похваливали. Только Вовика почему-то за столом не было.

Нашел я его на косе... В редкую свободную минуту я любил побродить здесь. Море выкидывало на песок стеклянные шары наплавов, обрывки чьих-то сетей, доски, на которых еще заметны были неведомые разноязыкие надписи. Ночами морская вода странно горела голубоватым искристым пламенем — это светился планктон. И фантастический этот огонь, и вечный шум моря, и бесцельные мои шатания по тугой широкой полосе косы были после трудов и суеты дня как прохладная повязка на разгоряченный лоб, как прикосновение к чему-то, чего никогда не постичь нашему праздному уму.

Вовик сидел на перевернутой шлюпке у самой воды. Легкие волны облизывали носы его рыбацких сапог.

— Т-ш, — прошипел он, заслышав мои шаги, и указал на лодку, — садись.

Я послушно сел.

Вовик приложил к губам какую-то травинку и засвистел. Слабая нежная мелодия родилась в тишине, дрогнула, выправилась и, набирая силу и высоту, пролетела над светящимся в ночи морем.

Ничего подобного я до сих пор не слышал — а от балагура, весельчака и тёртого жизнью мужика Вовика — и не ожидал услышать.

Была в этой мелодии печаль. И надежда. Будто до того человеку стало невмоготу, что крикнул он, призывая на помощь близкую душу, так крикнул, что всё, что в этом мире было: звезды, трава, волны и скалы, — дрогнуло на миг. И откликнулось. Такой же слабый, будто вздох, донёсся до меня ответный звук. И еще, но уже значительно ближе, и еще.

— Нерпы, — прошептал Вовик. — Знаешь, как они музыку любят. Коляня их на транзистор и подманивал...

Последние слова он произнес с такой болью, что мне стало стыдно — всего час назад я уплетал эту печенку так, что за ушами трещало, а сейчас разнюнился. Нарочно грубо сказал:

— Фигня всё это. Так и рыб, и свиней — и всё жалеть? Жить надо проще.

— Просто живет скот. Пожрал, на самку вскочил... Что там еще — сортир да логово.

Ничего больше словоохотливый Вовик не сказал. Встал и ушел в палатку. На леске валялся листок чозении — узкий и длинный, как лезвие ножа. Неужели этим он свистел?

Только полвоскресенья Старый Мангут дал нам передохнуть, и мы устроили баню.

Отмывшись и вдоволь напарившись, я решил познакомиться с островом Умары. Был час отлива, и широкая, ровная, как шоссе, перемычка соединила его с материком. Я неторопливо побрел к острову, мимо морских звезд и ракушек, широких листьев морской капусты. А подойдя к острову, ахнул от изумления.

Глазам моим предстали огромные каменные валы, ярус за ярусом переходившие в широкую удивительно ровную площадку. Тысячи и тысячи лет неутомимое море шлифовало камень, и теперь он был гладким и сверкающим. Будто на лету остановленный, замер и обратился в камень гигантский водяной вал.

Над площадкой угрюмо возвышались утесы, и, поколебавшись мгновение, я начал карабкаться вверх. От старости узкие пластины сланца прямо под ногой ломались, как пересушенная бумага, и мелкой крошкой осыпались вниз. Осторожно, тщательно выбирая площадку для следующего шага и зацепки, я медленно шел всё выше и выше.

Вдруг огромная глыба, казавшаяся такой надежной, под моей ногой дрогнула и вначале со змеиным шипом, а потом с гулким грохотом обрушилась вниз. Падая, глыба, как ножом бульдозера, срезала на своем пути все островки и кустики, цепляясь за которые я поднимался сюда.

Затылок мой похолодел — назад дороги не было.

Но не было ее и вперед. Угрюмые каменные глыбы — прямые родственники рухнувшей — нависали надо мной. Ду-

маю, тут дрогнул бы и выдавший виды альпинист. Я ткнулся влево, затем вправо и после одного из отчаянных прыжков понял, что еще шаг и всё — сорвусь. До земли не меньше пятидесяти метров: мне, чтобы разбиться, хватило бы и куда меньшей высоты.

Руки и ноги мелко дрожали, мысли путались. Еле-еле я заставил себя успокоиться, отдохнул и стал обдумывать ситуацию...

— Ий-йя, — в лихом выраже скользнула мимо чайка, и неощутимый для меня воздушный поток легко подкинул ее вверх, к облачку, безмятежно плывущему над заливом Одян.

С легким шорохом из-под моей ноги скатился камешек и улегся где-то там в россыпи.

Увы, я не чайка, не облако и не камень. Никак не решалась моя задача. А время шло. Пробил час отлива, и волны с шипением наступали на землю. Полоска к берегу становилась всё уже и уже.

Лагерь был не так уж и далеко, но кричать, звать на помощь мешали стыд и глупое самолюбие, да, наверное, и не долетел бы мой крик, не пробил слитный шум моря, ветра и птиц.

Вдруг я заметил, как от палаток отделился человек, столкнул в воду лодку, через минуту синим дымком стрельнул мотор, и лодка, поставив перед собой белые усы, ринулась к острову. Я угадал в ней Вовика. Он что-то крикнул мне и повернул за остров.

Я растерялся. Неужели Вовик не сообразил, в какую ситуацию я попал?..

Вдруг услышал близкий голос:

— Эгей, Студент! Держи.

Вовик восседал на ближайшем гребешке, крепко оседлав его ногами, и — удивительное дело — ни один камешек не осыпался от его движений.

Шлепнулась рядом веревка, и через минуту я уже был возле Вовика, в безопасности.

— Я за ставником смотрел, — предварил мои расспросы Вовик. — Биноклем повел — дела! Надо было предупредить тебя, а я не допетрил. О, здесь горы коварные. Я раз за баранами пошел, тоже — как ты попал, пришлось до морозов сидеть.

— Почему до морозов? — не понял я.

— Осыпь смерзлась, — серьезно пояснил Вовик, — и я по льду, как в этом... бобслее... А еще, был случай...

Я даже и не помню — сказал ли тогда хоть «спасибо», так Вовик заговорил меня...

В нашей разношерстной бригаде особо выделялся Коляня — профессиональный охотник и рыбак. Впрочем, насчет рыбака крепко сказано — для этого Коляня был слишком ленив, он постоянно увиливал от тяжелой работы. Вместо шкерки и замётов то помогал поварихе, то вызывался топить баню, то возился в цеху... Ребята ворчали, но больше за глаза — Коляню побаивались. От уголовника и психопата держаться лучше подальше.

На Умары Коляня прибыл с тремя собаками. Шустрые голосистые лайки целыми днями шастали по тайге вокруг лагеря, появляясь возле кухни точно в часы обеда и ужина. Собаками Коляня очень дорожил.

Из-за них вся эта история, собственно, и случилась.

В тот день я дошкеривал последнюю партию серебрянки, а все остальные работали на берегу. Надвигался шторм, и надо было отодвинуть подальше от наката наши припасы — доски, бочки с горючим. Из-под навеса цеха я хорошо видел косу, суесящихся на ней рыбаков и тихое, как всегда в отлив, море, на глади которого то тут, то там показывались нерпы. В редкие перекуры я снимал с гвоздика бинокль и с любопытством, пробудившимся во мне после рассказа Вовика, рассматривал их. Были в стае и седые, видно, старые самцы, эти старались держаться подальше. Беспечно резвился, посвистывая, молодец. А самые маленькие и любопытные подплывали совсем близко. Один из малышей и выбрался на перемышку. Заглазелся на странные двуногие существа на косе и не заметил, как стремительно отошла вода. Пока сообразил, что к чему, пока развернулся нерпёнок, его учуяли собаки и с громким лаем помчались по перемышке. Это были хорошие собаки, и бежали они, отсекая нерпёнка от моря.

Малыш с тревожным писком заметался, и справа была бы короткой и кровавой. Но тут подоспел Вовик. Как он, немолодой уже, грузный, в тяжелых сапогах, угнался за лайками — ума не приложу.

С ходу, сапогом, он и подцепил передовую, самую злобную старую суку Дайну, прикрикнул на остальных и осторожно перенес нерпёнка к воде.

И тут-то на него налетел Коляня. Вопя: «Собаки! Мои собаки!», Коляня вдруг нагнулся и что-то поднял с земли. Камень — понял я.

Вовик, защищаясь, поднял руки и громко, отчаянно крикнул:

— Не надо, Коляня! Не надо!

Но, похоже, Коляню это только подстегнуло. Беспомощность жертв всегда подхлестывает подлецов, и молитесь о

пошаде — пустое дело. Он, как-то странно подпрыгивая, чтобы достать, ударил Вовика в лицо — раз, другой. И только когда Вовик, шатаясь, побежал от него, Колян остановился, подозвал собак и стал осматривать их, демонстрируя свою заботу и любовь.

Всё это произошло в минуты. Никто не успел вмешаться. Старый Мангут как стоял, приподняв доску за один конец, так и застыл.

Широким шагом, прижимая ладонь к лицу, Вовик прошел через цех в нескольких метрах от меня, и я услышал его задыхающийся, рвущийся болью голос:

— Да когда же это... когда подлая эта жизнь кончится?!

Меня он не заметил.

В этот же день Вовик ушел к сенокосчикам. Они давно звали его.

Подошел попрощаться.

— Ты все видел, Студент?

— Видел, — жестко ответил я. — Тряпка ты, а не мужик. Глянь на лопаты свои — разок бы двинул...

— Нет, Студент, — грустно покачал он головой. — Не могу я, да и не знаешь ты Коляни — он бы за ружье сразу, и в конторе у него родичи, и...

Он махнул рукой, поправил рюкзак и пошел по косе. Я глядел на его широкую, чуть сутулящуюся под рюкзаком спину, на старенькую шапку, вороньим гнездом черневшую на голове, на всю его маленькую на огромном пространстве моря фигурку, и чувство жалости к этому бездомному, безалаберному и незащитному человеку всё больше и больше захватывало меня.

Кому он нужен на этой земле?

И вдруг... Я глазам своим не поверил: все нерпы, до этого беззаботно кувыркавшиеся в волнах, большие и малые, и всякие, вдруг кинулись к берегу, туда, где шел Вовик. Они дюжинами выныривали из воды и, шустро перебирая ластами, выползали на песок, а сзади появлялись всё новые и новые.

Это был мираж, сон... Неужели нерпы вылезли прощаться с Вовиком, со своим защитником, а может быть, и впрямь — Королем?!

Но тут Вовик повернулся, показал на море рукой и что-то прокричал. Я глянул. Недалеко от берега чёрным парусом стремительно резал волну острый плавник касатки — самого страшного врага нерп. Это ее испугавшись, кинулись они на берег. Хотелось думать — к своему защитнику. Только какой уж из Вовика защитник, за себя постоять не смог.

...Когда на другой день Коляня, как всегда, с деловым видом пробежал мимо цеха, заваленного рыбой, — после штор-ма мы взяли хороший замет, — мимо нас, уже обалдевших от нудной и тяжелой работы, я остановил его.

— Кончай филонить, становись к станку.

— Пошел ты, бугор нашелся! — привычно огрызнулся Коляня.

Сам не понимаю откуда — наверное, злость прибавила — взялись во мне силы. Я сбил Коляню с ног, подтащил к бочке, куда мы сбрасывали рыбы кишки и кровь, и несколько раз с головой окунул в нее.

Не знаю, что сделал бы Коляня, когда вырвался наконец из моих пальцев. Может быть, схватился за нож и впрямь побежал бы за ружьем. Но вокруг плотным кольцом встали рыбаки, и выражение их лиц было на редкость одинаковое.

Коляня ополоснул с себя рыбы потроха и молча взялся за работу.

— Однако, — подвел итог Старый Мангут, — шибко ты нехороший человек, Коляня. Катер придет — уезжай в со-вхоз.

...Много воды утекло с той рыбалки на Умарах. Вовика я больше не встречал, а от рыбаков, которых иногда видел в городе, слышу разное. Кто говорит, что спился Нерпичий Король, кто — замерз, кто — утонул. И это успокаивает: если говорят разное — значит, неправду. Значит, жив Вовик, жив Нерпичий Король.

И от этого у меня на душе хорошо.

Я ЖИВОЙ, МАМА!

— Стоп, машина! Команда на палубу! Приготовиться к выборке трала!

Капитан внимательно смотрел, как взрывая литую зыбь моря, выныривает из его глубины трал. Уже по метельной круговерти чаек, по натужному реву лебедки, по тому, как дернулся, будто крепкая рука схватила его за корму, сейнер, понял...

— Есть рыба!

Серебряным водопадом падала и растекалась по палубе селедка. Здесь, у острова Прибылова в Беринговом море, ее было столько, что уже в первые дни путины капитан приказал забить досками лоцпорты — отверстия для стока палубной воды — и жирной отборной сельдью нагружали сейнера под жвак, а что не помещалось, буксировали за собой в туго

завязанном траловом мешке. Со стороны посмотреть, улыбнулся капитан, плетемся, как бабы с колхозного базара.

В четырех кабельтовых справа по курсу покачивался на ленивой зыби сейнер «Бокситогорск» — старый соперник. Там уже расправились с выборкой, и тяжело груженое судно медленно разворачивалось в направлении далеких льдов, где дымила поджидавшая их плавбаза «Феликс Кон».

— Что-то заторопился, — проводил его взглядом капитан, и в этот момент его тронул за плечо радист — высокий немногословный Никола Стефанюк.

Желтый листок радиogramмы шевелился как живой — тянуло сквозняком из открытой фрамуги — подрагивал в пальцах. Черные контуры букв складывались в слова...

«Метео. Штормовое предупреждение. Циклон Руби в 23.00, время Гринвича, изменил направление с западного на северное. Скорость ветра до сорока—пятидесяти метров в секунду. Высота волн до 8 метров. Возможно, обледенение. Всем принять меры безопасности!»

— Что, Никола, хреново?

— А то! Флагман орёт, чтобы все во льды бежали. Тут кто быстреей...

Стефанюк вопросительно посмотрел на капитана. Они давно ходили вместе и право на откровенность имели. РДО значило, что в эти минуты с сумасшедшей скоростью прет на них циклон — спрессованные в миллионотонный кулак вода, воздух и снег. Если синоптики не ошиблись, то через два-три часа кулак этот обрушится на экспедицию. До кромки льда, куда советует бежать флагман, не меньше пяти часов полного хода. Понятно, почему заторопился «Бокситогорск» и прямо на глазах пустела водная гладь горизонта.

Еще несколько секунд капитан глядел на море, на волны, дымящиеся морозным паром, обвел взглядом палубу, отметил, как тяжело просело в воду судно.

— Дед, — крикнул он в машину. — Будем убегать — выжимай всё, это серьезно.

— Понял, — откликнулся из железных глубин стармех. — За нас не дрейфь. Главное, рули.

— Машине полный ход! Палубной команде задраться поштормовому! Право на борт! Курс — сорок!

А когда первый «баран», тяжело вспухнув белоснежной пенной гривой, ударил в скулу, капитан решил...

— Рубить лоцпорты! Рыбу — за борт!

Матрос Костя Болдин, светлоглазый коренастый крепыш, последней команде не поверил, огляделся в растерянности по сторонам.

— Руби, чего рот разинул! — подтолкнул его вездесущий боцман Севрюков. — Вот оно...

Что-то страшное и непонятное, клубящееся на всё небо сразу, чёртом вырвалось из-за горизонта и всей своей страшной силой и тяжестью рухнуло на сейнер.

Следом свалилась темнота.

...Первый шквал не напугал капитана «Дружного». И не такое бывало. В Беринговом и Охотском морях шторм — нормальная погода. Главное — устоять, продержаться носом на волну, пока прогромыкает, промчится этот неизвестно откуда свалившийся им на головы Руби.

Люки задраены, машина в порядке, команда обучена — не впервой.

...Если только не мороз!

Не ветер ураганный, не волна под клотик, а лед, обыкновенный лед — самый страшный сейчас враг рыбака. Чуть где задержалась капля воды, на ее месте уже ледяной пушистый шарик. Шарик стремительно перерастает в гроздь, гроздь — в бульбу, и вот уже палуба, надстройки, леера — всё покрыто толстой, пухнувшей прямо на глазах ледяной броней.

Беспомощное, потерявшее ход, рули и устойчивость судно обречено. Вот почему не в теплых сухих кубриках, как, к примеру, летом, встречает команда ураган. Все, кроме вахты, на палубе. Вооруженные пешнями и ломиками, на кувыркающемся как Ванька-Встанька суденышке, они без остановок окальвают лед с палубы, надстройки, лееров — отовсюду, куда может дотянуться рука.

Лед и пот.

Лед и кровавые мозоли.

Лед и жизнь. Иначе... лед и смерть.

Это не фраза. Года не прошло, как погиб из-за обледенения экипаж «Рыболова». Двадцать шесть человек списочно-го состава и еще один, совсем парнишка, в списках не значился. Мать упросила капитана взять хотя бы на один рейс, болтается на берегу парень, с плохой компанией связался, как бы до беды не дошло...

Те тоже в шторм и мороз попали. Тоже перегруз, и хотя до бухты «Светлой» пара миль оставалась, не дотянули. Кувыркнулись, и ни один даже на палубу не успел выскочить. Так все там, на дне морском, и лежат в обнимку. Раньше, в советское время, непременно вытащили бы сейнер, глубины позволяют. А сейчас Владивостокское спасательное судно только за путь миллион запросило, будто и не русские люди... Рынок, всё рынок, а точнее, звериный базар, где каждый за бакс готов глотку ближнему перегрызть.

Телевизионщики смогли подводной кинокамерой снять «Рыболов». Лежит на борту, а вокруг трал и облако какой-то живности — не разглядеть.

Эх, вот она — звезда рыбака.

Ваня, как и остальные рыбаки, перепоясан страховочным поясом, тонкий стальной тросик защелкнут на карабин, второй конец его свободно движется по лееру, натянутому вдоль борта.

Когда первый вал хлестко ударил по корпусу «Дружного», рыбаки, не удержавшись на ногах, покатались по палубе.

Сверху капитану показалось, что куча апельсинов — спасательные жилеты на сейнере оранжевого цвета — рассыпалась по обледенелым доскам. Удержался один Севрюков — будто влип в фальшборт, пропуская волну. И сразу, едва отфыркался от соленой воды, заорал...

— Леонов, Борисенко! Бросай зюльки, без вас смое! Давай на ботдек — окалывай! Остальные по местам по расписанию!

Застучали пещни, ломики, топоры — кому чем сподручней. Ваня колотил лед, с дьявольской быстротой выраставший на подветренной стороне рубки. Казалось, остановись на мгновение, и тебя самого закует в ледовый скафандр. Такой густоты и вязкости была вода, что даже со стальной вертикальной плоскости не стекала, а медленно сползала, а то и вовсе замирала, мгновенно схватываемая морозом.

— Как желе, — почему-то подумалось ему, и это была одна из немногих мыслей, что осталась в памяти. Он рубил лед, падал, сбитый очередной волной, опять яростно колотил ломиком, и горячий соленый пот смывала ледяная соленая вода. В полдень стемнело, пришлось врубить все прожектора и лампы. Ураган летел через сейнер с таким гулом и ревом, что команды капитана, даже многократно усиленные трансляцией, прорывались глухо, как сквозь вату.

— Боцман! Ты что про бак забыл!

Зосимыч приправил команду крепким словцом. Неизвестно, когда на носу судна успела вырасти громадная ледяная бульба. Севрюков с двумя матросами кинулся на бак, но в этот момент сейнер буквально воткнулся в водяной вал, и когда он прокатился, боцман и матросы оказались отброшенными к надстройке. Одного из них, Бориса Степина, хлопнуло так, что кровь из ушей пошла.

Сквозь разрывы в бешено несущихся тучах вдруг пробился слабый свет, и среди водяных гор, совсем рядом, все увидели неестественно накренившийся сейнер.

— «Бокситогорск» тонет!

Словно подтолкнутый этим криком, «Бокситогорск» дернулся, пошел, описывая широкий круг, но не закончив его, зачерпнул палубой и легко, как поплавок, перевернулся.

Тут же на сверкающем горбатом днище появились две черные фигуры.

— Старпом Федин и, наверное, радист, — не отрываясь от бинокля, тихо сказал Зосимыч.

Он знал, что остальные там тоже пристегнуты, так и ушли, прикованные к судну. А капитан... Длинная, видно, у него оказалась очередь до своего права покинуть судно последним.

Перевернутый сейнер с людьми на киле несло мимо «Дружного». Был ничтожный, но все-таки шанс...

— Приготовьте концы!

Два метких броска достигли цели. Но радист, молодой, неопытный моряк, заторопился, не удержал петлю и топором ушел вниз.

Старпом обмороженными пальцами завязать узел не смог — несколько раз обмотал вокруг торса лить, и конец его намертво сжал зубами. Да так, что когда его подняли на борт, то разжать челюсти не смогли.

Взглянув на бак, капитан по-настоящему испугался. Бака как такового не было. Был полностью закрывавший его громадный ледяной колпак. И уже появился дифферент на нос. Если этот колпак не сбить, ходу им самое многое — полчаса. А вручную явно не отколоть.

— Заводи трос, Севрюков!

Боцман понял его с полуслова. Только траловой лебедкой и можно сдернуть такую глыбу. Но кто сможет завести трос — это же надо по открытой палубе добраться аж до якорного колодца.

Он оглядел свое воинство. Обмороженные, с черными распухшими лицами, пешни из рук валяются... Кто из них?..

Он жестом показал капитану, что идет сам, и с кольцами стального упругого троса шагнул вперед. Помогая ему, капитан чуть отвернул, подставив волне скулу. Сейнер рискованно — градусов на тридцать — положило на борт, но за мгновение до этого, боцман успел взмахнуть рукой. Петля выброски опоясала ледяной нарост и тут же, натягивая ее в звонкую струну, заработала лебедка.

Резкий короткий свист рассек ураганный гул и почти одновременно с ним Севрюков удивленно взмахнул руками и согнулся, нет — переломился пополам. Рыбаки кинулись к нему и в ужасе остановились...

Сверху капитан не сразу понял, что произошло, а когда понял, на мгновение растерялся.

Оно могло бы дорого обойтись «Дружному», это мгновение... Но тут с выброской вперед шагнул Болдин. Наверное, он и за борт шагнул бы, лишь бы подальше от того страшного и кошмарного, что еще миг назад было смелым и сильным человеком.

Он не помнил, с какой по счету попытки, но трос завести ему удалось. И вовремя. Нос сейнера уже и не выныривал из ледяных валов, и сейнер шел, толкая впереди себя настоящий айсберг.

На этот раз трос выдержал. Сдернутая лебедкой ледяная гора, ломая фальшборт, рухнула в море, и «Дружный» сразу вздрогнул и, вынырнув из воды, устойчиво взлетел на волну.

Зосимычу показалось даже, что сейнер, почти как человек, с облегчением вздохнул. Но это, конечно, был его собственный вздох.

Сзади сопел в затылок радист.

— «Севск» SOS дал. И молчит.

Молчат после SOS только в одном случае. За эти часы радист принял столько отчаянных призывов о помощи, сколько не слышал их за всю жизнь. Но тут...

На «Севске» работал его брат.

Капитану нечего было сказать. Что тут скажешь? Да и не время. От одной беды ушли — вторая навалилась. Видимо, жестокая болтанка сместила трюмный груз — образовался крен на правый борт. Его стало больше захлестывать, и скоро — сил у ребят уже не было — он полностью покрылся льдом. Люди уже не реагировали на команды. Кое-кто, взмахнув пешней, падал вслед за ней. Порог человеческой усталости, когда всё становится безразличным, даже собственная смерть, был близок.

Зосимыч сам спустился на палубу, будил ребят, уговаривал, орал, иных хлестал по щекам. И, должно быть, вид капитана, обычно спокойного и сдержанного, был настолько страшен, что рыбаки один за другим поднимались и, шатаясь, принимались окалываться.

Из трюма поднимали бочки с рыбой и выбрасывали за борт. И уже недалеко было до спасительной кромки льда, до убежища.

Ваня стоял на турчаке, бездумно, как во сне, накидывая на барабан кольца троса. И тут волна ледяной крошкой хлестнула ему прямо по глазам. Он машинально отшатнулся, ударился головой обо что-то острое, и свет померк.

Дальше борьба с циклоном шла уже без него. Он не знал, как с ужасным креном добрались они до льдов, как стали переворачиваться, и только вышедший навстречу рефрижератор вовремя подставил свой борт.

— «Себеж» тоже. Уже у плавбазы перевернулся. Никого не смогли спасти. «Нихичевань» пропала. А японцев сколько...

Капитан, глотал, смакуя, кофе и рассеянно слушал радиста.

— Странное дело, Зосимыч! Управление просит, чтобы все члены экипажа сообщили своим близким, что они живы. Срочно!

— Их сейчас пушкой не разбудишь, — усмехнулся капитан. — Вон возьми адреса и сам дай.

— А текст?

— Придумай что-нибудь...

У себя в рубке радист долго сидел, как в оцепенении. Вспомнилась мать, босоногое детство, брат, с которым рядом, не расставаясь, прожил он до вчерашнего дня. Мать еще ничего не знает, но первой придет к ней его РД.

Он настроил рацию и передал.

— Я живой, мама!

И тут он, здоровый сорокалетний мужик, не выдержал и заплакал — молча, содрогаясь от рыданий всем своим громоздким телом. Он плакал, а пальцы его автоматически делали привычную работу. В Тулу, Москву, Смирновку, Магадан, во все концы большой нашей земли летели телеграммы с одинаковым и пугающим своей необычностью текстом: «Я живой, мама!»

РАЗРЫВ-ТРАВА

На Кубаку мастер прилетел в субботу. Прямо на лётном поле, сплошь заросшем вейником вперемешку с розовыми свечами иван-чая, его встретили двое.

— Стив, — представился коренастый крепыш с жёсткими, как отлитыми, чертами лица, — служба безопасности.

— Джон, заместитель директора, — протянул руку второй. Этот вроде был попроще, с лица у него не сходила мальчишеская под ихнего президента улыбка. И сложение у него было как у юнца — гибкий, вертлявый... Всё у него двигалось почти одновременно. Руки, язык, каждая черточка лица. Даже стоять он не мог спокойно, всё пританцовывал.

«И чего они улыбаются? — с легким раздражением подумал мастер. — Будто вся жизнь сплошная радость и все им братья и любимые».

Впрочем, ему они могут быть и действительно рады, если дело обстоит так серьёзно, как обрисовывали ему в головном офисе их компании.

— В гостиницу? — предложили хозяева.

— Я хотел бы сначала посмотреть, — решил Георгий Иванович, так звали мастера. После четырехчасового перелета в этой громяхющей, вонючей вибрирующей консервной банке, по недоразумению называемой вертолетом, ему ужасно хотелось добраться до кровати и уснуть, уснуть хотя бы на сутки. Болела голова, иногда заглушая голоса окружающих, звон наполнял уши, и он опасался, что заболит. Да еще логично давным-давно осколком задетую спину.

— Посмотреть, — повторил он.

Даже в таком состоянии привычке своей не изменял. Все равно, если не взглянешь, бессонница обеспечена: будешь воображать, что да как. А воображать без конкретной, так сказать, информации, хоть и многотрудное, но пустое дело.

Не дожидаясь ответа, Георгий Иванович пошел вперед. Со спины он напоминал изработанную лошадь, которой даже этот сверкающий июньский день и цветущий луг уже не в радость.

Американцы с сомнением переглянулись. Они не ожидали, что обещанный им специалист будет так выглядеть. В их представлении только молодость, во всяком случае, здоровье, ассоциировались с успехом, успех с деньгами, деньги — с улыбкой. Русские в массе своей потому и не улыбочивы, что вечно без денег. Даже зарплату не дают — неслыханное в истории человечества дело. Правда, рабам в Римской империи тоже не платили, но их кормили, одевали, давали крышу, а по праздникам расщедрившийся хозяин мог налить даже вина.

— Так что, русские хуже рабов? — в запальчивости спросил как-то Стив у своего друга, миссионерствовавшего в Магадане.

— Нет, — поправил его друг. — Это жизнь у них хуже, чем у рабов. Но в таких условиях может очутиться любой из нас — и ты, и я.

— Но не нация! — твердо возразил Стив.

— Не нация, — согласился миссионер. — Вот поэтому ты и качаешь из русской земли золото, а я вычерпываю золото из русских душ.

— Считаешь месторождение перспективным? — съехидничал Стив.

— Не то слово.

— Но мое золото — вот, на виду, его можно пустить в дело, а пригодится ли нам твое?

— Если даже оно не пригодится нам, — веско ответил миссионер, — мы лишим его русских. И поверь, что по сравнению с этим даже потеря золотого запаса — пустяк.

Кстати, о золоте. Если русский не справится с этими чертовыми замками от хранилища, босс ему голову оторвет. Стив помотал головой, отгоняя неприятные мысли, и догнал Георгия Ивановича и Джона, когда они уже садились в машину.

Можно было бы сказать, что это комната, но на самом деле это был громадный сейф с бронированными стенками, толщина которых смутно угадывалась в массивной, будто утопленной в бетон громаде куба. Дверь охраняли два кодовых замка. Код в свою очередь блокировался замком механическим. Если у Стива был ключ, то Джон владел шифром. Только вдвоем могут они открыть дверь, то есть, тьфу, могли. В прошедшем времени. Потому что один из замков заклинило. Во второй раз. Месяц назад прилетел специалист из Аляски, провозился три недели, получил пятьдесят тысяч баксов, а ровно через неделю замок опять тью-тью.

Тогда босс и сказал им, Стиву и Джону:

— Еще раз пятьдесят тысяч платить я не намерен, ищите выход. Разрешаю за свой счет.

Сэнкью вери матч!

Так что хоть как ни крути, выход в этом божевьем одуванчике, Георгии Ивановиче, которого кто-то из русских руководителей компании аж через ФСБ (говорят, такие специалисты или, как их странно зовут, «медвежатники», стоят на учете) отыскал.

Георгий Иванович равнодушно осмотрел замки — и сломанный, и исправный, и они отправились в гостиницу. По лицу старика Стив прочитать ничего не мог, а спрашивать остерегался. Зато Джон не удержался:

— Ну как, старина, справимся? — и даже ручкой этак панибратски похлопал Георгия Ивановича.

На руку Джона старик посмотрел, как на муху, и когда тот ее поспешно убрал, усмехнулся:

— Ключ сильнее замка.

В номере обговорили условия. Сияя улыбкой, Джон будто копиями царя Соломона одаривал, сказал:

— Пять долларов в час. Питание, проживание, билеты — всё за наш счет.

— Отсчет с момента вылета, — поспешно добавил Стив, удивляясь наглости коллеги. Перед этим они говорили о десяти.

Георгий Иванович молчал.

— Если справитесь быстрее, чем за неделю, двести баксов премия, — по-своему истолковал паузу Джон.

— Считай, тридцать долларов я уже заработал, так? — спросил старик.

— Так, так, — дружно закивали американцы.

Подписали какие-то бумаги, и хозяева, облегченно вздохнув, ушли.

Оставшись один, Георгий Иванович разобрал вещи, из походного своего выдавшего виды кейса достал бутылку водки «Магаданская», пакет с едой, заботливо приготовленный ему в дорогу дочерью, налил полный чайный стакан и выпил залпом. Посидел, ожидая, пока огненная жидкость дойдет по назначению, не торопясь закусил и рухнул мертвым сном.

Спал он, как и мечтал, ровно сутки. Номер был угловой, почти звуконепроницаемый, с кондиционером, так что отдыхалось ему без помех.

В понедельник он принялся за работу. Снял замок и на громадном два на два метра столе, покрытом чистой простыней, разбросал его на составные.

В комнату попеременно заглядывали то Стив, то Джон, и когда они сунулись к нему вместе, Георгий Иванович, поманив их замасленным пальцем, сказал:

— Меня не предупредили, что замок уже вскрывали. Кто?

Его-то интересовало только одно — специалист или какой-нибудь дурак с инициативой. В последнем случае пришлось бы идти поэтапно, а замочек, ой-ой, со шкалой надежности до тысячи секретов, попробуй узнай, найди, где кто наследил. Но Джон этот вопрос понял так, что русский хочет пересмотреть цену, и от волнения заговорил на родном языке.

— Э компани сикрет...

— Да какой там секрет, — досадливо перебил его Стив, он понял мастера. — Из нашей фирмы был, да толку..

Георгий Иванович успокаивающе раскрыл ладони, дескать, всё в порядке, ребята, и работа пошла дальше.

В сущности, замок ему был знаком — аналог японских сейфовых, небольшие изменения в механической части, но это примитив. Нечто похожее он разбирал в областной администрации. Почему же его клинит?

Прикрыв глаза, он попытался мысленно представить весь механизм в действии. Закрывается, этот цугалик поднимается, пружина давит на этот рычаг в форме латинской буквы «S», а вот при закрытии... «Всё правильно, всё сходится, но почему сразу-то замок работал, а вышел из строя только через неделю. Значит, при динамике что-то меняется».

Регулировка!

Ну, конечно, надо смотреть свободный ход всех этих винтов, шарниров, пружин, рычагов. Где-то он ограничен и быстро теряет параметры.

Это «где-то» оказалось крошечным никелированным винтиком. Всего пол-оборота, полнитки. Почти незаметный для глаз поворот отвертки.

Произошел этот поворот на третьи сутки. И из этих суток спал Георгий Иванович от силы часов шесть. Уходил в гостиницу за полночь, а поднимался с рассветом, который, как известно, в июне на Колыме тоже начинается за полночь.

Сначала и Стив, и Джон пытались протестовать против такого безумного, на их взгляд, распорядка, они тоже не имели права оставлять мастера одного, да и боялись, выдержит ли старик такую нагрузку. Но эта старая лошадь, как уважительно отозвался в конце работы Стив, пожалуй, переплюнет и их.

Наконец, замок вернулся в родное гнездо. Пришел босс, раз пятьдесят, как капитан, крутил штурвал, открывали и закрывали замок. Но Георгия Ивановича уже не волновало: в своей работе он был уверен так же, как в том, что земля круглая, время на дворе хреновое, а без водки русский человек не живет.

Вот остаток ее — той же «Магаданской» он опять вылил в тот же стакан и опять отсыпался ровно сутки. Тем более, что вертолет по причине погодных условий не ожидался.

В кассе конторы он получил валюту — шестьсот восемьдесят баксов, цент в цент, не обсчитали капиталисты.

Перед отъездом появился в номере Стив и, протягивая ему аккуратный сверток, пояснил:

— Презент от босса.

Георгий надорвал упаковку. Камуфляжный костюм. А что, годится, на рыбалку там или мусор выносить. Хотя на месте босса он бы такой мелочью не занимался.

— Слушайте, — помялся Стив. — Как и где вы научились такой высокой... э... квалификации? Колледж или как там у вас?..

«Колледж»... Георгий Иванович усмехнулся. За плечами у него всего мореходка, да и та не совсем законченная по причине войны. Но тайна механизмов мучила его с детства. Как так — неживые, а живут, крутятся, работают. Начал с бабkinых ходиков, во время войны прицелы, затворы, хитроумные взрывные устройства — ничего по причине своего сверхлюбопытства не упускал. Дорогу одолеешь ногами, работу — руками и головой, конечно. А в замках повозиться было для него удовольствием несказанным. Где-то читал, что настоящий художник сам готов заплатить за возможность творить. Вот так и он.

— Просто я родился в Иванов день, — пояснил он ошалевшему от такого ответа Стиву. — В этот день в полночь цветет разрыв-трава.

— Трава?

— От неё замки и запоры распадаются и клады даются. Но вам, американцам, она недоступна.

— Почему?

— Цвет на траве держится не дольше, чем успеешь прочитать «Отче наш», «Богородицу» и «Верую»... А вы же другому богу молитесь.

— Как это другому, — слегка обиделся Стив. — У нас тоже Христос.

— Мамоне вы молитесь, — жестко сказал Георгий Иванович, но тут же пожалел. — Впрочем, вы тоже разные. У тебя, может, есть шанс найти разрыв-траву. Кстати, завтра же Иванов день! Вот те раз, дочка, наверное, именинный пирог мне печет, а я тут охлаждаюсь. Не застрять бы в дороге с винтолётами этими.

В дороге он не застрял и к пирогу именинному успел. А долларов хватило за квартиру заплатить, за свет (почти за год накопилось), да внуку куртку американскую купить. Но Георгий Иванович расходов не боялся, люди сегодня под замками стали жить, в сейфы всё друг от дружки прятать.

Но совсем, совсем другие заботы мучили Стива. Никто не знал, даже Джон, где он пробыл всю ночь на Ивана-Купалу. Вернулся в гостиницу под утро уставший, мокрый от росы и какой-то задумчивый. От вопросов отмахивался.

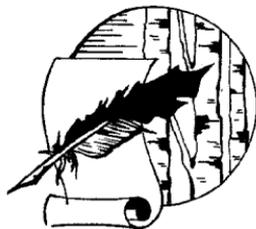
Правда, как-то при встрече с приятелем своим, миссионером, во время постороннего совсем разговора вырвалось у него вдруг:

— Неизвлекаемо.

— Что — неизвлекаемо? — не понял друг.

— Золото твое, — твердо сказал Стив.

г. Магадан

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

РУССКАЯ ДОРОГА

* * *

Уже не так спешат рассветы,
В природе зреет поворот...
Не пропустить бы вовсе лета
В пылу эмоций и забот.

Ещё не всё душой воспето,
И радость плавится в груди,
Ещё надеюсь на рассветы,
Где сны и тёплые дожди.

Вовсю дышать, легко смеяться,
Встречать надежды корабли,
Ещё так хочется набраться
И сил, и веры, и любви...

ВРОДЕ НАШИ...

Продираясь по жизни сквозь драмы,
Сердцем чувствуя Бога вблизи,
Люди добрые строили храмы —
Эти скрепы родимой Руси.

...Выбрав жизни другого покроя,
Свои души закрыв на засов,
Нынче замки мудрёные строят —
Десять комнат для тувель и псов.

Здесь богатство с престижем венчают,
Остаётся лишь тень от любви,
За кордоном детишки скучают —
Вроде наши, а всё ж не свои.

Тридцать лет, сорок лет пронесётся,
Скорбный миг сложит крылья вдове,
За богатство родня подерётся
И покажет всё это ТВ.

Потому и судьбина — стихия,
То прилив, то коварный отлив...
Ставят свечи в минуты лихие,
И выходят, всё враз позабыв.

ЗА ПРОСТО ТАК...

Бледнеет солнышка «пятак»...
Опять иду аллеей,
Что дарит свет за просто так,
Иначе не умеет.

Не жаль богатства своего...
Её любовь — награда,
Ведь ей от нас — ну, ничего,
Ну, ничего не надо!

Одарят песней тополя,
Смахнут с души кручину...
Спасибо за урок, земля,
Великий наш учитель!

Тебя понять не смог чужак,
И вновь его штормило...
Ты и спасала нас за так,
В голодный год кормила

И шла навстречу, чтоб обнять,
И умирjala вьюгу..
Прости за всё, прости, как мать,
Нам плохо друг без друга...

МГНОВЕНИЕ

Ничего как будто нового,
То же всё — года подряд:
Листья лёгкие, кленовые
Не спеша летят, летят...

Очень вовремя опавшие,
Вновь колдуют наяву
И ложатся на угасшую,
Полусонную траву.

Оживает тишь дремавшая,
Листья золотом горят,
Как осколки детства нашего,
Красоты земной парад.

Я забуду от волнения —
Кто я здесь на стыке дней...
Пой, прекрасное мгновение,
Даже в памяти моей!

НЕ ВИНЮСЬ И НЕ ЖАЛЕЮ...

«Я тобой переболею...»
Римма Казакова

Не винюсь и не жалею,
Что по-прежнему люблю.
Я любовью отболею,
И судьбу перекрою.

Видно, вьюга просвистела,
Перестали сны кружить.
Что же делать, что же делать,
Остаётся просто жить.

С нами Русь: Байкал и Волга,
И любой желанный путь...
Не смотри в глаза так долго —
Можно снова утонуть...

ПРАЗДНИК СВЕТА

Снова вспомнится деревня,
Зимних радостей размах.
...В кружевах опять деревья,
Вологодских кружевах!

Материнское, отцово,
Всё — своё, и все — родня!
То ли лирика Рубцова,
То ли молодость моя!

И опять не унываю,
Эту радость пью до дна...
Вот и снова застреваю,
Замираю у окна!

Слаще нет для сердца хлеба,
Снова дорог путь земной...
Белый свет — с земли до неба,
Праздник света, боже мой!..

РУССКАЯ ДОРОГА

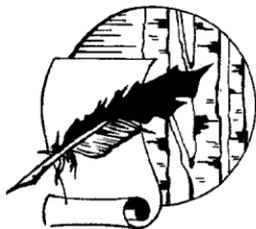
Что ни дорога, то своя судьба,
И солнышко, и ветер — от порога...
И пусть кому-то снятся короба —
Жила бы только русская дорога!

Нет, не большак, завёрнутый в гудрон,
Унылый, будто свёрток с колбасою, —
Песок, и ветерок со всех сторон,
И подорожник с капелькой-росою.

Не знаю, кто в нас это заложил —
Молиться на природу и дорогу,
Кто песни вековые сложил,
Кто научил надеяться на Бога.

Что — города, что их крутёж и гул,
Мы этих джунглей вовсе не просили!
...Нет, я, наверно, всё же убегу
Туда, где всё жива ещё Россия!

г. Балашиха Московской обл.

Олег РОМЕНКО

ТАМ... НА РОДИНЕ... КОГДА-ТО...

9 МАЯ

Когда молоденький солдат
Не добежал всего два шага
До стен чернеющих Рейхстага
И уронил свой автомат...

Когда вокруг цвела весна
И гарь была невыносима,
В пороховом тумане дыма
Коварно пряталась война...

Когда неслось «ура» атак
И грохотала канонада —
В склеп умирающего ада
Внесли Победы алый флаг.

И, значит, горе — не беда!
Глаза солдата потептели:
Неужто демон в самом деле
Здесь похоронен навсегда

Среди развалин и руин?!
И в тишине такой неловкой
Он шёл усталую походкой
Освободитель-исполин.

ДАЧНЫЙ АВТОБУС

Вот, показавшись за берёзами,
Автобус старенький вдали,

Вращая горестно колёсами,
Плывёт, бедняжка, в пыли.

Автобус, временем овеянный,
Остановился у колонн.
И я, собаками осмеянный,
Вхожу в проветренный салон.

Здесь нет ни девочек, ни мальчиков,
Кондукторы здесь не спуют.
Автобус «божьих одуванчиков»,
С которых плату не берут.

Я прохожу, сажусь, задумчивый,
И напряженно хмурю лоб.
А мне лицо щекочет сумчатый,
Такой навязчивый укроп.

...Хотя прочёсанными грядками
Ещё шевелится земля,
И перед новыми порядками
Не сникли хлебные поля,

Уже ни девочек, ни мальчиков
Та не поманит сторона.
Автобус «божьих одуванчиков»...
Ну, хоть бы «ягодка» одна!

РОССИЯ

Оземь били челом,
Обивая пороги.
Потому поделом —
Дураки и дороги.

И Мамаю сродни
Роковые минуты,
Окаянные дни,
Многолетние смуты.

Это тёмных веков
Родовое наследство.
Людоедство верхов
И низов самоедство.

Через тысячу лет
Вероломной стихии
Меркнет сказочный свет
Настоящей России.

НОВЫЙ МИР

Всем туристам напоказ,
На проспектах разветвлённых,
Совершается намаз
В старом городе влюблённых.

А по улочкам спешат
В школы бронзовые дети.
Скоро в мэрии решат
Строить новые мечети.

Завлекает, как в шалман,
Всех прохожих, без разбора,
Африканский балаган
У подножия Собора.

Сон сгоняя с томных век,
Удивляется Мадонна:
Нынче белый человек
Стал, как белая ворона.

Он застрял на мостовой
В гуще чёрных амазонок.
Задыхаясь, не впервой,
Сердце ноет, как ребёнок.

Тот, который в горн трубил
В час рассвета и заката.
Красный галстучек носил,
Там... На родине... Когда-то...

* * *

В пространстве замкнутого круга
Метель по-старому мела.
На всю печальную округу
Свою вуаль надела мгла.

Здесь люди к жизни притерпелись.
Судьбой развенчанные все,
До отупения вертелись,
Как белки, в пятом колесе.

На власть чахоточно чихали,
Кучкуясь в кухонной пыли.
И долго в долларах считали
Здоровьем взятые рубли.

Когда усталость их томила
И разговоров пустота,
С экрана за нос их водила
Американская мечта.

Гасили свет и спать ложились
С гудящей тяжестью в ногах.
И души их, как птицы, бились
В тревожных, сумеречных снах.

...В такую ночь вино и вьюга
Мои оплакали года.
Пространство замкнутого круга
Не разомкнётся никогда.

КАЖДОМУ СВОЕ

Судьба ошибки наши множит,
Приходит опыт не спеша,
И человека растревожит
Давно забытая душа.

Так проясняется однажды
Предназначение её.
Дров наломал, конечно, каждый,
Да только каждому своё.

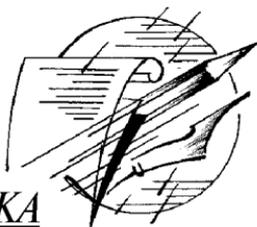
И ты, растрчивая силу,
Несёшь свой крест через грозу,
А ближний твой несёт в могилу
Бревно, застрявшее в глазу.

г. Белгород

РОССИЯ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Средней Азией называли территорию, где ныне располагаются Узбекская, Киргизская, Таджикская и Туркменская республики. Сейчас её почему-то стали называть Центральной Азией, хотя от географического центра континента (если учитывать прилегающие острова) она находится далеко — там располагаются Синьцзян-Уйгурский район Китая, часть Монголии и Тибета, куда совершал свои путешествия великий Н.М. Пржевальский. Эту территорию и называли Центральной Азией. Мы будем придерживаться привычного названия.

Население Средней Азии всегда было пёстрым, как в этническом отношении (западно- и восточно-тюркские, ирано-таджикские, монгольские и даже бухаро-еврейские наречия), так и по образу жизни и занятиям (земледельцы, кочевники-скотоводы, ремесленники, купцы и ростовщики, в их числе и работоторговцы). Столь же пёстрыми были и государственные образования — ханства, которые постоянно враждовали между собой и территории которых то увеличивались, то уменьшались (иногда и до нуля). Враждовали не только между собой, но и внутри себя: заговоры, свержения и убийства

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ханов служили неизменными источниками частых смут и гражданских войн. Единственное, что было общим для всех, за исключением бухарских евреев, — исповедание ислама.

К середине XIX века Средняя Азия была поделена между тремя ханствами — Хивинским на северо-западе, Бухарским на юге, Кокандским на северо-востоке (последнее образовалось в 1709 г. из отколовшейся части Бухарского ханства). Правда, в Бухаре самодержец имел титул чуть ниже хана — эмира, но соседним ханам он никак не подчинялся.

Первые упоминания в русских летописях о торговых отношениях со Средней Азией относятся ко временам Ивана Грозного. В 1557 г. в Астрахани, на следующий год после её завоевания, появились «гости из Юргенча (Ургенча) со всякими товарами», а в 1558 г. в Москву уже прибыли посольства из Хивы и Бухары. И хотя обе стороны были заинтересованы в торговле, шла она ни шатко, ни валко. Безопасный путь располагался вдоль западного берега Каспийского моря. Этот путь был давно освоен в русско-персидской торговле, но для торговли с ханствами был слишком длинен. Короткий путь пролегал к востоку от Каспийского моря через степи и пустыни, но ввиду большого риска нападения кочевников был опасен. Хивинские ханы в XVII и XVIII веках через послов неоднократно высказывали желание быть подданными России, однако подданство понимали своеобразно, по-восточному, — получать дорогие подарки от сюзерена и помощь в личной борьбе с претендентами на шахский престол, ничем самих себя не обременяя.

Попытку проникнуть в Среднюю Азию по короткому пути предпринял Пётр I, озабоченный поиском средств для пополнения казны, которая была опустошена Северной войной, Прутским походом, строительством помпезного Петербурга и бесчисленными реформами. Он направил в Хиву 6-тысячный отряд под командованием капитана Преображенского полка, потомка кабардинских князей Александра Бековича-Черкасского с заданием на пути к Хиве построить, где нужно, крепости; склонить Хивинское ханство к действительному подданству, после чего вступить в сношения с бухарским эмиром, склоняя того тоже к подданству; направить под видом купцов двух офицеров: одного — для поиска торгового пути в Индию, другого — в Восточный Туркестан для разыскания золотых руд.

В 120 верстах от Хивы отряд был встречен 24-тысячным войском хана, которое в трёхдневных боях было разгромлено. Тогда хан выслал послов и пригласил русских для переговоров в свою столицу. Там храбрый, но доверчивый капитан был коварно убит, его голову хан отправил бухарскому

эмиру в качестве подарка, а остальные участники похода погибли или были взяты в плен. В 1740 г. иранский Надир-шах взял Хиву, освободил русских пленников и наделил их деньгами и лошадьми для возвращения домой. От них в России и узнали подробности гибели отряда.

Однако этой историей продвижение России на юг не закончилось. Одновременно царь направил экспедицию подполковника И. Бухгольца в верховья Иртыша, где, по слухам, были богатые россыпи золота. Золота экспедиция не нашла, зато основала на Иртыше города Омск (1716), Семипалатинск (1718), Усть-Каменогорск (1720), Павлодар (1720), которые вместе с другими небольшими крепостями составили Иртышскую укрепленную линию.

Граница империи (сеть укреплений), кроме Иртышской линии, проходила тогда от станицы Звериноголовской на р. Тобол и далее по р. Урал до Гурьева (ныне Атырау в Казахстане). По другую сторону границы начинались, по сути, ничейные земли — незаселенные степи, переходящие в полупустыни, где кочевали немногочисленные казахи-скотоводы, разделенные на три жуза (орды, племени) и находившиеся на патриархальной (родоплеменной) стадии развития. Жузы делились, в свою очередь на враждовавшие между собой роды. Усобицы сопровождалась взаимными набегами, угоном скота, разорением стойбищ (городов у казахов не было). К тому же большие бедствия казахи терпели на юго-востоке от агрессивного Джунгарского ханства, на западе от набегов туркмен, на юге от набегов Хивинского и Кокандского ханств.

В этих условиях хан и старшины Младшего (западного) жуза сочли за благо просить подданство России, что и произошло в 1731 г. при императрице Анне Иоанновне. В 1740 г. их примеру последовали вожди Среднего (северо-восточного) жуза. В 1740 г. было выражено и желание Старшего (юго-восточного) жуза на вхождение в состав России, но оно состоялось лишь 1824 г. в связи с удаленностью жуза и начавшейся в нём продолжительной борьбой за власть.

В результате присоединения жузов установились взаимовыгодные торгово-экономические отношения, а главное — мир в степи, что привело к росту благосостояния и казахского населения. Граница Российской Империи стала проходить по линии: полуостров Мангышлак (форт Александровский) — Аральское море — оз. Балхаш — Семиречье. На присоединенной территории быстро возникали города (вначале как укрепленные пункты) — Кокчетав (Кокшетау, 1824), Акмолинск (Астана, 1830), Петропавловск (1852), Верный (Алматы, 1854), Актюбинск (Актобе, 1869), Кустанай (Костанай, 1879) и т.д.

К югу от границы располагались упомянутые ханства, которые находились, по оценкам европейских политиков того времени, в состоянии «средневекового варварства». В них процветали рабство и работорговля (в числе рабов были и русские, и казахские пленные, захваченные в результате набегов ханов на северные земли), беспредельная коррупция, произвол, незаконие и вопиющая нищета низов. До 1860-х гг. Россия стремилась решать все вопросы с ханствами дипломатическими способами, однако подстрекаемые англичанами кокандский и хивинский ханы усилили набеги на недавно присоединенные и осваиваемые русскими земледельцами степи, что вынудило правительство круто изменить свою политику и приступить к вооружённому усмирению агрессивных соседей.

Главной причиной была необходимость России обезопасить свои южные границы. Карательные рейды и укрепления, сколько бы их ни возводить в степях и полупустынях, проблему решить не могли. Потому единственно приемлемым решением было продвинуть границы Российской Империи на юг до естественных рубежей — Тянь-Шаня, Памиро-Алая, Копет-Дага.

Вторая причина — остановить продвижение Англии в Среднюю Азию, эмиссары которой уже имели здесь своё влияние и небезуспешно натравливали местных ханов на Россию, обещая им поддержку в войне с Россией, а в бухарской армии появились даже английские инструкторы. Было ясно: если этот регион не возьмет под свой контроль Россия, его возьмёт Англия. То есть обе причины имели исключительно оборонительное значение.

Третья причина — расширить рынок сбыта русских промышленных товаров и приобрести источники сырья, прежде всего хлопка, хотя по качеству он был хуже египетского и индийского.

Наконец, четвёртая, сугубо гуманистическая причина — покончить с варварством, в первую очередь — с рабством, и приобщить Среднюю Азию к европейской цивилизации. Об этом Энгельс так писал Марксу: *«Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизаторскую роль для Чёрного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»*. Что стоил России альтруизм, скажем позже.

В 1864 г. в Кокандское ханство были направлены два отряда: один под началом полковника Н.А. Верёвкина — из Оренбурга вдоль правого берега Сыр-Дарьи, другой под началом полковника М.Г. Черняева — из Верного (Семиречье). Они взяли крепости Аулие-Ата, Туркестан и Чимкент. В 1865 г.

после ожесточенного сражения с 30-тысячной армией кокандского хана и ночного штурма 2-тысячным отрядом Черняева был взят Ташкент — перекрёсток главных торговых путей, самый большой город в Средней Азии (более 100 тыс. населения). Потери отряда составили всего 25 человек убитыми, что объясняется не только выдающимся военным искусством полковника (в скором времени генерал-майора) Черняева, но и низкой боеспособностью кокандской армии.

Хотя после этой победы кокандскому ханству была дарована автономия, оно было существенно урезано. На его аннексированной территории в 1865 г. была образована Туркестанская область с центром в Ташкенте, подчинённая Оренбургскому генерал-губернаторству, а Черняев назначен её военным губернатором. В 1867 г. указом Императора она преобразована в самостоятельное Туркестанское генерал-губернаторство, включавшее две области: Сыр-Дарьинскую с центром в Ташкенте и Семиреченскую с центром в Верном. Генерал-губернатором стал талантливый администратор генерал К.П. фон Кауфман. Далее события развивались следующим образом.

В 1868 г. бухарский эмир, разгневанный занятием русскими Ташкента и Ходжента (будущего Ленинабада, а ныне Худжанда в Таджикистане), считавшего их своей принадлежностью, когда-то захваченной Кокандом, объявил русским газзават — священную войну. Неподалёку от Самарканда его войска потерпели сокрушительное поражение, а во втором сражении, у Бухары, эмир вообще лишился своей армии. Дело кончилось миром: эмиру под русским протекторатом дали автономию на части прежней территории с центром в Бухаре, а остальные земли вошли в состав Самаркандской области. С тех пор и до 1917 г. бухарские эмиры служили образцом верности России.

Последним независимым ханством (и самым агрессивным) оставалось Хивинское с крупнейшим невольничьим рынком. Это был аналог разбойничьего Крымского ханства, только чуть меньшего масштаба. В феврале 1873 г. под общим командованием Кауфмана к Хиве направились 4 отряда численностью по 2—5 тыс. человек — из Ташкента, Оренбурга, форта Александровского и Красноводска. Последний из них не смог преодолеть пустыню Кара-Кум и повернул назад, но и трёх отрядов было достаточно, чтобы разбить хивинское войско, заставить хана капитулировать и признать протекторат России. В Хивинском походе впервые проявил себя талантливым полководцем будущий «белый генерал» М.Д. Скобелев.

Взятие Хивы с восторгом было встречено русской общественностью. Журнал «Вестник Европы» писал: «*Так увенча-*

лись полным успехом полуторавековые усилия России обеспечить спокойствие нашей степи до самых крайних её пределов», а военный историк Д.Я. Федоров, побывавший в этих местах, отмечал: «Русское владычество приобрело в Средней Азии огромное обаяние, потому что оно ознаменовало себя гуманным миролюбивым отношением к туземцам и, вызвав сочувствие народных масс, явилось для них желательным владычеством». Так оно в действительности и было.

Мир оказался, однако, хрупким. В 1873 г. в Коканде началось восстание низов, направленное против хана, погрязшего в роскоши и душившего народ непосильными налогами, а его преемник отказался признать подданство России и по инициативе исламского духовенства направил восстание против «неверных». Восстание было быстро подавлено войсками под командованием Скобелева. В 1876 г. указом Александра II Кокандское ханство за агрессивное непослушание было упразднено, а на его месте образована Ферганская область во главе с военным губернатором М.Д. Скобелевым. Столицей области стал г. Фергана, который был основан русскими в том же 1876 г. и возведён военными строителями по специально разработанному плану (в 1907—1924 гг. в память о первом губернаторе город именовался Скобелевым).

Непокорёнными в Средней Азии остались только полукочевые туркменские племена, населявшие оазисы Закаспия, которые не имели центральной власти и промышляли, в основном, грабежами, разбоями, захватом пленных и продажей их в рабство. В 1878 г. Англия захватила Афганистан. Чтобы предотвратить дальнейшее её продвижение на север, из Красноводска (основан русскими в 1865 г.) была направлена военная экспедиция к главной туркменской крепости Геок-Тепе, но штурм её оказался неудачным.

В 1881 г. Ахалтекинскую экспедицию возглавил герой недавней русско-турецкой войны М.Д. Скобелев. После трёхнедельной осады крепость была взята штурмом, несмотря на яростное сопротивление осаждённых (которое подогревалось англичанами, распускавшими слухи о том, что русские будут бесчестить их жён и дочерей). Увидев на деле гуманное обращение русских, жители и других оазисов приняли решение вступить в российское подданство. Присоединенные территории получили наименование Закаспийской области с центром в г. Асхабад (Ашхабад, основан русскими в 1881 г.).

На этом можно было и поставить точку, но в 1885 г., после того, как последний туркменский оазис Мерв принял российское подданство, англичане натравили афганского эмира двинуть свои войска (ими руководили английские офи-

церы-инструкторы) к р. Кушка и там напасть на русских. Император Александр III повелел: «Ни в чем им не уступать, наметить самим желательную для нас границу, занять её войсками и подготовить всё на случай разрыва нашего с Афганистаном и Англией». Бой длился недолго и закончился полным разгромом англо-афганских войск. Первыми побежали английские инструкторы. Наши потери составили 9 убитыми и 35 ранеными, потери противника — почти 500 убитыми, 24 пленными. Результатом победы отряда талантливого генерала В.А. Комарова стала граница между Российской империей (затем Советским Союзом, затем независимой Туркменской республикой) и Афганистаном, незыблемая до сего времени. А недалеко от места боя в 1891 г. была построена крепость Кушка, по поводу которой и царские, и советские проштрафившиеся офицеры шутили: «Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют».

Покорение Средней Азии с большим удовлетворением было встречено не только в России, но и за рубежом. В 1891 г. Международная географическая конференция приветствовала русский народ, «который установил порядок в Средней Азии, который знал, как воспитать и развивать народы Средней Азии». Английский учёный и дипломат Г. Роудинсон писал: *«Утверждение российского господства, на самом деле, над киргизами (казахами. — В.Г.), узбеками и туркменами на большей части Центральной Азии явилось, бесспорно, благом для человечества».*

Это действительно было так. Россия принесла мир и порядок, хотя управление и представляло большую сложность. Русская администрация позаботилась, прежде всего, об искоренении на всей территории работорговли и самого рабства, включая и долговое. Кроме того, местное население освобождалось от воинской повинности и облагалось меньшими налогами. Во внутренние дела автономий — Хивинского и Бухарского ханств администрация не вмешивалась, а лишь держала там военные гарнизоны и наблюдателей. Ханствам было только запрещено иметь армии и сношения с иностранными государствами, а генерал Кауфман даже говорил: «Лучший начальник уезда у меня — эмир Бухарский». Не затрагивала администрация и жизненного уклада коренных народов.

Вся Средняя Азия, исключая автономные ханства, была поделена на области, те — на округа, волости и аулы (кишлаки). Причем административные единицы делились не по национальным признакам, а только из соображений удобства управления. Это было мудрое решение. Во главе областей и округов стояли русские чиновники с помощниками из туземцев; волостями и аулами управляли выборные представи-

тели местного населения. Конечно, далеко не всё было благобно. Катастрофически не хватало чиновников вообще (добровольно ехать туда люди не рвались) и, особенно, — знающих местные языки. Волостные и кишлачные старшины из местных, не говоря уже о «народных судьях» (казиях и биях) все дела старались решать «по обычаю», т.е. за взятки, и лишь вмешательство русского начальства пресекало совсем уж вопиющие безобразия.

Попыткой решения этих проблем стало открытие русско-туземных школ для подготовки образованных и знающих русский язык местных жителей. Много было сделано также в области здравоохранения (десятки больниц и сотни медицинских пунктов с русскими врачами), в том числе в борьбе с эпидемиями и для подъёма экономики (строительство сети железных дорог, ирригационных систем русскими рабочими и инженерами и мн. др.). Такова была царская «тюрьма народов» и таково было «угнетение национальных окраин великодержавной нацией».

Все эти меры требовали больших государственных затрат. Вместе с установлением мирной жизни они привели к росту численности коренного населения, но в экономическом плане никак не оправдывались. Если Британия из своих колоний выгрела огромные прибыли, то Россия несла убытки. Причина очевидна — гуманное отношение к населению, к его обычаям и традициям. Правительство даже препятствовало переселению русских крестьян в земельные районы Туркестана. Разрешено было осваивать только дикие степи Южной Сибири (то, что сейчас называют Северным Казахстаном), Прииртышья (то, что называют Восточным Казахстаном), Семиречья и Чуйской долины (в современной Киргизии).

Ещё в 1870-е гг. великий художник В.В. Верещагин прозорливо говорил, что Средняя Азия будет обузой для государства, а генерал М.Д. Скобелев, послужив губернатором Ферганской области, писал начальству, что «овчинка не стоит выделки». Действительно, Туркестан стал для Российской Империи «чемоданом без ручки», который носить неудобно, а бросить нельзя ввиду постоянных поползновений тогдашнего британского «союзника».

К сожалению, продуманная и хорошо сбалансированная национальная политика правительства дала трещину в 1916 г., во время Первой мировой войны, когда началось «привлечение мужского инородческого населения (раньше оно мобилизации не подлежало. — В.Г.) для работы по устройству оборонительных сооружений и путей сообщения в районе

действующих армий». Обратим внимание: мобилизовали не в окопы, а в тылы. Но даже и это вызвало недовольство коренного населения, подогреваемого мусульманским духovenством и, особенно, турецкими агентами, призывавшими к «священной войне» с гурами (неверными, буквально — собаками).

Искрой в бочке пороха стал случай, когда в Ходженте в армию призвали единственного сына — кормильца вдовы, просьбы которой недалёкие чиновники оставили без внимания (этой вдове ныне установлен памятник). Восстание быстро и очень организованно охватило всю Среднюю Азию и отличалось крайней жестокостью и изуверством по отношению к русским. Особенно свирепствовали киргизы. *«Пощадь русским не было: их резали, избивали, не щадя ни женщин, ни детей. Отрезали головы, уши, носы, детей разрывали пополам, натыкали их на пики, женщин насиловали, даже девочек, молодых женщин и девушек уводили в плен»*, — писал настоятель Пржевальского городского собора Михаил Заозерский. Убивали тысячами — крестьян, учителей, врачей, железнодорожных служащих, всех подряд. Так окончилась царская эпоха взаимоотношений русских и среднеазиатов.

В советских учебниках истории восстание было представлено как антиколониальное, направленное против царизма, притом о зверствах повстанцев не было сказано ни слова, а некоторые лидеры повстанцев были возведены в ранг национальных героев. Такой идеологический подход, конечно же, не только не укреплял дружбу народов, но, наоборот, разжигал ненависть к русским.

После 1917 года политика большевиков была встречена не просто враждебно, а агрессивно — и не только туземным населением, но и живущими там русскими. Большой размах получило басмачество (от тюрк. «басмак» — налётчик) — налёты вооруженных отрядов на города и посёлки с грабежами и убийствами, которое было окончательно подавлено в начале 1930-х (ныне басмачи в Средней Азии возведены в ранг борцов за веру и национальное освобождение).

В национально-экономической политике большевики руководствовались тезисом Ленина: *«Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетённой, национализм большой нации и национализм нации маленькой. ...Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со*

стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически».

На практике это вылилось в то, что ещё в 1923 г. за счет средств РСФСР был создан дотационный фонд для финансирования экономического и социального развития кавказских и среднеазиатских республик. Из каждых трех рублей, заработанных Россией, рубль перечислялся в этот фонд. В 1928 г. при обсуждении государственного бюджета председатель СНК (правительства) СССР А.И. Рыков сказал: «... Колониальная политика, например, Великобритании, заключается в развитии метрополии за счёт колоний, а у нас — наоборот метрополия находится в положении колонии... И то, и другое недопустимо. В семье равноправных народов должно делить все тяготы и расходы поровну, а не вытягивать все жилы из русского мужика и за его счёт повышать жизненный уровень в союзных республиках...» За эти слова его обвинили в великодержавном шовинизме и припомнили их в 1937-м.

«Ленинская национальная политика», т.е. политика поддержки национальных окраин за счет русского народа, продолжалась все годы советской власти. В 1990 г. в республиканском бюджете РСФСР от налога с оборота оставалось 70%, в республиках — 100%; от прибыли предприятий союзного подчинения в РСФСР — 12%, в республиках — 20%; в межреспубликанской торговле РСФСР имела положительное сальдо 41 млрд. руб., республики — отрицательное сальдо. А кроме того, были ежегодные субвенции на конкретные цели. Картина «производство/потребление» в тыс. долл. на душу населения выглядела следующим образом: РСФСР — 17,5/11,8; Узбекистан — 6,6/17,4; Таджикистан — 5,5/15,6; Туркмения — 8,6/16,2; Киргизия — 7,2/11,4; Казахстан — 10,1/17,7. То есть из каждого заработанного рубля Россия тратила на себя 67 коп., а республики Средней Азии и Казахстан — от 1,58 до 2,63 руб.

Добавим к этому, что цены на продукцию южных республик были завышены, а на продукцию РСФСР — занижены. Это было видно и на бытовом уровне. Например, привозной виноград в России стоил в 20 раз дороже картофеля, хотя даже в Норвегии и Канаде разница была не более чем 2-3-кратной. В 1951 г. денежная выплата колхозникам на один трудодень составляла в Калужской области 7 копеек (меньше цены коробки спичек!), а в Туркмении — 10 руб. 35 коп.

Но это не всё. Кремль выделял огромные средства на строительство промышленных предприятий, электростанций, ирригационных систем, дорог, объектов коммунального хозяйства. А поскольку местные жители пополнять рабочий класс не торопились, Россия постоянно направляла в Турке-

стан высококвалифицированных рабочих и специалистов (например, 7,5% всего русского населения Таджикистана создавали 50% внутреннего национального продукта)

Но и это не всё. Россия создала среднеазиатским народам письменность, вырастила национальные кадры учителей, врачей, инженеров, учёных, деятелей культуры (писателей, художников, музыкантов, артистов) и управленцев. В ведущих российских вузах были установлены даже квоты для «националов» за счёт русских студентов. В 1973 г. в РСФСР на 100 научных работников приходилось 9,7 аспирантов, в Туркмении — 26,2, в Киргизии — 23,8. Всего сделанного не перечислить.

Конечно, мы помним, что Казахстан и Средняя Азия внесли и свой вклад в Победу. В эти регионы в 1941 году была эвакуирована пятая часть крупных промышленных предприятий вместе с рабочими и инженерами, а также немало учреждений культуры. Большинство новых предприятий продолжало работать и после войны, т.е. эвакуация имела и другую сторону — она резко подняла промышленный потенциал этих республик. Но есть и третья сторона: эти предприятия могли быть эвакуированы в Сибирь, что способствовало бы увеличению промышленной мощи России и ускоренному освоению малонаселённых земель, хотя в силу климатических условий это обошлось бы и дороже. Мобилизация затронула коренных жителей в намного меньшей степени, чем жителей РСФСР, УССР и БССР, а из-за недостаточного знания русского языка их направляли преимущественно в тыловые части, но всё же из 11739 Героев Советского Союза военных лет этого высокого звания удостоились 96 казахов, 69 узбеков, 18 туркмен, 15 таджиков, 12 киргизов. Немного, конечно, но за них тоже спасибо.

В те годы дружба народов СССР была действительной, без кавычек. И держалась она не столько на страхе наказания и на русских деньгах, сколько на безусловном авторитете лично И.В. Сталина. После его смерти деньги и страх эффект давать перестали. Автор помнит, как ещё в 1963 году случайная попутчица-казашка, преподаватель университета, расхваливая свою Алма-Ату, вдруг с раздражением сказала: «Идёшь по городу и не знаешь, чей он — казахский или русский?»

А первый громкий, на всю страну звонок прозвонил 4 апреля 1969 году в Ташкенте. Тогда футбольный матч «Пахтакора» с минским «Динамо» закончился поражением хозяев, после чего болельщики вышли на улицу с лозунгами «Русские — вон!» и начали избивать всех встречных русских. Избиения продолжались несколько дней по всему Ташкенту при фактически «нейтральном» отношении милиции. Бес-

порядки повторились той же осенью, после очередного футбольного матча. Как позднее выяснилось, были они не спонтанными, а хорошо организованными.

Аресты и наказания устранили беспорядки, но не устранили русофобию — она ушла в «подполье» и при первых же благоприятных условиях вырвалась наружу. Уже в 1980-е годы, во время горбачёвской «перестройки», самым популярным лозунгом, адресованным русским, был: «Чемодан — вокзал — Россия!». А апофеозом стал геноцид русских в Таджикистане в феврале 1990 года, о чём власти и СМИ народу вообще не сообщили (в те годы СМИ предпочитали неустанно вспоминать о еврейских погромах 100-летней давности и с утра до вечера бороться с «русским фашизмом»). Тогда были растерзаны многие тысячи русских. Точные цифры неизвестны до сих пор. Во всяком случае, русское население Таджикистана с 388 тысяч в 1989 г. уменьшилось до 34 тысяч в 2010 году — в 11 раз! Чуть получше была картина в других республиках: в Узбекистане число русских сократилось с 1653 до 809 тыс., в Киргизии — с 916 до 353 тыс., в Туркмении — с 334 до 165 тыс., в Казахстане, самой русской республике, — с 6,2 до 3,9 млн. Таковым был финал советской эпохи русско-среднеазиатских взаимоотношений.

Ныне Россия продолжает, как и раньше, содержать Среднюю Азию: списывает долги, оказывает материальную помощь, беспрепятственно принимает мигрантов и т.д., и т.д. Но в одном современная эпоха радикально отличается от двух предыдущих. Дискриминация русских в Средней Азии перешла в дискриминацию русских среднеазиатами в России. Русских уже изгоняют не из Средней Азии, а из самой России. «Скоро мы здесь будем хозяевами!», «Мы поставим вас на колени!» — это не случайно сорвавшиеся слова отдельных несдержанных мигрантов. Это — словесное выражение идеи, кем-то внедрённой и уже охватившей их массовое сознание. Они не боятся ни 280-й, ни 282-й статей Уголовного кодекса. Они вообще не боятся Уголовного кодекса и потому наращивают число самых дерзких и самых тяжких преступлений. Они полны уверенности, что кто-то наверху всему этому покровительствует и что жить они в России будут так, так *они* хотят.

Власти вроде бы выражают тревогу и беспокойство, говорят правильные слова, создают комиссии, обсуждают поправки в законы, только результатов нет. Может быть, трагедия в «Крокусе» всё-таки поставит решительную точку на такой «дружбе народов»? Или всё опять «уйдёт в песок»?

ПОЗЫВНОЙ КУЛИК

Рассказ солдата

Алексей встретил меня на третьем этаже госпиталя. Уже несколько дней ему можно было передвигаться без кресла-каталки, и, аккуратно наступая на пятку левой ноги, вернее, на то, что осталось от стопы, он по-хозяйски повёл меня в холл.

Родился Алексей на юге, в казачьем краю. Жил в маленьком селе, которое основали немцы, приехавшие туда ещё при Екатерине Второй. К моменту переезда семьи в это селение немцев в нём осталось мало. Было оно интернациональным: армяне, чеченцы, дагестанцы, турки, курды. В классе были один немец, ребята из вышеперечисленных народов и он — единственный русский. Срочную службу Алексей проходил во внутренних войсках. На СВО попал по мобилизации в возрасте 31 года. Под Марьинку. Рядовой. Пулемётчик.

— Вечером восьмого декабря мы получили боеприпасы. Машина проехала мимо — водитель боялся обстрела и не остановился. У нас дорога прямая была, обычно рано утром передвижение или поздно вечером. Мы уже привыкли, что по нам постоянно работает миномёт. Самый «подлый» из них — это польский ми-

ПРОЗА

номёт, «полька». Другие слышно, а этот в последний момент издаёт звук, за долю секунды перед взрывом. Мы сидим, кушаем, а он работает. Психика подстраивается. Правда, был у нас один мужик, у него «крыша потекла», увезли его в психоневрологический диспансер. Взрослый дядька, воевал уже, а тут не выдержал. Войны-то другие были... На Кавказе они с сильным врагом воевали, но те больше были партизаны. А тут мы дело имеем с регулярной армией, которую весь Запад поддерживает.

Восьмого декабря вечером сходили мы за боеприпасами, принесли, начали забивать подсумки, рюкзаки, перепроверять ленты. Мой помощник перебирал свои «сбруи», я — свои. Делил ленты по сто в короб, делил звенья по двадцать пять — так удобней. Там же, на выходе, порядка нет, как здесь, на кафеле. Там — кирпичи, обломки всякие. Если длинная лента будет, зацепится, вырвет эту ленту из пулемёта, а дальше, что ж мне с ним делать? А так — ленты две-три отстрелял, выбросил и убежал, поменял позицию. Подразделение живое, пока жив пулемётчик. В тот день нам была поставлена задача: дойти до молокозавода. Ну, о'кей. Я взял побольше гранат Ф1, РГН. Эти РГН мы не любили. Взрывается от соприкосновения, уронил — всё! Я говорю ребятам: «Не надо ронять!» Но они очень удобные в городском бою, их не успевают обратно выбросить, как Ф1. «Эргээнки» по карманам, а «Эфки» — в рюкзак: я взял баул на семьдесят литров. Там у меня лежали вещи — бушлат мой, ватники. Они неуставные, покупные — маленькие, компактные, мягкие, удобные, тёплые. Уставные бы полбаула заняли. Сухпай, полторашку воды, остальное пространство заполнил пулемётными лентами и гранатами. Ещё на всякий случай взял парням две пачки по сто двадцать патронов на «калаш». Мало ли, у них закончатся. Получился очень тяжёлый рюкзак. Я его надевал, сидя на полу, лямки накидывал и вставал. По-другому бы лямки оторвались. Две ленты по сто я на себе нёс. Шли по своей тропе, шли долго, с двумя остановками, потому что мы очень тяжёлыми были. Одеты легко, но всё равно вспотели все. Временами приходилось перебежать улицы, потому что они под наблюдением ВСУ находятся. Сбоку стояли пятиэтажки, мы знали, что там сидят наблюдатели. Они сразу дают координаты и вызывают огонь артиллерии. Нас уже обстреляли минами. Мы шли по своей тропе. А за день до этого начался гололёд, и корка льда — сантиметра полтора-два, толстая уже была. Мы шли след в след. Идём, падаем, как беременные коровы. Уставшие. Пролетел квадрокоптер, я его услышал, кричу: «Птичка!» Все начали прятаться. А я очень внимательный был ко всем мелочам, всем деталям.

Спрятались, «птичка» улетела, обратно встали, пошли. След в след. По этой mine прошло пять человек, а я шёл шестой. Самый тяжёлый, самый большой. Вот она подо мной и сработала. ПФ1 — «Лепесток». Я сразу понял, что взорвался. Ребята к бою изготовились, на колено встали, оружие навскидку. Я отошёл от этого места на пару шагов, посмотрел на свою ногу: ботинок разорван, кости торчат, я понял: взорвался. Быстренько на землю упал на спину. То есть я каждое своё движение осознавал — для чего и что я делаю. А упал я для того, чтобы стабилизировать давление. Начал кричать: «Я Кулик, «трёхсотый!»» «Кулик» — это мой позывной. Начал раздеваться, скинул рюкзак, каску свою трофейную — хорошая у меня каска была, турецкая — когда-то снял я её с убитого «взэушника». Снял с себя бронезилет, вытащил аптечку, кинул её ребятам, промедол в зубы зажал, потому что по нему отчётность большая была. И начал отползать к середине дороги и кричать: «Пацаны, мотайте меня, мотайте!» Они жгутом перетянули выше колена — кровь хлестала очень сильно — уже лужа подо мной была. Вкололи мне промедол, но эффекта вообще никакого не было. Я минут сорок кричал, было очень больно. В перерывах между криками пытался разговаривать, потому что надо говорить, нельзя потерять сознание. Я это понимаю, я с ними болтал, а они испугались — там всего несколько человек было обстрелянных. Я ИПП (индивидуально-перевязочный пакет) открыл, а там обширная рана, его не хватает. Порезали мне мои ватники неуставные, обмотали штаниной, замотали бинтом. Я бушлат на себя надел, потому что прилипать начал к этому гололёду, я же мокрый. Гляжу: подо мною уже лужа крови большая. Лежу-лежу, оторвался ото льда, отполз. Ну, чтобы не вымазаться. Я крови очень много потерял, не знаю, как я там не вырубился. Смотрю: штаны мои порванные. Думаю: «Ёшкин кот! Такие штаны были!» Жалко их стало. От взрыва их разорвало. Ребята с меня ботинок срезали, что от него осталось. Я в берцах был, на меня больше ничего не подходило — у меня сорок шестой размер. Все ребята в кроссовках, а я — в берцах. Верхняя левая часть стопы и три пальца отлетели. Подумал: «Пятка осталась, ходить буду».

Позже в рану попала инфекция, началось заражение, был вариант отрезать ногу. Я врачу говорю: «Оставьте ногу! Зачем мне протез? Я буду опираться на то, что осталось. Там, в принципе, довольно-таки много осталось». В общем, сохранили мне ногу. Врачи молодцы! Доктора везде очень хорошие. Единственный минус — очень больно! Мне каждая перевязка... Больше тридцати дней... Это ад! На каждой перевязке я визжал, выл, плакал. Потому что, когда от мяса отрывают ткань — это очень больно! Три раза была пересадка тканей. Новока-

ин сделают, а он не берёт. Тут ещё наколка эта на ноге! По глупости сделал. Я её всё равно сведу когда-нибудь. В тринадцать лет увидел у товарища надпись на ноге: «Куда идём?» Самая такая нейтральная. Думаю, тоже напишу себе: «Куда идём?» Сделал машинку для татуировок — я всегда что-нибудь изобретал. Ну и собственноручно на голени выколол. Она ещё и расплылась, эта надпись, — и стало не очень понятно, что там написано. И когда на операции доктор стал пересаживать ткань, я смеюсь и говорю ему: «Вы заодно и этот кусок пергамента куда-нибудь уберите от глаз подальше — заплаткой меньше, заплаткой больше!» Посмеялись.

А в тот день, когда я подорвался, наши уставшие ребята потащили меня обратно. Хотели взять за руки за ноги, я говорю: «Не дотащите!» У меня же вес в то время был сто восемь килограммов (сейчас сто три осталось). Расстелили плащ-палатку, я на неё заполз, подняли и понесли вшестером. Потом я уже копчиком стал биться о дорогу, говорю им: «Вы меня волоките по дороге, тут же гололёд. Я просто ногу приподниму». Тащили-тащили, оп! Наши разведчики выйдут, подкатываются: «Ребята, мы вам поможем!» Хватают: «Держись, братан!» У нас на фронте, кстати, такой интересный факт — все друг друга «братанами» называют. Ну, или «брат», «братишка» — это сакральная составляющая нашего существования. Меня тащат, а я ещё шучу: «Вы что, ребята, радуйтесь, вы же «миллионера» несёте! (ожидаемая компенсация по ранению)». А у них у всех лица испуганные, серые, каменные, как у памятников. А я им: «Пацаны, улыбнитесь! Я же живой!» А у меня ещё карман был на ноге, его же разорвало. А там были шевроны трофейные — «жёлто-блакитный прапор». Они разлетелись, а один приклеился ко мне. Я смотрю на «разведоса» одного — что-то он в лице поменялся. Поймал его взгляд, смотрю на него, на ногу, на него, на ногу, а там шеврон этот. Говорю: «Э, братан, расслабься, это трофей!» «Фу! — говорит, — а то я не понял, кого тут несу. Ты его выкини, а то тебя из-за него свои пристрелят где-нибудь!» Я его выкинул, хотя жалко было, а то точно где-нибудь пристрелят... Я же «украиноязычный» россиянин, так скажем, — у нас на юге на «суржике» целыми сёлами разговаривают.

— Я заметил у тебя в говоре звук «г» фрикативный, ты из казаков?

— Да! Всевеликое войско донское. Старший вахмистр, то же, что старший прапорщик. У казаков — это младший офицерский чин. Как из армии пришёл, так сразу и вступил. У меня есть корни от запорожских казаков, из Херсона, из Черновцов. В тридцатые годы они переехали в Ростовскую об-

ласть, стали работать шахтёрами. Там очень сильный голод был, тут тоже голод был, но немного легче было. Бабушка многое порассказывала про те страшные годы...

В это время по коридору мимо нас прошёл мужчина лет пятидесяти с израненным лицом — не то подпалённым, не то посечённым мизерными точками. Словно чужое лицо было у человека, его тёмная кожа в мелких оспинах не сочеталась со светлым участком шеи и груди, видневшейся выше майки. Провожая мой заинтересованный взгляд, Алексей, повывавший за пару месяцев много всякого, в присущей ему спокойной манере сказал:

— Вчера ребят из Сватово привезли. Это один из них, — он немного помолчал и продолжил. — В нашем подразделении, в моём отделении — несколько «трёхсотых». Все по госпиталям, в основном осколочные ранения, реже — пулевые. А сегодня из другого отделения — первый «двухсотый». Я его недавно вспоминал. Сначала он выпивал неплохо, потом «пришёл в себя» и начал воевать, и воевать геройски. Его хотели уже представить к медали «За отвагу», потому что он уже много врагов положил, стрелял из любого оружия, все тропы знал, молодец был. Был он из добровольцев, взрослый дядька, за сорок ему было. У него был позывной Пепел. И вот сегодня он погиб. Пошли за своим упавшим квадрокоптером и попали под обстрел.

Немного помолчав, вспоминая своего погибшего «брата», Алексей вернулся к незаконченному рассказу:

— Меня в тот раз погрузили в «Ниву», отвезли в штаб, там — в другую «Ниву». Перетянули ещё раз ногу, потому что с меня текло, кровило, очень много крови потерял. Довезли быстренько до Донецка. Там — полевой госпиталь стоит: дом без окон, без дверей, одеяла на окнах. В коридоре каталка или кушетка, как она там называется? В общем — кровать для операций. Доктор: «Ложись давай». Я залез на неё. Он начинает с меня носки, куски стягивать. А я ему говорю: «Не, не, братан, вырубай, вырубай, вырубай меня уже». Ещё с врачом парой фраз перекинулись. Он говорит: «Да я вообще — стоматолог!» Тоже мобилизованный. Я ему говорю: «Поаккуратней там всё делай». Ну и всё. Меня отключили. Очнулся я уже в палате, там комнатка, с таким же товарищем. У него пулевое ранение руки. Поболтали. Нам принесли сразу чаёк, печенюшек всяких, женщина лет пятидесяти. А после наркоза сухость во рту. Вот чай и принесли. Эвакуировали нас в Ростов. Прилетел вертолёт. Я, когда к нему шёл на костылях, поскользнулся на гололёде и сильно упал. Нас набилось туда полно. Были тяжелораненые ребята. Моё ранение тоже считается тяжёлым увечьем. И вроде как я иду на комиссацию, то есть домой скоро поеду. Потом в Ростов, оттуда вернусь в свою сто пятидесятую дивизию, которая воздвига-

ла над Рейхстагом флаг. Её расформировывали и вот недавно восстановили по современному образцу. Теперь в дивизии есть всё — и своя авиация, и своя артиллерия, всё своё. Было б только народу побольше, было бы ещё лучше. Сейчас откроешь страничку в соцсетях, и такое ощущение, что войну выигрывают одни «чэвэкашники», одни «вагнеровцы». Я лежал со многими из них по палатам, общался. Так у них по двести человек в роте! У нас гораздо меньше. Мой знакомый сейчас в казачьем батальоне, там их так экипировали — «Ахмат» бы позавидовал! Подарили «пикапы». А у нас в полку одна «буханка» была и две «Нивы». «Буханка» периодически ломалась. Мы хотели машину купить. Но командир батальона нам сразу сказал, что он у нас её заберёт для нужд батальона. И мы не стали покупать. А у них в казачьем батальоне оснащение — спецназ отдыхает! У них там у всех почти квадрокоптеры есть, рации есть! Не как мы ходили, искали и покупали.

— Вы сами себе покупали?

— Да! У нас не своё было только оружие. Ну и бронезилет. Остальное всё своё. Потому что всё, что выдали, воевать в нём, ну, штурмовать в этом дома, здания — нельзя! В бушлате и этих ватниках ты побежал, упал, уже не встанешь — деревянное всё. У меня было всё покупное, хорошее, дорогое. Для меня цена штанов — шесть восемьсот, я на гражданке никогда бы даже не посмотрел, а тут я взял, потому что они хорошие, они нужны. Удобные очень, они не порвались ни разу, только миной их разорвало. Я по ним очень, очень скучал. Здесь я таких не нашёл. Ткань обалденная, вставки были на ягодицах и на коленях. Сидеть можно было на чём-нибудь и не простудиться, и на колени упасть — не больно. Не нужны были наколенники. Они у меня изначально были, но они все живут недолго, отрываются ушки, и их крепить нечем.

А тут жена посылку мне отправила. Накупила всего, много-много денег потратила: перчатки тактические купила, носков кучу, термобелья хорошего пару комплектов. Она только на перчатки шесть тысяч потратила, несколько пар взяла, там вставочки пластиковые, резиновые. Я раньше за тысячу брал, они по швам постоянно расходились. Там большая посылка была. Сестра тепловизор нашла, ребята скинулись на гражданке, купили за пятьдесят шесть тысяч. Он бэушный, но, говорят, хороший. Мама уточку положила домашнюю, жареную, запечённую. С дома престарелых передали нам десять пар носков вязаных — бабушки вяжут для солдат. У меня-то носки есть, я ребятам хотел раздать. Думал получить посылку, а не получилось. Она пришла накануне моего подрыва. Когда меня несли ребята (а у меня всегда с собой военник и телефон), я выгасил телефон и позвонил

двоюродному брату. Его на две недели раньше меня мобилизовали, он туда же попал, куда и я. Только в другом полку служил. Я ему позвонил, говорю: «Я, братан, «трёхсотый», ко мне посылка пришла, заberi её за меня и с братанами пользуйтесь». Когда меня несли ребята, я своего помощника подозвал, у него позывной был «Дизайнер». А у него мешок спальный был «установной» — маленький, узкий. «Дизайнер» хоть и маленький сам, он до половины только мог застегнуть спальник, накрывался и спал. А у меня большой, покупной был, хороший. За семь восемьсот, ё-моё! Ещё бы не хороший! Отец купил. Я ему говорю: «Не надо, ничего не бери, мне всё выдадут!» А он поехал, берцы мне купил, в которых я подорвался — сорок седьмого размера взял, чтобы с тёплым носком нога помещалась. Подошва у них мощная. Может, эта батина крепкая обувь и смягчила удар — обычно «Лепесток» стопу, как бритвой срезает. Вон работа «Лепестка».

В коридоре, возле медсестры, на кресле-каталке сидел паренёк в пижаме. Обрубок левой ноги заканчивался там, где должна была начинаться стопа. Он поговорил с девушкой и поехал в палату. Алексей продолжал:

Батин спальник, тот до минус тридцати пяти выдерживал. Я в нём в трусах спал, жарко было. Меня ж несут братаны, а я к помощнику: «Дизайнер, я завещаю тебе свой спальник». А он: Кулик, успокойся, всё будет нормально!» «Всё, — говорю, — мне он уже не потребуется». Ну я видел свою ногу и понял, что уже не приеду.

Мы в тот раз с парнями договаривались: как только вернёмся с выхода, в баню сходить — попариться, покупаться, постираться. И они мне потом видео присылают из сауны: «Кулик, родной, терпи, держись, мы тебя любим! Родной, ты давай там, поправляйся!» А я смотрю это видео, сижу, слёзы текут-ут. Думаю: «Братаны, как же вы теперь без меня будете?» Боевое братство. Мы же в таких переделках с ними побывали! Говорю им: «Я, как только смогу ходить уже нормально, не как сейчас, на пяточке, а нормально, я к вам обязательно приеду, гостинцев привезу!»

Там всё дорого и много чего достать нельзя. К примеру, очень нужны пламегасители, проще говоря, глушители. Они гасят вспышки, и их не сразу заметишь — откуда ты стреляешь. В Донецке купить очень дорого и достать проблематично. Их сразу скупают, как только они появляются. Я на пулемёт искал — почти сорок тысяч стоит. А тут дешевле. Когда я там ходить начну? В мае, апреле? Да вряд ли! Главное, чтоб не быть обузой ребятам. Кто там целым останется за это время?

У нас там есть человек в отделении. Позывной Фикса. Майор СОБРа. Он по контракту пошёл. Ну очень грамот-

ный человек, очень! Вот ему бы командовать, что ротой, что батальоном — потянул бы. А воинское звание — рядовой. В армии не служил никогда. Я там ратовал, чтобы его ставили командиром отделения, ребята тоже этого хотели. Но его почему-то упорно не ставят на командные должности, хотя он очень грамотный человек. По военной тематике за любой калибр тебе расскажет от «а» до «я», любую тактику знает. Он — молодец! И вот он пришёл сегодня с этого выхода, их посылали за этим квадрокоптером, а их там обстреляли. Раненые и убитый получились. Там Пепел и погиб на его глазах. И Фикса сегодня напился. Это — железный человек! И он сегодня напился! Я в шоке был! Он никогда не пил! (Я тоже там не выпивал, я вообще не любитель спиртного.) И он всегда был начеку, каждую секундочку. Фикса уже когда-то был ранен осколками: «полька» прилетела, ноги у него перебила. Вот он, получается, отгулял свой отпуск по ранению и обратно вернулся к нам же. Фикса уже опытный боец, он очень хороший парень, лет сорок ему. И вот он сегодня напился.

Фикса приехал из отпуска в своём шлеме лёгоньком, в своём бронежилетике не нашего производства, тот всего три килограмма весит. Приехал с квадрокоптером, у него очень много всего. Автомат у него крутой. Он на эти три миллиона по ранению чего только не набрал. Ему автомат выдали. Он его разобрал, то есть снял с него приклад, цевьё и поставил всё своё. Поставил глушитель, коллиматор — прицельное приспособление, которое помогает навестись на цель быстрее. Там стёклышко и на нём красная точка, его пристреливаешь, там регулятор — два болта — вверх и вниз: у нас средняя дистанция городского боя пятьдесят метров. Его коллиматор стоит сорок тысяч, у нас таких на вооружении нет. У него не автомат, а произведение искусства — нет ничего просто для красоты, всё для практики. У него сын в Таганроге, жена. Человек войны.

Ещё Алексей рассказал про одну колоритную личность:

— Мы звали его дядя Федя. Он был добровольцем. Раньше он по контракту служил в ГРУ. На гражданке работал дальнобойщиком. Он откуда-то с юга, вроде как из Краснодарского края. Дядя Федя в другом отделении служил. Мужик очень грамотный. Лет за сорок ему. А служил рядовым. Он огромного роста был, метра два в нём, да ещё и в ширину не мал, пузо солидное. И позывной у него подходящий — Громила. Он с гражданки пришёл в охотничьем камуфляже, «камыш» называется. Так ему не могли форму по размеру найти. Он возмущался: «Дайте мне форму, я даже постираться не могу». Один раз такое с ним было. Нужно было куда-то идти, а он в трусах сидит — недавно постирался, и бельё ещё не

просохло. А мы с ним всегда подшучивали друг над другом. Я ему говорю: «Так на вас, дядя Федя, только чехол от танка подойдёт! Чехол накиньте — и на задание!» А он в ответ: «Кулик, иди отсюда!» А сам смеётся. Мы с ним «спелись». Весело с такой громадиной ходить. Сколько раз на «учения» вместе выходили. Пока его не ранили — пулевое в ногу.

Мимо нас по коридору прошла высокая стройная девушка в платье. Поговорила с медсёстрами, потом поздоровалась с Алексеем, улыбнулась и «уплыла» по коридору.

— Кто эта обаяшка?

— Это наш ангелочек. Алиной зовут. Ангел по гуманитарке, из благотворительной организации. Вот этот удобный чехол на ногу она мне привезла. Для аппарата Елизарова такие делают. А я уже думал: «В чём же я домой поеду?» Уже хотел какой-то калош большой приспособить, а тут Алина появилась. Глянула на меня, ушла, а через пару дней приносит мне этот непромокаемый чехольчик. До чего удобный, смело можно «на дембель» в нём идти. Спасибо ей огромное! У неё пропуск во все петербургские госпитали. Хорошая организация, молодцы!

Когда Алексей улыбался или рассказывал об интересных людях, будь то дядя Федя или Алина, от его облика исходил свет, душевное тепло. Был он на удивление беззлобный и с обострённым чувством справедливости: «Как это уничтожить народ, тех же украинцев? Они — обезумевшие, но всё же братья наши! Может, образумятся. Их травят на нас, а мы всё равно победим! И при этом нужно ведь ещё людьми остаться!»

Он замолчал, наступила небольшая пауза в нашей беседе. И я у него спросил:

— Алексей, тебе же полагается медаль по ранению?

— А что я такого сделал?

— Ну ты же не на прогулку ходил для удовольствия, а выполнял боевой приказ!

— Я ничего геройского не совершил. Какая там медаль? — он с присущей ему скромностью «спрятался» в тени своих боевых друзей, среди которых, по его мнению, и находились настоящие герои — Пепел, Фикса, Громила и другие ребята. — Главное — живой! Там каждый день «прилететь» может. Один раз было. Спали уже. Работал миномёт. А мы там дома пустые занимали. Жили в саманном домишке. А с одной стороны стекла не было, плёнкой затянули окно. Вот через него и прилетело что-то чуть выше головы. Смотрю — осколок! Да такой серьёзный. Чуть ниже — и голову бы оторвало. А в другой раз на улице было. Три гранаты с квадрокоптера сбросили, но они не взорвались. Думаю: «Далековато для ВСУ, может, наши ошиблись?» По рации вызываю сначала Воро-

на, потом «чэвэкашника» Жаворонка: «Чья птичка?» Один говорит: «Наша». «А что кидаетесь?» «Так у нас даже подвесов нет!» «Значит, это не наша «птичка»!

Алексей спокойно, даже с некоторой долей юмора рассказывал о военных буднях, где каждый день мог стать последним.

— У дома, где мы жили, грязища была по колено. А у меня обувь всегда чистая — вода есть, губка есть, как возвращаемся с выхода, помою, начищу до блеска. Вот мы с ребятами, чтобы зря не сидеть, выложили камнями тропинку к двери, чтобы грязь в дом не таскать. Солдат должен чем-то заниматься, а то некоторые начинают по дому тосковать. Сядет с унылым лицом и молчит. А там без шуток нельзя. Скажешь что-нибудь весёлое, заговоришь с ним, и вот парня прорывает часа на полтора, душой откроется, разговорится, повеселеет...

Затронул Алексей и тему информационной войны:

— Наш противник ничем не гнушается. Делают фейки, как жареные пирожки. Мы, например, знали, что против нас воюет 95 бригада ДШБ и 79-я ОДШБ. Они, возможно, тоже про нас что-то знали. И вот в интернете мы увидели репортаж одного журналиста, где от лица нашей 150-й бригады переодетые вэсэушники ведут разговор. Журналист их спрашивает, а солдаты представляются именем нашего подразделения и плачутся о своей жизни: мол, нас не кормят, условия невыносимые. А я знаю свою роту, весь свой батальон знаю, с кем-то лично знаком, кого-то просто в лицо знаю. Да и тема кормёжки у нас не стоит, потому что кормят нас неплохо. Что за бред! Вот если бы они сказали про то, что у нас нет «ночников», тепловизоров и прочих новейших элементов ведения войны, то это да! А вычислили мы их поговору. У нас даже парень с позывным Хохол так не разговаривает.

— Почему его так прозвали?

— А он с Горловки родом, в Россию уехал жить, получил гражданство. Под мобилизацию попал. Так вот, когда у них в этом фейке с речью не так пошло, они поняли, что «проколослись» и за кадром кто-то сказал: «Давай по новой». Не прокатило! Этот фильм, конечно, смонтирован плохо был, но наши противники очень старательные. Для чего фейки эти? Идёт информационная война! Чтобы расстроить какого-нибудь солдата, который ещё мечется, может дезертировать. Они же влияют и на россиян. Некоторые из либеральной публики пишут нам: «Насильники! Горите в аду!» И прочее. А недавно из части сообщили, что у нас поменялся командир батальона и ребятам тепловизоры выдали. Оказывается, они были в наличии.

— По сути, это факт вредительства, должностное преступление!

— Да, так и есть! Вот ещё одну передачу смотрели мы с «той стороны». Они рассказывали про нашу Марьинку, про доблестную армию ВСУ. Мол, на этом рубеже против них стоят такие силы! Тут — особые войска ЧВК, «элита», и как они перемалывают нас. Рассказывают, как мы их массой давим, трупами забрасываем их позиции. А я смотрю эту передачу и смеюсь. Думаю, ну неплохо вы о нас думаете, раз называете «элитой» и «особыми войсками»! Значит, мы крутые ребята! Слава Богу, думайте так дальше! Знали бы вы, что нас тут в разы меньше, чем вас! И что интересно, скорее всего, такие же, как мы, мобилизованные, против нас воюют. Но они морально более не готовы к войне, чем мы. Мы за два месяца прошли столько же, сколько у них профессиональная армия за полгода. Это наши ветераны-профессионалы говорят. Просто если б нам людей побольше да не было тупых приказов... В таких условиях... Мы делаем невозможное! Как это можно пойти двумя отделениями, штурмовать батальон, отбросить его назад?! Но об этом обо всём мы с ними после войны поговорим!

Ещё припомнилось Алексею о том, как дня за два до подрыва его начало потрясывать:

— Чуйка была: что-то нехорошее случится! Чувствуешь и не можешь на это повлиять. Так у отца то же самое было. Он у меня тот ещё «колдун», у него шестое чувство развито. Отец заездами электриком работает на стройке в Москве. Восьмого декабря он себе места не находил. Чуть под напряжение не влез, с рук всё валилось. И вот он в ночь восьмого выезжает на родину, хотя должен был пятнадцатого — у него там отгулов полно. Батя хотел маме сюрприз сделать. А назавтра меня доставили в госпиталь в Ростов. Я жене отзвонился, сказал, что подорвался. Та поплакала, я её успокоил, как мог, говорю: «Ты там маме как-нибудь сообщи, а то она у меня мнительная, напридумывает чего-нибудь да в обморок ещё упадёт». Потом мама рассказывала, как Марина её оповестила. Обычно она по утрам не звонила, а тут звонок с утра и эта «подготовка издалека»: «У Лёши всё хорошо. Он живой. Самое главное, что живой!» Тут мама насторожилась: «Что с Алёшей?» Марина: «Он в госпитале. Не переживайте. Он на mine подорвался». Мама: «А-а!» Она управлялась со скотиной, всё бросила, побежала. Сосед Рудольф Брунович сел в машину, и они поехали ко мне. А отец той порой уже к Воронежу подъезжал. Мама едва ему дозвонилась. Так и так, говорит: «Наш Лёша подорвался. В госпитале в Ростове лежит». Батя по газам! Я потом за него три штрафа уплатил за

превышение скорости — машина-то привязана к моему телефону. С фотографиями. На всём протяжении можно было видеть за сколько он пролетел данный отрезок пути. Они встретились возле госпиталя, заплакали. А я сидел на улице, их поджидал. Ногу обмотал простыней, а сверху одеялом, чтобы не видно было. Там и встретились.

Несколько дней я приходил к Алексею в госпиталь. Мы подолгу разговаривали с ним на самые разные темы. Больше на мирные. Алексей делился своими планами на будущее: «Давно родителей уговариваю к нам переехать. У них в деревне частный дом и большой сад: черешня, вишня, яблони, груши, винограднику уже больше восьмидесяти лет. Мама говорит: «А как же я брошу эти яблони и груши? Мы же с тобой эти деревца посадили, двенадцать штук, когда родилась твоя дочка! Теперь они уже плодоносят». Я ей говорю: «Мамуля, мы выкопаем их и перевезём на новое место».

Такой вот русский солдат повстречался мне на пути. Его война закончилась. Дома его ждут родители, жена и двое деток: дочка и сын. Они ждут его любого и сильно любят! Солдат придет домой без предупреждения, как приходят с войны. Он представляет, как обрадуются его родные, как счастливо будет ворковать жена и радоваться сын. Он, прихрамывая, войдёт к дочке в класс с большим букетом цветов, и она, счастливая, бросится ему навстречу! Денег по ранению хватит, чтобы закрыть кредит и ещё останется, чтобы съездить на отдых к Чёрному морю всей семьёй. Ещё Алексей мечтает о третьем ребёнке.

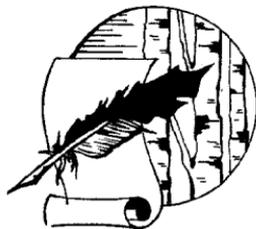
— Жена говорит: «Опять бессонные ночи!» А я ей говорю: «Так это же будет ЧЕЛОВЕК!»

Слово «ЧЕЛОВЕК» он произнёс с таким глубоким чувством уважения и значимости, что я невольно поймал себя на мысли: «А ведь мы, действительно, разучились ценить это слово! Неужели нужно пройти по дорогам войны, чтобы это слово обрело свой изначальный смысл?» Напоследок я задал русскому солдату самый тяжёлый, на мой взгляд, вопрос:

— Алексей, ответь мне, если сможешь... Такое жёсткое противостояние идёт, против нас ополчился весь Запад, используя Украину как мощную торпеду. Нашим ребятам иногда приходится самим добывать нужные вещи, чтобы хорошо воевать. Как мы врага одолеем?

— Как обычно. Русским духом, — он посмотрел на меня своим ясным взглядом и повторил: — Русским духом!

г. Санкт-Петербург

Ольга КОЗЛОВЦЕВА

ВЕЛИЧАВЫЕ ЕЛИ

* * *

На улице русской деревни,
Где ели построились в ряд,
Лежат неподвижные тени
С войны не пришедших солдат.
Помянем их всех поименно,
Погибших за землю свою:
Ивана, Захара, Семена,
Степана, Макара, Илью...
Как много из этой деревни
Ушло воевать мужиков!
В честь павших героев деревья
Растут у солдатских дворов.
И там даже, где уцелели
Всего лишь столбы от плетня,
Стоят величавые ели,
Священную доблесть храня.
И светятся ели, как свечи,
Ветвями касаясь луны.
Пусть помнит вселенная вечно
Солдат, не пришедших с войны.

МАМА ИРА

Ирине Ивановне Николаевой

Сегодня за окнами сыро,
Туман занавесил стекло,

Но скоро придет мама Ира,
И станет в палате светло.
Заварит душистого чая,
В стаканы тихонько нальет
И, раненых всех угощая,
Предложит свой липовый мед.
Запахнет вокруг пирожками
И домом далеким, родным.
Потянутся к ней, словно к маме,
Солдаты, устав от войны.
Она не грустит, не вздыхает,
С улыбкой глядит на ребят.
С ней рядом печаль затихает,
И раны поменьше болят.
Как сыну, готова солдату
Любовь материнскую дать,
И кажется, будто в палату
Приходит к ним Родина-мать.
Она как предвестница мира
И нашей Победы оплот —
Заглянет к бойцам мама Ира,
Надежду с собой принесет
Она не откроет им душу,
Как сердце о каждом болит,
Лишь дома, уткнувшись в подушку,
От жалости плачет навзрыд.

* * *

Ходила снова с сыном ты в разведку —
Всю ночь молилась, не смыкая глаз,
Чтоб каждая березовая ветка
Его спасала, как иконостас.

Чтоб каждый кустик, каждая травинка
Живым щитом вставали перед ним,
Чтоб твой отважный сын, твоя кровинка,
Вернулся из разведки невредим.

Нас от войны спасают наши дети,
А мы хотим их защитить собой,
Лишь только бы услышать на рассвете
Два долгожданных слова:
— Я живой!

КОНТРАКТ

Написал всего три строчки
И сложил листок —
Обещал жене и дочке
Возвратиться в срок.
Ты со смертью на два года
Заклучил контракт.
Хлещет, хлышет непогода
На Донецкий тракт.
Вперемешку пули с градом
Яро бьют врагов.
Сквозь огонь со смертью рядом
Ты пройти готов.
Пусть она волчицей воеет
Злым снарядам в такт,
Ты вернешься, русский воин —
У тебя контракт!
В нем три самых важных строчки,
Нет дороже строк —
Обещал жене и дочке
Ты вернуться в срок.

ПОЗЫВНОЙ «СОЛИСТ»

Виталию Гречихину

Где-то там, под Соледаром,
Хлещет ливень из свинца.
Под Рязанью в парке старом
Льются песни без конца.
Ты недавно в этом парке
О Победе пел на бис...
Будет бой сегодня жарким,
Не до песен вам, «Солист»!
Семиструнную гитару
Поменял на автомат,
Где-то там, под Соледаром,
Вместо песен — русский мат.
Не даешь судьбе отсрочку,
Верю, будешь ты живой —
У жены попросишь дочку,
Лишь вернешься ты домой.
Дома ждут тебя три сына
И красавица-жена,

Никакая смерть-трясина
С ними в сердце не страшна.
Ты врага под Соледаром
До победы бей, «Солист»! —
Под Рязанью в парке старом
Вальс играет гармонист...

* * *

Опустился задумчивый вечер
На заснеженный сад за окном.
Серой шалью укутал мне плечи,
Проскользнув незаметно в мой дом.
О солдатах читаю молитву,
И поклонам земным несть числа.
Громко вьюга стучится в калитку —
С фронта весточку мне принесла.
На Донбассе за нашу Россию
День и ночь продолжается бой.
Даруй, Господи, воинам силы
И от вражеской пули укрой.
Пусть ни страха не знают, ни боли,
Пусть живыми вернуться они,
Дай им доблести, стойкости, воли,
Всех помилуй и всех сохрани!

МАСКИРОВОЧНЫЕ СЕТИ

И родные, и соседи,
Душу вкладывая в труд,
Маскировочные сети
Нашим воинам плетут.
К узелочку узелочек,
К лоскуточку лоскуток,
Чтобы папа иль сыночек
От врага укрыться смог.
На войне такие сети,
Как святой защитный плат —
Сберегут они от смерти
Наших доблестных солдат.
И молитвы лентой ткани
Вплетены в узлы сетей
Материнскими руками
И ручонками детей.

* * *

Войну войной не называя,
Не забегаем наперед,
Но только третья мировая
Уже идет... Война идет!
И перед грузом «200» каждый
В том убеждается вдвойне —
Кто в горе матери докажет,
Что сын погиб не на войне?

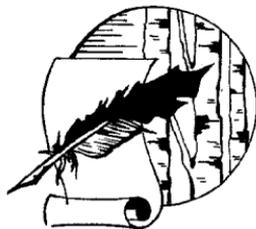
ПОЭТУ

Отвергни льстивых слов потоки,
Живи, поэт, с собой в ладу,
И благодарные потомки
Тебе сторицей воздадут.

И день, и ночь крепи твердыню
Своей взыскующей души,
А змееглавую гордыню
Еще в зародыше души.

Открой, поэт, себя для мира,
Не бойся зависти и лжи.
Не сотвори себе кумира —
Своей державной честной лирой
Отчизне праведно служи!

г. Ряжск Рязанской обл.

Людмила БРАГИНА

ИСТОК ЛЮБВИ

* * *

У Белгородчины моей
Высокий дух и светлый взгляд
Над золотом её полей
Века, как лебеди, летят.

Она навек в моей судьбе
Исток любви и добрых дней,
И утешение в беде,
Как руки матери моей...

* * *

Алесе

Мы с маленькой дочкой ведём войну.
Не друг против друга — нет!
Мы с нею сплотились в силу одну
Против печалей и бед.

Болезни, обиды, страшные сны...
Усталость не снимешь чаем.
Но маленький маршал нашей войны
Командует: «Смерть печалям!»

И я поднимаю смелей весло
Над качками бурь и бед.
Господи, как мне с тобой повезло,
Маршал моих побед!..

* * *

Сонной ящеркою нежусь
На горячих валунах,
А вокруг цветёт безбрежность
На лазоревых волнах.

Так забывчиво-бездумно
Светел солнечный фрегат.
Волны времени бесшумно
Плещутся о берега.

Словно след с песка смывают
Час за часом, день за днём...
И душа вдруг замирает,
Заглянув за окоём.

* * *

Расставание — враг и лечение.
Ну да мне ли об этом жалеть?
Плыть устала я против течения
И в февральских метелях гореть.

До свиданья, красавчик капризный,
Дружбы ищущий лишь у зеркал.
Не тебя я люблю больше жизни.
Не меня ты по свету искал.

Чую грех, отпуская на волю.
И скажу, безутешно скорбя:
Это время, что был ты со мною,
Я спасала других от тебя...

ЗВЕРЮ

Приручён и стал не страшен.
Не горят его глаза.
О тебе грущу вчерашнем,
По щеке бежит слеза.

Был не раз в набегах ранен,
Гнались пули за тобой...
А теперь вот — на диване...
Одомашненный такой....

Я уйду от этой боли.
Что пропало — не моё.
Мне ходить по вольной воле.
Есть ещё в лесах зверьё!

* * *

День прошёл, погладил мелким дождиком,
Заросли все стежки подорожником.
По листочкам сочным и холодненьким
Я брожу никчемным огородником.
Нет мне дела до забот прополочных,
Опьянил полёт ветров просёлочных.
Гляну вдаль — там рожь стоит высокая,
Гляну вверх — увижу ясна сокола.
Ах, душа, душа моя раздольная,
Будто песня вольная, разбойная,
Над землёю облаком качаешься
И, как жизнь земная, не кончаешься!

* * *

Я стою на перепутье
Перепутанных дорог.
Кто б помог дойти до сути,
Кто б распутать их помог?
Нет ни птицы, нет ни зверя,
Нету вещей голосов.
Ой, народные поверья! —
От беды на волосок,
Я у вас ищу защиты,
Кличу ветер и траву:
Выводите, помогите
Мне сыскать свою тропу.
Вот и камень с письменами,
Да прочесть таланта нет.
Горе с этими камнями —
Закрывают белый свет.

* * *

Душа моя — молодушка
В цветастом сарафане
Промытая до донышка
Солёными дождями

Из тучи невезения,
Из облака разлуки
Протянуты к спасению
Доверчивые руки.
«Укрой от черных воронов!
Согрей!» — прошу отчаянно.
Ну что ж ты смотришь в сторону?
Нарочно ли? Нечаянно?..

УТРО НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ

Река парит, скрывая отраженья
Деревьев, берегов и камышей.
Недвижно всё. И всё полно движенья,
И жизни пульс всё трепетней, слышней.

Туман уносит быстрое течение,
За ним вдогонку утка шлёт утят.
В селе на горке петухов волненье
Перекрывает дружно птичий гвалт.

Всесильно и безудержно светлеет...
И вот уже сиянье над водой!
И луг седой, проснувшись, молодеет
И светится улыбкой золотой.

* * *

Защити меня, любовь,
От страстей и от соблазнов.
Повторяю вновь и вновь:
Только ты, любовь, прекрасна.

Защити от ворожбы,
От лукавого дурмана,
От печали и вражды,
От горячего тумана.

От измен убереги,
Исцели в сердечной боли,
Стань мне берегом реки,
На котором дом и воля.

г. Белгород

РАСШИРЯЯ ПРЕДЕЛЫ РУССКОСТИ

Украинская измена — катализатор русского национализма

Мы имеем дело со становлением русского национального сознания, которое в политике выливается в развитие идеологии русского национализма. Вернее будет сказать — в развитие нескольких близких, но разных идеологических течений, каждое из которых именует себя русским национализмом и претендует на первородство.

Говоря о русском национализме (в его классическом стиле, а не в маргинальных течениях прошлых лет, являвшихся скорее элементами светской тусовки, в рамках которой «радикальные националисты» спокойно частным образом дружили с не менее «радикальными» либералами и вместе пытались третировать власть) следует иметь в виду, что развитие националистических идей в России серьёзно отставало по сравнению с Западной Европой, а на определённом этапе (в конце XIX — начале XX века) было вторичным по отношению к ней. В этом месте можно было бы удариться в рассуждения об «особом русском пути», но он не особый и не русский.

РУССКИЙ ВОПРОС

Как раз Россия двигалась по магистральному пути всего человечества. Начиная с Ивана III, а особенно с Ивана Грозного, российские власти строили военно-бюрократическую империю римско-византийского образца, резко отличавшуюся от классического феодализма Западной Европы.

Рубежными для России были середина—конец XV века, когда чисто феодальные силы проиграли будущему Ивану III, выступавшему в качестве соправителя и регента своего батюшки Василия II Тёмного феодальную войну, а также начало XVII века, когда феодальными силами была предпринята попытка реванша, с опорой на Европу (внутри страны они уже были лишены серьёзной поддержки).

Последние представители династии Калиты так качественно вычистили и проредили наследственную вотчинную земельную аристократию, ведущую свои родословные от Рюрика, Гедимины и их соратников, что новая династия (Романовы) после подавления Смуты серьёзных внутривосточных проблем не имела и могла сосредоточиться на создании военно-бюрократического государственного аппарата. Приказная система зародилась при Иване III, обрела стройную архитектуру при Грозном, совершенствовалась при первых Романовых, была в целом замещена системой коллегий при Петре I и приобрела окончательный вид министерской системы в правление Александра I и Николая I.

При всех изменениях система имела две основные черты:

1. Не знатность рода, но занятие высших аппаратных должностей (боярина, окольничьего, председателя коллегии, министра), давало доступ к рычагам управления, почестям, доступ к главе государства. Представителям «старых» родов, разумеется, было проще пробиться на руководящие посты, но доминировал всё же принцип профессионализма, в рамках которого при всех государях постоянно выдвигались представители неродовитых, а иногда и вовсе простых семейств. Так что, «старые роды», составлявшие основу придворной аристократии к моменту правления последнего императора, почти ничего общего не имели со старыми родами не только периода правления Ивана III, но даже Василия IV Шуйского.

2. Царь, а позднее император, рассматривался не только как глава государства, но и как защитник веры — де факто светский глава церкви (то, что имел в виду Константин Великий, называя себя «внешним епископом» христианской церкви и по этому праву председательствуя на соборах). В этом плане российское и аналогичные правления (а их было большинство в мировой истории) имели отчётливый теокра-

тический окрас и в корне отличались от европейского, в рамках которого светская (королевская) и церковная (папская) власть вели вечную борьбу за приоритет. Русский царь представлял Бога непосредственно в отличие от европейских монархов, представлявших его опосредованно. Поэтому перед ним все были равны — и самый титулованный аристократ, и самый последний холоп, а законы царства (а затем империи) были (по крайней мере теоретически) одинаковы для всех и (в идеале) должны были защищать всех в равной степени. Разумеется, идеал никогда не достигался, но в отличие от европейской системы, где аристократ был юридически защищён особыми правами, в русской системе этот идеал, как минимум, декларировался.

В целом именно европейская феодальная система является особым исключительным случаем в мировой практике, поскольку родилась в результате завоевания варварами римской цивилизации и смешения их традиционных племенных систем с классической военно-бюрократической системой империи. Общий политический и экономический упадок не позволили сохранить централизованную имперскую систему управления на всех уровнях. Поэтому она де факто в общих чертах сохранилась в рамках отдельного феодального владения.

«Как трудно жить на свете, когда с Россией никто не воюет» — эти слова принадлежат британскому государственно-му деятелю Генри Пальмерстону и были сказаны в преддверии Крымской войны. Логика определялась усилением беспоконившего Англию российского влияния в Азии и на Балканах в первой половине XIX века

Сеньор был одновременно экономическим лидером, военным руководителем, главой администрации, верховным судьёй и шефом полиции. Он также определял общие черты фискальной системы (там, где она сохранилась хотя бы на низовом уровне). На более же высоких уровнях господствовала германская племенная дружинная система. Дружинник получал от вождя награду за исполнение своих обязанностей так же, как вассал получал от сеньора землю.

Только на низшем уровне (уровень поместья) осуществлялось прямое одностороннее (без обратной связи) управление, в то время как все более высокие уровни системы предполагали наличие обратной связи в виде двусторонних обязательств, санкция за невыполнение которых применялась не только к вассалу, но и к сеньору — юридически они были равны.

Маркс и Энгельс, выстраивая свою теорию экономических формаций, опирались исключительно на европейский

опыт. Когда же они столкнулись с альтернативной системой (правда не в России, которую знали плохо, а в Турции), они назвали это азиатским способом производства. Но дело в том, что азиатский способ производства охватывает весь мир: Китай, Индию, Иран, Россию, Перу, Египет — все древнейшие и большую часть современных цивилизаций. И только Европе присущ европейский феодализм как особый «европейский способ производства».

При этом системы, объединённые «азиатским способом производства», имеют различия между собой, как и системы, объединённые в рамках европейского феодального способа производства. Но классическая «азиатская» (хоть Римская империя была такой же) военно-бюрократическая империя всегда объединена жёсткой централизацией управления и равенством всех разрядов подданных перед священной властью владыки, исполняющего функции не только светского, но и религиозного главы — представителя Бога на земле, гаранта высшей справедливости.

Поэтому в рамках военно-бюрократических империй легко смешивались разные народы — имперский закон не различал «эллина и иудея», а имперская универсальная сверхкультура легко интегрировала культуры отдельных народов, позволяя каждому чувствовать себя как дома и никому не мешать.

Национализм как идея был столь же мало свойственен европейскому феодализму, как и военно-бюрократической империи. Национализм — идеологическое течение, сопровождающее формирование буржуазной нации. Но если европейский феодализм, распадаясь под давлением новой буржуазной экономики, обеспечивал практически моментальное формирование буржуазной политической нации из массы феодальных народностей, каждая из которых легко меняет суверена и может без проблем переходить из состава одного государства в состав другого, то механизм военно-бюрократической империи оказывался значительно прочнее. Он был способен обеспечивать политические интересы и аграрной экономики средних веков, и промышленной экономики нового времени.

Крупные военно-бюрократические империи (Россия, Турция, Иран, Китай) в одно и то же историческое время (на рубеже XIX—XX веков) пережили разрушительные потрясения, а затем, на протяжении всего XX века, метались в попытках найти «свой путь» в рамках классической вестернизации. Сейчас во всех этих государствах, несмотря на де-

кларативное различие систем, существует одно и то же стремление — вернуться к корням.

В России и Китае это стремление называют национализмом (при этом Китай ещё и маскирует его декларативным марксизмом), в Иране исламизмом, в Турции неоосманизмом. Но везде речь идёт об отказе от европейского пути формирования буржуазной нации и возвращении к нации имперской. Именно таковыми нациями современные ханьцы, персы, турки и русские и являются. Если явиться к ним с классической черепомеркой и попытаться выделить нацию по крови, то их просто не останется.

Русские ещё не знали, что когда-то будут русскими, а уже являлись плодом славянской ассимиляции вначале западнобалтских племён (живших в среднем поднепровье на территории нынешней Белоруссии, Смоленской, Псковской, Брянской, западной части Тверской областей), а затем и проживавших севернее и восточнее (от Мурманска, до Мурома) угро-финских племён. Позднее массово происходила интеграция в русский этнос племён и народов тюрко-монгольских, ираноязычных и прочих. 85% населения современной России идентифицируют себя как русских именно потому, что военно-бюрократическая империя формировала имперскую нацию, в которой любой лояльный подданный, исповедовавший православие, становился русским. Как известно, в царских паспортах национальность не указывалась, её заменяло вероисповедание.

Большевики, пришедшие к власти в результате стандартного кризиса, который империя не смогла пережить по ряду субъективных причин, были не просто левыми, но левыми вестернизаторами. Их главная идея заключалась в том, что Россия отстала от передового Запада в своём развитии и догнать может лишь интегрировавшись в Запад, который станет ещё более передовым в результате мировой революции.

Интернационализм не был для них пустым звуком или фигурой пропаганды. Они действительно выступали не за единый имперский народ, а за дружбу разных народов в рамках одной идеологической и административной системы. Именно поэтому они с таким остервенением разрушали основы российского имперского государства. Имперское государство было основой для создания одной имперской нации, а марксистская концепция подразумевала содружество наций. Эти нации было необходимо выделить.

Поэтому союзные республики из имперских земель с равным энтузиазмом выкраивали и «независимец» Ленин, и «автономист» Сталин. Они оба были правоверными марксиста-

ми, и их вера требовала от них организовать «содружество наций», каковые нации для создания этого содружества и требовалось выделить из общерусского имперского массива. Потому-то единственным партийным руководителем первого поколения (которые начинали ещё в революцию или до неё), который не создавал республики, а ликвидировал Карело-Финскую ССР был Хрущёв, разбиравшийся в кукурузе намного лучше, чем в тонкостях марксистской теории.

Как это ни парадоксально, но большевики и «родили» современную русскую нацию. Для начала их концепция подразумевала, что в России, которую они называли «тюрьмой народов», были «народы-заключённые» и «народ-тюремщик». Понятно, что в Российской империи на роль тюремщиков были назначены русские. Но русских ещё надо было выделить из общего массива православных. Это было сделано путём определения границ РСФСР. Кто внутри границ — русский, а значит угнетатель, кто за этими границами уже может при желании объявить себя не русским, а каким-нибудь «угнетённым» украинцем или белорусом.

Концепция также предполагала «подъём» национальных окраин за счёт перераспределения в их пользу ресурсов русского народа. Таким образом новая русская (уже не имперская) нация спланировалась в нарезанных большевиками границах в режиме ими же организованного угнетения русских в пользу нерусских (многие из которых ещё долго доказывали большевикам, что никакие они не «угнетённые» украинцы/белорусы, а самые что ни на есть русские, но время камень точит).

Перед началом специальной военной операции Владимир Путин говорил о «настоящей декоммунизации» Украины. Этот риторический приём можно рассматривать по-разному, но наиболее радикальная трактовка заставляет вспомнить, что не было более последовательного сторонника независимости Украины, чем В.И. Ленин

Тем не менее к моменту распада СССР русские оказались единственной из «созданных» большевиками наций, оставшейся верной идее общей государственности в рамках которой все народы равны, а их отношения построены на вечной дружбе. Вот тут-то и произошёл второй исторический перелом, окончательно выделивший современную русскую нацию.

Русские внезапно узнали, что остальные «свободные народы» их почему-то ненавидят и мечтают удрать на Запад (даже среднеазиаты начали провозглашать себя «европейцами» и рваться в европейские структуры, не говоря уже о

кавказцах). На русских же начались жестокие гонения в бывших республиках, ставших самостоятельными государствами.

Нынешнему украинскому кризису, начавшемуся через десять лет, а откровенно русофобский характер принявшему через 25 лет после распада СССР, предшествовали местные геноциды русских в Средней Азии и на Кавказе и их бегство из этих регионов, а также тихое иезуитское вытеснение русских из Прибалтики, которое к настоящему времени тоже приняло черты открытого геноцида.

На сегодня в относительной безопасности русские могут чувствовать себя только в Белоруссии, формально являющейся частью Союзного государства, да в Молдавии, где после событий начала 90-х и обещания покойного генерала Лебеда привести танки в Кишинёв, народ долго не давал политикам разгуляться. Только сейчас Майя Санду, сознательная (с самостоятельной работой) жизнь которой началась уже после распада СССР, почти дотолкала свою страну до новой гражданской войны. И то ещё не факт, что у неё получится, хоть она подошла к краю ближе, чем любой молдавский политик после Снегура до неё.

В общем, современный русский национализм практически не имеет связи с националистическими течениями начала XX века, всухую проигравшими не только имперцам, но даже интернациональным разрушителям империи. Он возник как реакция на русофобию тех, кого считали если не братьями, то уж точно друзьями, на откровенное неприкрытое предательство. Русских сплотила общая опасность. Вначале враги идентифицировали их как русских, чтобы уничтожить, затем они стали искать маркеры собственной идентификации, чтобы можно было быстро отличить друга от врага.

Однако территория, которую большевики выделили под Россию всё ещё оставалась многонациональной империей. Поэтому имеем парадокс в виде русских, сплочённых в русском единстве общей опасностью, проистекающей из русофобии бывших «братьев» и тех же русских внутри своей русскости, различающих чувашей, татар, бурят, якутов и т.д. и даже помнящих, что некоторые из этих народов в начале 90-х также страдали своими собственными русофобскими национализмами.

В конечном итоге, русский национализм как идеологическое и даже в какой-то мере философское течение, при огромном количестве частных ответвлений, разделился на два основных потока:

— первый, абсолютно бесперспективный, пытающийся русских в России разделить на русских по крови и не русских, которые никогда русскими не станут;

— второй является фактическим возвращением к истокам формирования современной русскости и провозглашает русскими всех, кто любит Россию, служит России, для кого российская культура является родной и кто планирует жить в России принимая местные законы и нормы, а не требуя их переделки под свои привычки.

Первый вариант национальной идеи я назвал бесперспективным потому, что он не даёт ответа на вопрос, почему Пушкин «наше всё» — эталон русскости и создатель современного русского языка, но по их градации — эфиоп? Почему русский поэт — шотландец Лермонтов, а русский художник — армянин Айвазовский? Почему русские правящие династии все как одна имели нерусские корни, но признаются ими кондово-посконно русскими. Как вообще выделить ген русскости — не преобладающий в нынешней популяции, а доминировавший в исходной, если мы даже не знаем, что можно считать исходной популяцией.

В общем, принятие данной концепции — путь в никуда, гарантированный способ развязать гражданскую войну русских с русскими за право считаться эталонным русским и на этом основании принимать других претендентов в русские или отказывать им.

Второй же подход является продолжением традиционной идеи имперской русскости. В этом случае русскими становятся все, кто связывает свою судьбу с Россией и соответствует стихийному, сформировавшемуся к сегодняшнему дню народному стандарту. Например, в отличие от взгляда, господствовавшего в Российской империи, где только православный мог быть русским, в нынешней России русским может быть и мусульманин и даже атеист. Зато народ стихийно откажет в русскости человеку, не любящему русскую культуру, тем более не признающему её своей, отказывающемуся от русских традиций в пользу «европейских ценностей», не говорящему по-русски и не пытающемуся научиться.

При этом сторонники второй концепции, расширяя пределы русскости, не менее, а даже более сторонников «кровной русскости» выступают за права русского народа, в том числе на создание государства русского народа. «Кровные русские», выступают против мигрантов по принципу — всех, кому назначившие себя истинными русскими не выдадут аусвайс истинного русского немедленно, паразит в правах,

а истинно-русским особые права нарезать, но при этом миграцию можно не ограничивать — главное, чтобы «истинно-русские» были изначально подняты над массой не только не русских, но и не истинных, и их позиция надёжно охранялась бы государством.

В противовес этому сторонники имперской концепции русскости исходят из того, что миграция должна быть ограничена квалифицированными кадрами, которым государство разрешает въезд на определённых условиях по просьбе и под гарантии работодателя. При этом само государство определяет, какие кадры и какой именно квалификации являются дефицитными настолько, что требуется привлечение рабочей силы из-за рубежа.

С точки зрения имперской концепции, мигранты делятся на две группы — на тех, кто едет на работу с намерением вернуться и на тех, кто декларирует намерение остаться в России навсегда и жить здесь. Первые покидают страну по истечению срока контракта или раньше (если возникли иные причины). Вторые как раз и должны соответствовать представлениям современного российского общества о русскости или стремиться добиться такого соответствия. Прежде получения прав гражданства, они должны доказать своё желание и способность интегрироваться в российское общество.

Подчеркну, что поскольку, как было сказано выше, современный русский национализм возник как реакция на предательство и русофобию бывших «братьев», обе концепции ориентированы на защиту прав русского населения России в основном от мигрантов из постсоветских стран. В этом плане обе они являются в какой-то мере дискриминационными. Но тут уж ничего не поделаешь — если постоянно тыкать спящего в берлоге медведя палкой, стоит ли удивляться, что когда он появится из берлоги, то будет настроен в отношении тыкавшего несколько недружелюбно.

Русских слишком часто предавали и обманывали. Включились инстинктивные механизмы защиты как на индивидуальном, так и на народном уровне. Это может не нравиться, но отменить это уже нельзя. Русский национализм как ответ на русофобию окрестных национализмов становится одним из доминирующих движений российской политики и российской политической философии. Остановить этот процесс уже нельзя. Теперь вопрос заключается лишь в том, по какой колее его направить.

Первый «кровный» вариант является фактической калькой с национализма украинского. Сколько бы ни клялись

современные украинские националисты Бандерой да Петлюрой, Мазепой да Выговским, по сути своей они являются не более, чем русскими сепаратистами. Русскими, захотевшими построить себе национальное государство, но не способными размахнуться на всю Россию, поэтому провозгласившие себя некими «украинцами», как традиционно идентифицировали себя люди по территории проживания (рязанцы, псковичи, новгородцы).

Отколовшись от русских, эти бывшие русские, чтобы обособить своё право на отдельную государственность, стали не просто русофобами, но антирусскими. Если другие бывшие «братские» народы просто изгоняли русских с территории, которую считали своей, то «украинцы» поставили перед собой задачу уничтожить Россию, чем и предопределили начало СВО.

В этих условиях русский национализм был естественной реакцией здорового народного организма на явную угрозу. Выбор был между дальнейшей дезинтеграцией на разные Уральские, Поморские, Дальневосточные, Ингерманландские и т.д. республики и русской интеграцией.

Но поскольку Россия империя, империей была от рождения и останется империей навсегда, только имперская форма русского национализма может быть жизненной и не просто полезной для существующего государственного организма, но способной содействовать восстановлению классического имперского духа и классической имперской государственности как русской национальной идеи.

Русский национализм не единственный, рождающий имперский проект. Таковым является и англо-саксонский национализм, последовательно родивший Британскую и Американскую империи, таким является китайский имперский национализм, создавший пережившую тысячелетия, возрождающуюся после самых страшных кризисов империю. Таков персидский национализм, также переживший череду падений и расцветов от Ахеменидов до наших дней. Таким сейчас пытается стать национализм турецкий (посмотрим, что получится, уж больно невыгодное географическое положение досталось ему в наследство от Византии).

В конечном итоге любой национализм, продуцирующий универсалистскую имперскую идею, создаёт цивилизационный проект. Российский цивилизационный проект называется Русский мир. Успешность реализации русской национальной идеи будет определяться тем, насколько эффективна она будет в плане продвижения данного цивилизационного проекта.

В общем, любой национализм лишь тогда чего-то стоит, если он претендует на глобальность и умеет эту свою претензию защитить.

Диалектика, однако.

Европейцы и «русский вопрос»

Европа боится. Она пытается скрыть свои страхи выглядеть сильной и уверенной в себе, но страх постоянно пробивается наружу, сквозь маску британской невозмутимости, германской сосредоточенности и ледяного скандинавского спокойствия.

Безумное с точки зрения здравого смысла бегство Швеции и Финляндии в НАТО — признак этого страха. Ещё более шизофренический всплеск прибалтийской русофобии: явно выраженное желание полностью изгнать русский дух с территорий, на которых гордо вымирают три реликтовых народов — признак этого страха.

Декларация Макрона о готовности отправить на Украину «целых полторы», а может, «даже две» тысячи французских военнослужащих — признак этого страха. Непрекращающаяся истерика британских политиков, пугающих то ли окружающих, то ли самих себя неотвратимостью поражения киевского режима, которое квалифицируется Лондоном как катастрофа для всего Запада, — признак этого страха. Безрезультатная попытка чехов найти для Украины миллион снарядов — признак этого страха.

Хоть, казалось бы, чего им бояться?

Восточная Европа имеет богатый опыт моментальной смены хозяев. Для неё не составит труда так же быстро перебежать к России от ЕС и НАТО, как до этого перебежала на Запад от СЭВ и ОВД. Скандинавы (кроме Норвегии) и вовсе были нейтралами — могли остаться ими и не пыхтеть. Западная Европа без труда вписывалась в российско-китайский евразийский проект. Для неё уход от США к России означал не упадок, а получение новых преференций: европейский рынок и европейские технологии имели для России и Китая первостепенное значение. Именно гипотетическое участие ЕС придавало Евразийскому проекту экономическую завершённость.

Тем не менее Европа действительно рассматривает украинский кризис и своё в нём участие как эсхатологическое, цивилизационное противостояние. Это позиция не только части давно потерявших адекватность европейских элит, но и вполне адекватной (в том числе консервативной) части

европейского общества. Даже наблюдающееся в последнее время смещение фокуса общественных настроений европейцев от желания подовать Россию к желанию договориться с ней — результат европейского страха.

Договориться захотела та часть европейской общественности и те политики, которые поняли, что поражение Запада в открытом противостоянии неизбежно. Для большинства желающих договорённости европейцев — это способ остановить Россию на дальних подступах к Европе, скормив ей Украину, раз уж не получилось при помощи Украины и экономических санкций раздавить Россию.

То есть цель та же, методы изменились. Но как только представится возможность, Европа постарается вернуться во взаимоотношения с Россией к силовому варианту. Об этом свидетельствует вся наша тысячелетняя история. Это европейское стремление к уничтожению России также является следствием европейского страха. Только избавившись от России, Европа может избавиться от вызываемого Россией ужаса, поэтому до тех пор, пока Европа не станет окончательно частью даже не общего с Россией экономического проекта, а интегрированной частью общего политического пространства, пока не запустятся интеграционные и ассимиляционные процессы, превращающие нас в перспективе в одну сверхнацию, зачаток которой в России уже образовался как принятие (пока для многих вынужденное) принадлежности малых этносов к единому русскому суперэтносу, в котором «несть ни эллина, ни иудея», Европа при первой возможности будет возвращаться к антироссийской политике, базирующейся на идеологии пещерной русофобии.

Так чего же боится Европа?

В какой-то мере ответ на этот вопрос даёт поведение заявившей право на существование, но не успевшей сложиться на базе случайной территориальной независимости украинской нации. С первых дней существования независимой Украины, когда Россия шла на огромные уступки новорождённому государству и делом демонстрировала готовность поддерживать его во всём, даже в вопросе формирования украинской нации из проживавших на данных территориях русских, украинскими элитами руководил животный страх перед Россией. При этом они подчёркивали не просто своё стремление в Европу, но свою с Европой идентичность.

Если Россия в девяностые-нулевые стремилась объединиться с Европой, как две разные цивилизации, то Украина подчёркивала свою принадлежность к европейской цивилизации, утверждая, что для неё путь в Европу — путь домой.

При этом основным мотивом, влиявшим на политику украинских элит, был чисто европейский страх перед Россией.

Европа не особенно вникала в причины своего страха и до сих пор представляет Россию на уровне описаний Геродота: с песьеголовцами, гиперборейцами и прочими экзотическими породами людей, населяющими огромные дикие пространства и мечтающими об одном — «жечь города, и в церковь гнать табун, и мясо белых братьев жарить».

Блок, будучи гениальным поэтом, на интуитивном уровне понял и описал европейский страх. Это страх уничтожения, присущий более слабой цивилизации перед лицом более мощной.

Но не любой более слабой. Цивилизации центральной и Южной Америки не боялись прибывших европейцев, даже когда те отчётливо проявили свою агрессивность. Точно так же степные цивилизации, веками воевавшие с Китаем на Западе и с Россией на Востоке, никогда не боялись быть уничтоженными ими.

Дело в том, что для латиноамериканских индейцев, сосед был военным противником постольку, поскольку был источником пищи (людоедством большинство не брезговало) и материалом для жертвоприношений. Точно так же, как пастух не истребляет стадо животных, которых потребляет в пищу, перед местными цивилизациями никогда не стояла задача полного покорения или истребления соседей. Наоборот, они им были нужны в качестве самостоятельных, отдельных от собственной цивилизации образований, иначе их представителей (за исключением особых случаев) нельзя было съесть или принести в жертву.

Аналогичным образом кочевой цивилизации всегда была нужна оседлая, как источник товаров, не производимых кочевниками. По возможности необходимое старались нагнать в ходе набегов. Если набеги не удавались, то пытались торговать. Казус Чингисхана, решившего создать универсальную всемирную кочевую империю и потому не останавливавшегося перед полным уничтожением народов, представлявших угрозу его планам, был исключением, подтверждающим правило.

Европейцы же с момента своего возникновения были ориентированы на физическое уничтожение слабейших. В их системе политических ценностей ассимиляция или симбиоз были вынужденными решениями, когда по какой-то причине не хватало сил и возможностей полностью уничтожить соседа. Если же такая возможность была, то с уничтожением старались не тянуть, не растягивать его на поколения, но ре-

шать вопрос здесь и сейчас, не оставляя проигравшему второго шанса.

Все ожидают от другого того же, что готовят ему сами. Поэтому для Европы огромная Россия всегда была источником опасности. Европейцы не могли поверить, что русские не собираются их уничтожить. Они всегда считали, что их не добились только потому, что не смогли. Соответственно, в те периоды, когда они понимали, что не могут уничтожить Россию, их политика была направлена на её ослабление, чтобы в данный момент лишить Россию возможности уничтожить их, а в перспективе всё же создать условия для ликвидации России.

Вот и сейчас европейцы, ещё вчера готовившиеся к «окончательному решению» «русского вопроса» и дележу трофеев, вдруг осознали, что Украины, которая должна была в их понимании создать условия для окончательного поражения России, вот-вот не останется, а Россия за это время только укрепилась. Завтра в полтора раза выросшая за время СВО русская армия будет стоять на границах Европы, у которой ни войск толковых, ни оружия.

Европейцы знают, что в таком случае сделали бы они. И не верят, что русские поступят по-другому. Вот поэтому и боятся. Поэтому и пытаются веками избавиться от страха, избавившись от России.

ВЕЛИКАН НА АМУРСКОМ УТЁСЕ

В ночь с 18-го по 19-е ноября 1881 года в Париже скончался бывший генерал-губернатор Восточной Сибири, генерал-адъютант и член Государственного Совета граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Родившийся в 1809 г. в Петербурге, Н.Н. Муравьев происходил из старинного русского дворянского рода, давшего России немало талантливых и выдающихся государственных и военных деятелей, ученых, публицистов, деятелей просвещения. Среди них было восемь декабристов, наместник Кавказа генерал Н.Н. Муравьев-Карский, мореплаватель С.В. Муравьев. Родственником графу приходился знаменитый идеолог русского анархизма М.А. Бакунин. Сам Николай Николаевич был активным участником Русско-турецкой войны 1828—1829 годов и подавления Польского восстания (1831 г.). За проявленное мужество в сражениях награжден орденом св. Анны 3-й степени с бантом, орденом св. Владимира 4-й степени с бантом и золотой шпагой с надписью: «За храбрость». Во время Кавказской войны 1838—1844 годов

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

дважды получил ранение, серьезно подорвав своё здоровье. По особому заданию командира Особого Кавказского корпуса генерала от инфантерии Е.А. Головина майор Н.Н. Муравьёв участвовал на Кавказе в непрерывных разведывательных экспедициях на реке Соче, на восточном берегу Черного моря и в Дагестане. За отличия в этих делах Николай Николаевич был произведен в подполковники и награжден орденом св. Анны 2-й степени. За участие в знаменитом штурме замка Ахульго и за четырехлетнее успешное отражение непрерывных нападений горцев на черноморские укрепления Н.Н. Муравьёв произведен в полковники и награжден орденами св. Владимира 3-й степени и св. Станислава 1-й степени. В июне 1841 года Н.Н. Муравьёв произведен в генерал-майоры. В 1846—1847 гг. был военным и гражданским Тульским губернатором. Таков краткий послужной список этого человека.

Однако «звездным часом» в судьбе Н.Н. Муравьёва стало 5 сентября 1847 года. В этот день Николай I по своему личному выбору назначает его генерал-губернатором Восточной Сибири. Именно на этом трудном поприще проявились его незаурядные организаторские способности, немало послужившие укреплению государственности и процветанию России. В то время Сибирь — лучшая и богатейшая по природным богатствам территория России — носила позорную кличку территории каторжников и варнаков. Ее заселение шло черепашьям шагом, да и то больше опальными людьми, отбросами человеческого общества и смелыми искателями легкой и скорой наживы. Добровольных переселенцев было не так много, хотя край таил неслыханные богатства. Все преобразования, которые проводились в центре России, как-то обходили Сибирь, и она продолжала жить при своих традиционных порядках. Неограниченный местный произвол, самовольное истолкование законов издавна здесь было обычным явлением.

По воспоминаниям его племянника, В.В. Муравьёва, Николай Николаевич прибыл на свое генерал-губернаторство в Восточной Сибири без материального обеспечения; из своего жалованья бескорыстно помогал в первые годы чиновникам и тратил его на свои первые поездки по Сибири, послужившие осуществлению задуманных им дальнейших планов укрепления приграничных районов России. Так, в мае 1849 года Николай Николаевич выехал из Иркутска для личного обозрения отдаленной Камчатки и через Якутск прибыл в Охотск. Отсюда отправился он на транспорте «Иртыш» в Петропавловский порт, проехав морем до порта Анна, и че-

рез Якутск возвратился в Иркутск в ноябре 1849 года. Лично ознакомившись с краем, Николай Николаевич предпринимает целый ряд преобразований с целью улучшить экономическое развитие региона и облегчить социальное положение местного населения. Вот только некоторые из его многочисленных инициатив. Им вводятся усовершенствования в способы добывания золота, что привело к существенному росту его добычи. Генерал-губернатор Н.Н. Муравьев первым возбуждает вопрос о строительстве железных дорог в Сибири. Как администратор он принимает все меры для освобождения русских рабочих и крестьян Нерчинских горных заводов и инородцев от незаконного закрепощения разными промышленниками и защиты этих по существу бесправных людей от грубого произвола. Этим он надолго оставит по себе благодарную память среди коренного населения Восточной Сибири. Проявил он и очень гуманное отношение к находившимся на каторге и в ссылке декабристам и ссыльным полякам. Из-за этого на него стали неоднократно приходить в Петербург доносы, большей частью анонимные — «от бдительных лиц», которые нередко приходилось читать самому Николаю I. Однако император Николай Павлович, хорошо знавший Н.Н. Муравьева и уважавший его благородство, не давал никакого хода этим кляузам. А Муравьев, ни на кого не обращая внимания, все так же продолжал свою работу.

Он много делал для исследования Сибири и Дальнего Востока. Так, им организуются к устьям реки Амур в 1854, 1855, 1857 и 1858 годах четыре экспедиции, и он стал первым сибирским генерал-губернатором, отважившимся посетить отдаленную и негостеприимную тогда Камчатку и берега Охотского моря. В критических ситуациях генерал-губернатор не боялся проявлять самостоятельность и личную инициативу. При этом всю ответственность он брал на себя. Так, например, было, когда разразилась Крымская война 1854—1855 гг. Тогда по его личному распоряжению был переведен флот из Петропавловска в устье Амура — решение, спасшее сибирскую флотилию от уничтожения. В своих памятных записках русский писатель И.А. Гончаров, вспоминая о своей встрече с Н.Н. Муравьевым, дает такой портрет этого человека: «В беседе с ним я успел взглянуться в него, послушаться его мыслей, намерений и целей. Какая энергия, какая широта горизонтов, быстрота соображений, неугасающий огонь во всей его организации, воля, боровшаяся с препятствиями, которыми тормозили его ретивый пыл!.. Небольшого роста, нервный, подвижный. Ни усталого взгляда, ни вялого движения я ни разу не видал у него. Это был боевой, отважный

борец, полный внутреннего огня и кипучести в речи, в движениях. Его угадал Император Николай и из гражданского губернатора Тулы призвал на пост генерал-губернатора Восточной Сибири. Ни тот, ни другой не были чиновниками и поняли друг друга».

Чем ближе знакомился он с экономическими условиями Восточной Сибири, тем более убеждался, что для развития благосостояния населения необходимо присоединение к России всего бассейна реки Амур. Заключение им с Китаем 16 мая 1858 года Айгунского договора, по которому нашей стране были возвращены территории по рекам Амур и Уссури, отторгнутые от нее в 1689 году, стало главной заслугой генерал-губернатора Н.Н. Муравьева перед Россией. Благодаря присоединению к Российской империи обширного Приамурского края, российским боевым, торговым и промышленным силам открылся свободный доступ к Тихому океану. Переговоры с китайцами были очень сложные. Чтобы заключить этот договор, Николаю Николаевичу пришлось преодолеть и сильное противодействие канцлера Российской империи графа К.В. Нессельроде и его сторонников, резко критически относившихся к самой идее присоединения к нашей стране Амурского края. Неоценимую моральную поддержку оказывал генерал-губернатору архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий (Вениаминов И.Е.), ставший его верным сподвижником. Православный иерарх-миссионер и ученый-этнограф прекрасно разбирался во всех особенностях этого обширного края. Его советы всегда были необходимы. Уже в советское время обо всех перипетиях этих сложных переговоров в художественной форме расскажет в романе «Ветер плодородия» (1992) писатель Н.П. Задорнов. Расширение пределов России в Восточной Сибири к Тихому океану завершилось Пекинским трактатом 2 ноября 1860 года, по которому определились граница Российского государства с Китаем и закреплена за нашей страной обширная территория, лежащая между рекою Уссури, Восточным океаном и границею Кореи.

Для усиления позиций России на присоединенных территориях Н.Н. Муравьев организует массовое заселение малонаселенного и почти безлюдного края русскими казаками и другими переселенцами. По Амуру и по Уссури на протяжении трех с лишним тысяч километров выстроена цепь станций. Ежегодно по приказу Н.Н. Муравьева-Амурского сюда стали отправлять целые караваны барж с солью, мукой, солониной и др. для продовольствия войскам и переселенцам в низовьях Амура. Им образовано сначала Забайкальское, а

потом и Амурское казачье войско для защиты Амура. По его приказам основываются города Николаевск-на-Амуре (1850), Благовещенск (1856), Хабаровка (1858, с 1893 г. — Хабаровск), Владивосток (1860). За эти заслуги 26-го августа 1858 г. он был произведен в генералы от инфантерии и возведен в графское достоинство с прибавлением к его фамилии названия «Амурский».

Вскоре после того, как в Россию пришло известие о кончине Н.Н. Муравьева-Амурского, среди его бывших сослуживцев и многочисленных почитателей возникла мысль о достойном увековечении памяти бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири. Инициатива сооружения ему памятника принадлежала жителям основанного им Благовещенска. Выражая их всеобщее пожелание, генерал-губернатор Восточной Сибири Дмитрий Гаврилович Анучин 2-го декабря 1881 года обратился с письмом к министру внутренних дел графу Н.П. Игнатьеву, в котором, в частности, писал: «Как генерал-губернатор Восточной Сибири, считая долгом быть верным истолкователем желаний населения вверенного мне края, честь имею обратиться к Вашему сиятельству с покорнейшею просьбою: повергнуть вышеизложенное на высочайшее государя императора благоусмотрение и исходатайствовать соизволение его величества на открытие в Восточной Сибири добровольной подписки с вышеизложенною целью с разрешением принимать подписку и от других почитателей гр. Муравьева-Амурского, находящихся ныне в других частях империи».

И 17-го декабря этого же года Александр III высочайше соизволил разрешить сбор в Восточной Сибири и в других местах империи добровольных пожертвований на сооружение бывшему генерал-губернатору Восточной Сибири графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому в городе Благовещенске памятника и учреждение какого-либо благотворительного заведения для увековечения его памяти. Первую лепту в это дело внес простой учитель прогимназии Благовещенска, прочитавший 4-го декабря 1881 г. посвященную памяти Н.Н. Муравьеву-Амурскому публичную лекцию, сбор с которой поступил на образование фонда для памятника графу. Одновременно с открытием подписки в городе почитатели графа образовали особый комитет по созданию памятника. После решения царя 19-го января 1882 г. министерством внутренних дел был разослан генерал-губернаторам и губернаторам циркуляр о подписке и направлении пожертвований в Иркутск, в главное управление Восточной Сибири.

В Петербурге самым энергичным организатором сбора пожертвований на сооружение памятника стал сын декаб-

риста князь Михаил Сергеевич Волконский, начинавший под руководством графа Н.Н. Муравьева-Амурского свою службу. Родившийся в Восточной Сибири и закончивший гимназию в Иркутске М.С. Волконский даже совершил с графом очень опасную и трудную экспедицию в глубь совершенно пустынного тогда Амурского края.

Начавшаяся подписка очень быстро дала свои результаты. Особенно охотно и много жертвовали на создание памятника в Амурской области местные казаки, жившие в Забайкалье, в Иркутске и Иркутской губернии, других регионах Сибири, где еще хорошо помнили о деятельности графа. Народ не скупился! К концу ноября 1883 года подписка уже достигла 48 962 рублей 11 копеек, а к моменту открытия памятника составила 62 000 рублей.

3-го марта 1886 г. в Петербурге на очередном «амурском обеде», на которые регулярно собирались бывшие сослуживцы, подчиненные и почитатели заслуг бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири, принято решение избрать из своей среды специальный комитет по сооружению памятника графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому. В него вошли адмирал и генерал-адъютант П.В. Казакевич, товарищ министра народного просвещения князь М.С. Волконский, тайный советник М.Н. Галкин-Враской, отставной статский советник Ф.А. Анненков, бывший генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин. Возглавил комитет Приамурский генерал-губернатор барон А.Н. Корф.

Первоначально местом постановки памятника назывался город Благовещенск, что и отражено в высочайшем повелении императора Александра III. Однако на этот счет у членов Комитета сразу же возникли сомнения. Благовещенск находился в низменной местности, затопляемой Амуром. Сама местность по пограничным условиям менее отвечала условиям создания монумента, чем такие сибирские центры как Владивосток или Хабаровка. Этот вопрос, как и другие вопросы, касавшиеся сооружения памятника Н.Н. Муравьеву-Амурскому, были обсуждены на первом же заседании Комитета, состоявшемся 27 октября 1886 г. После обсуждения члены Комитета приняли целый ряд решений. Назову наиболее важные, ставшие определяющими для всего дальнейшего хода дела.

1. Памятник надлежало поставить в Хабаровке — на утёсе, господствовавшем над местностью и упиравшемся в реку Амур.

2. Мотивом для памятника избрать известный портрет графа Н.Н. Муравьева-Амурского кисти К.Е. Маковского (1864).

Портрет этот был написан художником в двух экземплярах. Один находился в клубе Иркутского дворянского собрания, другой — в Петербурге, в доме Н.П. Аносова, большого почитателя графа. У князя М.С. Волконского хранилась довольно удачная фотографическая копия этого портрета.

3. Для двух лучших проектов памятника назначалось две премии: одну в 1200 рублей и другую в 800 рублей.

4. Помимо всех, кто пожелает поучаствовать в конкурсе, специально пригласить к участию в нём М.М. Антокольского, М.О. Микешина и А.М. Опекушина.

Все решения Комитета были незамедлительно доведены до сведения министра внутренних дел графа Д.А. Толстого. Выслушав доклад министра внутренних дел, Александр III 27 ноября 1886 г. дал высочайшее соизволение на постановку памятника в городе Хабаровке, на утёсе городского сада.

В декабре 1886 года Комитет по сооружению памятника объявил конкурс. Был обозначен срок представления работ — 31-го марта 1887 года. Позднее, правда, по просьбе некоторых участников конкурса срок представления проектов был отодвинут до 10 апреля.

После объявления конкурса Комитет по сооружению памятника графу Н.Н. Муравьёву-Амурскому в Хабаровке приглашает в экспертную комиссию известных художников, архитекторов, литераторов: Я.П. Полонского, А.Н. Майкова, Д.В. Григоровича, А.И. Резанова, И.Е. Репина, Р.А. Гедике, М.В. Харламова, П.П. Чистякова, М.П. Боткина, Н.А. Кошелева. Вошёл в комиссию и племянник графа — капитан Генерального штаба граф В.В. Муравьёв-Амурский. Им и предстояло определить, кому из скульпторов будет доверено создание этого монумента. Всем известным скульпторам были разосланы приглашения.

Персональное приглашение комитет направил и скульптору А.М. Опекушину — автору знаменитого памятника А.С. Пушкину в Москве. Получив приглашение участвовать в конкурсе, Александр Михайлович ответил согласием. Чтобы создать чувственно конкретный, зримый и достаточно целостный скульптурный образ бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири, скульптору предстояло основательно разобраться в особенностях внешности, характера, поведения покойного графа, его манере держать себя, характерных жестах и т.п. Иначе говоря, понять его как человека. Если императора Александра Второго Опекушину приходилось неоднократно видеть и даже общаться с ним, то с Н.Н. Муравьёвым-Амурским он не был знаком и вряд ли когда-нибудь даже встречался. Но скульптору в этом деле очень по-

могла дружба с художником Константином Егоровичем Маковским, более двадцати лет назад написавшим свой знаменитый портрет графа. По просьбе Опекушина фотография этого портрета была увеличена в несколько раз. Помогли и воспоминания, и консультации живущих в Петербурге бывших сослуживцев Н.Н. Муравьёва-Амурского и его родственников. Опекушин внимательно изучил и сопоставил все известные портреты и литографированные изображения графа в разные периоды его жизни. Постепенно в сознании скульптора возник образ очень умного, чрезвычайно целеустремленного и энергичного человека, но натуры достаточно сложной и противоречивой.

На конкурс было прислано 19 проектов: 18 в виде моделей и один в виде рисунка. Рисунок на основании условий конкурса не подлежал рассмотрению. Одна модель была прислана из Парижа. Все модели были выставлены в зале дома князя М.С. Волконского, на Гагаринской набережной. После осмотра и оценки выставленных конкурсных моделей 11 апреля 1887 года под председательством князя М.С. Волконского состоялось заседание Комитета и членов комиссии экспертов. Было принято решение: премирование проектов произвести двойным голосованием посредством записок. Сначала выбрали три лучших проекта, достойных присуждения премий. Потом путем голосования распределили премии между этими тремя проектами. Первая премия, в 1000 рублей, единогласно была присуждена модели под девизом вопросительного знака — «?».

По вскрытии приложенного к этой модели запечатанного конверта оказалось, что её автором является академик А.М. Опекушин. Вторая премия, в 600 рублей, присуждена проекту под девизом «Гармония». Её автором оказался П.П. Забелло. Затем третья премия, в 400 рублей, была присуждена модели под девизом «Насильно мил не будешь». Эта модель принадлежала профессору скульптуры М.П. Попову. Это была еще одна заслуженная, всеми признанная победа Александра Михайловича Опекушина! К тому времени уже бывший губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин так выразил свое впечатление относительно проекта, удостоенного первой премии: «Работа А.М. Опекушина в художественном целом была олицетворением энергии и силы и имела те качества, которыми должен был отличаться памятник, назначенный стоять на рубеже с Китаем, на берегу возвращенного в наше владение Амура». А вот мнение корреспондента «Московских ведомостей»: «Выражение лица, очерк головы, озабоченное чело, поза всей статуи, мощность ее плеч, выгиб

спины, дают каждому, даже если смотреть на модель сзади, понятие, что пред ним находится изображение энергичного государственного мужа, оставившего после себя крупный след в истории».

Последнее, но решающее слово оставалось за Александром III. 14 февраля 1888 г. проект академика А.М. Опекушина представлен был в Аничковом дворце. Неспешно и внимательно рассмотрев проект, побеседовав с членами Комитета и со скульптором, царь выразил своё полное одобрение. Единственное, что пожелал царь, это заменить мундир, в котором скульптор изобразил графа Н.Н. Муравьёва-Амурского, казачьим чекменем.

Теперь Александру Михайловичу оставалось исполнить премированный проект. 27 апреля 1888 года Комитет по сооружению памятника графу Н.Н. Муравьёву-Амурскому в Хабаровке заключил со скульптором договор. Академик А.М. Опекушин обязался вылепить из гипса и отлить из бронзы статую графа, в 7 аршин (4,98 метра) высотой — за 22 тысячи рублей. Статуя должна была быть сдана в окончательном виде и упакована для отправки не позднее 1 января 1889 г.

Скульптор лепил статую в своей новой, большой каменной мастерской. Ее строительство окончательно закончили только к концу 1887 года. Автором проекта был А.А. Гвоздиовский. Новая мастерская имела вид прямоугольника с единым залом площадью свыше 120 квадратных метров и высотой более восьми метров. Спустя семь лет по просьбе скульптора архитектор Ф.К. Пирвиц пристроит с правой стороны дополнительное помещение в три окна. В 1901 году мастерская по проекту архитектора А.Н. Померанцева будет снова реконструирована. Над ее левой частью сделают высокое остеклённое перекрытие с верхним светом, а широкий проём соединит обе части здания. Но это в будущем. А в первую зиму в еще необжитой новой мастерской было очень холодно и сыро. Целые дни находясь в холоде, Александр Михайлович сильно простудился и слег в постель. Сдали силы. Видимо, начиналось серьезное воспаление легких. Семья скульптора: жена, три дочери и сын сильно перепугались. Буквально не находили себе места. Вызвали докторов. За здоровье Александра Михайловича в церкви регулярно заказывали молебны. Опекушин болел долго и тяжело, но всё-таки сумел выкарабкаться. Сказалась крепкая крестьянская основа. Едва оправившись от болезни, он принялся за работу. Но время было упущено. Скульптор не выполнил условия договора, не успев закончить статую к сроку. А потом умерла его жена.

Лишь летом 1890 года статуя была закончена и передана в отливку в бронзо-художественную и чугунно-литейную мастерскую В.З. Гаврилова. Но и тут случилось непредвиденное обстоятельство. Дело в том, что огромную статую графа, как обычно, отливали по частям. Отдельно в отливку шли голова, туловище, ноги и подставка. Отдельно отливались руки, эполеты, шашка и другие мелкие части. Когда началась отливка средней части фигуры, расплавленный металл с такою силою устремился в форму, что пробил глину для отливки меди (опоку) и фонтаном брызнул наружу. Лишь по счастливой случайности стоявшие неподалёку скульптор и рабочие не получили тяжёлых травм. Но отливку пришлось опять начинать заново.

20 ноября 1890 г. Комитет в составе обер-гофмейстера князя М.С. Волконского, сенатора Д.Г. Анучина, академиков М.П. Боткина, Н.А. Кошелева, графа В.В. Муравьёва-Амурского осмотрел в мастерской В.З. Гаврилова совершенно готовую статую. Александр Михайлович Опекушин также присутствовал при осмотре. А рядом стоял полковник Генерального штаба Волошинов, которому потом предстояло доставить в полной целости и сохранности статую из Владивостока в Хабаровку. «Петербургский листок» по поводу осмотра статуи Комитетом написал: «В данном случае результат действительно оказался блестящим, так что члены комиссии, принимавшей статую, выразились, что работа выполнена во всех отношениях превосходно». Все переживания и тревоги скульптора остались теперь позади. Работа была выполнена достойно великого мастера.

С 9 по 14 января 1891 года в здании Михайловского манежа открылась бесплатная выставка памятника, сооружаемого на далекой окраине Российской империи в память графа Н.Н. Муравьёва-Амурского. Заполнившая зал выставки петербургская публика с интересом рассматривала новое произведение скульптора. Бронзовая фигура графа стояла на небольшом пьедестале, задрапированном чёрным коленкором. С общим видом памятника посетители могли ознакомиться по увеличенному до больших размеров фотографическому снимку с проекта, удостоенного первой премии на конкурсе. Посетивший выставку корреспондент «Петербургского листка» писал: «Проект этот представляет собою одно из тех художественных произведений, перед которыми останавливаешься невольно и от которых никак не можешь отвести глаз».

Выставка завершилась, и статую разделили, уложив в четыре ящика. 20 января по железным дорогам ее повезли через Москву в Одессу, а оттуда во Владивосток. Всё это могло потребовать дополнительных затрат, и Комитет обратился за

содействием к директору департамента железнодорожных дел С.Ю. Витте и к управляющему морским министерством вице-адмиралу Н.М. Чихачеву. Благодаря их распоряжениям, статуя была перевезена по железным дорогам до Одессы и из Одессы на пароходе Добровольного флота «Орел» до Владивостока бесплатно. Из Владивостока до Хабаровки статую пришлось везти с помощью гужевого транспорта, так как устья Амура были покрыты льдом. Чтобы облегчить перевозку на лошадях, во Владивостоке прикомандированные рабочие мастерской В.З. Гаврилова разделили статую еще на большее число частей.

С 1888 года в Хабаровке начались подготовительные работы к установке пьедестала для памятника. Но дело здесь осложнялось тем, что из-за особенностей климата Хабаровки — частых сильных дождей и морозов — земля не могла держать крутых уклонов. Нужно было найти надежный тесовой камень. Но сделать это на месте оказалось весьма проблематично. Спроектированный и предложенный А.М. Опекушиным пьедестал Комитет счел слишком дорогостоящим. В марте 1888 года для решения возникших трудностей состоялось заседание Комитета с приглашением А.М. Опекушина. По совету скульптора, члены петербургского Комитета по сооружению памятника приняли решение вести кладку пьедестала из грубо сколотого бутового камня на цементе. В районах вблизи Хабаровки начались активные поиски годного для постройки камня. Осенью 1889 года было найдено месторождение подходящего светло-серого камня, который могли добывать из скалы в кусках желаемых размеров. Но добыча этого камня оказалась крайне тяжела. Каждый отколотый камень приходилось спускать с высокой и крутой горы в долину. Всё это было очень сложно и опасно. Помимо русских рабочих, пришлось нанять китайцев. Потом столкнулись с новой проблемой. До постройки памятника в Хабаровке не было вовсе камнетесных работ. Не оказалось мастеров по камнетесному делу. Пришлось срочно нанимать мастеров во Владивостоке. Наконец, всё наладилось.

27 октября 1888 года в присутствии генерал-губернатора, представителей всех находившихся в Хабаровке военных и гражданских учреждений, учебных заведений, большей части городского населения и с участием войск состоялась торжественная закладка монумента.

Освящение и открытие памятника графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому произошло 30 мая 1891 года в праздник Вознесения Господня. Всё это совпало с пребыванием в Хабаровке цесаревича Николая Александровича — будущего пос-

ледного всероссийского императора Николая II. В тот незабываемый для города день к 10 часам утра вся ближайшая к памятнику часть городского сада была сплошь заполнена народом. Вблизи памятника разместились войска, учащиеся женской школы и подготовительной военной школы, чиновничество. Около палатки, в которой совершалось освящение воды, заняли места высшие военные чины и депутаты от городов Восточной Сибири и Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск, а также представители городского управления и общественных организаций Хабаровки. Среди депутатов, присутствовавших на открытии памятника, находился сподвижник Муравьёва-Амурского войсковой старшина Г.Д. Скобельцин, служивший проводником во всех амурских походах графа. Ровно в 10 часов к месту церемонии прибыл цесаревич Николай Александрович со свитой, встреченный громким «ура» войск и народа. Началось молебствие. Его совершал седовласый ветеран Амурских экспедиций графа соборный протоиерей Александр Сизых. Памятник осветили и открыли. Цесаревич Николай Александрович поднялся на верхнюю площадку около монумента и обошел его кругом. В это самое время войска взяли на караул, артиллерия произвела салют, а оркестр заиграл Амурский кавалерийский марш, которым всегда начинался день на Амуре во времена генерал-губернатора Н.Н. Муравьёва-Амурского. Обойдя вокруг памятника, цесаревич положил к его подножию венок из ландышей.

Памятник был установлен на обрывистом берегу Амура, возвышающемся над средним уровнем реки на 30 метров. Александр Михайлович изобразил графа на памятнике стоящим с выставленной вперед левою ногою, в казачьем чекмене, с открытой головою и скрещенными на груди руками. В правой руке он держит сверток карты Амурского края, а в левой — бинокль. То и другое указывает на труды Н.Н. Муравьёва-Амурского по изучению и исследованию обширнейшего региона, лежавшего между юго-восточными границами Российской империи и северными провинциями Китая. Корпус фигуры покоится на задней ноге, а передняя упирается на сваю, обитую железной цепью. Эта цепь спускается по скале и заканчивается двумя якорями, что символизирует ту прочность и основательность, с какою новоприобретенный край соединили с Россией. Взор генерал-губернатора обращен на юг, в широкую даль, расстилающуюся в открытом пространстве. Скульптору удалось отлично передать черты лица графа, в особенности выражение сосредоточенности. В опекушинском творении запечатлелось открытое и му-

жественное лицо русского человека. Колоссальная фигура графа словно излучает могучую энергию и решительность. Наряду с уникальным портретным сходством Опекушин полностью раскрыл неповторимую духовную сущность Н.Н. Муравьёва-Амурского и величие его дел. Пьедестал памятника состоял из земляного кургана с площадкой, по углам которой были установлены 4 пушки, цоколя со ступенью и карнизом, сложенного из серо-синеватого песчаника. Пьедестал кверху постепенно переходил в четырехстороннюю усеченную пирамиду. В свою очередь пирамидальная часть пьедестала снова переходила в призматическую, заканчивающуюся венчающим пьедестал карнизом. На обращенной на юг передней стороне пирамидной части пьедестала были укреплены три бронзовые доски с надписью:

*Графу
Муравьёву-Амурскому
1891*

По четырем сторонам цоколя также находились четыре бронзовые доски со следующими гравированными надписями: на доске с южной стороны перечислены имена участников первых двух Амурских экспедиций 1854—1855 годов; с восточной стороны — названия войск, участвовавших в Амурских экспедициях, и судов флотского экипажа, бывших при занятии устья Амура и Татарского пролива; с северной стороны — имена лиц, участвовавших при заключении Айгунского трактата 16 мая 1858 года; с западной стороны — перечислены участники экспедиции Г.И. Невельского, бывшие при занятии устья Амура в 1849—1853 гг.

Александр Михайлович Опекушин не присутствовал на официальном открытии своего памятника. Не было его на этот раз и во время предварительной установки статуи графа Н.Н. Муравьёва-Амурского. Для наблюдения за установкой статуи в Хабаровку были срочно откомандированы от мастерской В.З. Гаврилова самые опытные мастера. Причиной отсутствия скульптора стала внушавшая большие опасения болезнь его дочери Зои, которую скульптору по совету врачей пришлось взять дляправки здоровья в Прибалтику на курорт Друскеники.

Памятник генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьёву-Амурскому — одно из лучших монументальных произведений А.М. Опекушина. Это самый крупный по размерам (общая высота скульптуры вместе с постаментом — почти 16 метров) монумент в дореволюционной России. Поистине памятник-великан!

В 1898 году конкурсный проект памятника, отлитый из бронзы, был приобретен дирекцией Русского Музея императора Александра III, открывшегося тогда в Михайловском дворце. Ныне он хранится в коллекции Государственного Русского музея. На основании фигуры Н.Н. Муравьева-Амурского легко прочитывается подпись: «Сочин. и лп. А.М. Опекушин»; на ребре основания клеймо литейщика: «Отл. В.З. Гаврилов СПб».

Наступил роковой для России 1917 год. Опять пришла великая смута. Закрутилось страшное кровавое колесо. Государственные, религиозные и социальные устои страны стали начисто отвергаться. Началась и организованная новой властью совершенно бессмысленная, на первый взгляд, война с «монументами мрачного прошлого». 27 января 1925 года состоялось заседание Дальревкома (с участием Я.Б. Гамарника, Н.А. Кубяка, А.Г. Степанова-Бродского и др.), где было принято решение о сносе памятника графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому. Памятник разобрали и разбили на куски. Огромная голова графа еще долго лежала в парке. Так безжалостно было уничтожено одно из лучших произведений русской и мировой скульптуры конца девятнадцатого столетия. А авторы советских искусствоведческих трудов начисто «забыли» о когда-то существовавшем памятнике. Однако о нем хорошо помнили местные старожилы.

Настал конец восьмидесятых годов. На глазах разрушалась когда-то казавшаяся незыблемой коммунистическая партократическая система. И о памятнике вновь вспомнили! В Хабаровском крае возникло и ширилось широкое общественное движение за воссоздание знаменитого монумента. Оно получило поддержку и на страницах центральной периодической печати. Был создан Общественный комитет по восстановлению памятника. Большая заслуга в этом деле принадлежала местным активистам: военному топографу Григорию Григорьевичу Лёвкину и писательнице и общественной деятельнице Антонине Константиновне Дмитриевой. И памятник восстановили. Благо, что в Русском музее в Петербурге сохранилась его модель, выполненная в свое время А.М. Опекушиным. Работу по воссозданию осуществил скульптор Леонид Викторович Аристов. 20 мая 1992 года восстановленный монумент вторично торжественно открыли. Вновь над Амуром вознесся бронзовый лик знаменитого генерал-губернатора Восточной Сибири. И стоит он как страж Русской земли.

ХУДОЖНИК, ВОИН, СТРАННИК, МЫСЛИТЕЛЬ

120 лет назад, 13 апреля 1904 г. погиб великий художник Василий Васильевич Верещагин (род. в 1842 г.). Погиб у Порт-Артура вместе с адмиралом С.О. Макаровым и большей частью команды броненосца «Петропавловск».

С двадцати одного года он почти всю свою жизнь путешествовал по миру с альбомом, мольбертом и записной книжкой. Об этих путешествиях он оставил не только рисунки, этюды и картины, но и ценные записки, опубликованные в книгах, газетных и журнальных статьях.

Своё первое путешествие он совершил в Закавказье в 1863 г., ещё будучи студентом Академии художеств, затем повторил его в 1865 г., привёз оттуда много портретных и пейзажных рисунков и этюдов, после чего уехал доучиваться в Парижскую академию.

В 1867 г. Верещагин по приглашению Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана, резиденция которого находилась Ташкенте, отправился в качестве штатного военного художника в «горячую точку» — недавно присоеди-

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

нённую часть Средней Азии. В апреле 1868 г. был взят подвластный бухарскому эмиру Самарканд, и уже 2 мая художник прибыл туда, а через месяц, когда основная часть войск отправилась к Бухаре, оставшийся русский гарнизон из 700 человек был осаждён, и Верещагину пришлось участвовать в тяжёлых боях: «Во время восьмидневной осады Самаркандской цитадели скопищами бухарцев (около 50 тыс. всадников. — В.Г.) прапорщик Верещагин мужественным примером ободрял гарнизон. Когда 3-го июня неприятель в огромных массах приблизился к воротам и, кинувшись на орудия, успел уже занять все сакли, прапорщик Верещагин, несмотря на град камней и убийственный ружейный огонь, с ружьём в руках бросился и своим геройским примером увлёл храбрых защитников цитадели». За этот геройский поступок он был награждён офицерским Георгием IV степени.

Верещагина поражало великодушие русских солдат. Когда один из них хотел вторым выстрелом прикончить раненого неприятеля, то другие остановили его: «Не тронь, Серёга. — Да ведь уйдет. — А пускай уйдет, он уж не воин». И это — несмотря на жестокость самих бухарцев, которые обезглавливали не только убитых, но и раненых и пленных. За каждый доставленный головорезами кровавый трофей эмир выдавал награду. Отрубленные головы потом складывали в пирамиды или насаживали на шесты для всеобщего обозрения.

В Туркестане он познакомился и подружился со своим сверстником, будущим прославленным генералом М.Д. Скобелевым. Они часто спорили о целесообразности присоединения трёх среднеазиатских ханств к России (Кокандского, Хивинского, Бухарского). Верещагин, уже хорошо познавший средневековое азиатское варварство, религиозное мракобесие и фанатизм, господствовавшие в ханствах, считал их обузой для государства, которая будет лишь пожирать огромные ресурсы. Михаил Дмитриевич, наоборот, считал Туркестан важным плацдармом, с которого в случае необходимости Россия сможет угрожать главной британской колонии — Индии. Позднее, когда Скобелев стал военным губернатором Ферганской области, он согласился с Верещагиным и даже написал в одном из донесений начальству, что «овчинка выделки не стоит».

В 1869 г. художник вновь вернулся в Туркестан, но другим путём — через Сибирь. Путешествовал он по Семиречью и вблизи Восточного Туркестана (современный Северо-западный Китай). Там он не только видел следы кровавой вакханалии восставших мусульман-дунган над мирными китай-

цами и прочими иноверцами, но и вступил в неравный бой с дунганями, напавшими на его маленький отряд.

В 1871—1874 гг. он работал над картинами «Туркестанской серии» (часть их объединил общим названием «Варвары»), устраивал их выставки в Лондоне, Париже и Петербурге. В предисловии к каталогу, составленному им самим, Верещагин написал: «Варварство среднеазиатского населения так громадно, а экономическое и социальное положение в таком упадке, что чем скорее проникнет туда... европейская цивилизация, тем лучше». Именно с позиций борьбы с варварством он считал действия Русской Армии оправданными.

Ещё до окончания выставки в Петербурге Верещагин на два года (1875—1876) уехал путешествовать по Индии, а через несколько лет, в 1882—83 гг., повторил путешествие. Это были не туристические поездки. Там пришлось и отражать нападения диких зверей, и тонуть в реке, и замерзать в Гималаях, и отбиваться от банды грабителей, и тяжело переболеть тропической малярией. Оттуда он привёз зарисовки и этюды для картин «Индийской серии», куда вошли знаменитые «Мавзолей Тадж-Махал в Агре» и «Подавление индийского восстания англичанами» (казнь людей, привязанных к стволам пушек).

Англичане подозревали в нём русского шпиона, устроили за ним слежку и создавали ему «неожиданные» опасности. Возможно, какие-то основания у них были. Во всяком случае из всех своих заграничных путешествий Верещагин сообщал о своих наблюдениях, размышлениях и выводах военному министру. А кроме того, он публиковал книги, статьи в газетах и журналах с описаниями этнографии, экономики и общественного устройства стран, где он был.

Будучи в Индии, Василий Васильевич узнал, что ему присвоили звание профессора — высшее из званий Академии художеств, но звание не принял: «...считая все чины и отличия в искусстве безусловно вредными, начисто отказываюсь от этого звания». Возразить против его слов и сегодня нечего, если вспомнить, какого уровня артисты, музыканты, художники и прочие деятели у нас часто становятся «народными», «заслуженными» и «почётными» и какими способами они получают эти звания.

Весной 1877 г. после начала русско-турецкой войны он оставил работу над индийскими полотнами, начатыми после первого путешествия, и отправился на Балканы в действующую армию, непосредственно в корпус своего друга генерала Скобелева: «...*Дать обществу картины настоящей, не-*

поддельной войны нельзя, глядя на сражение в бинокль из прекрасного далёка, а нужно самому всё прочувствовать и проделать — участвовать в атаках, штурмах, победах, поражениях, испытать голод, холод, болезни, раны... нужно не бояться жертвовать своей кровью... иначе картины мои будут «не то».

В июне военный корабль, на котором плыл художник по Дунаю, был обстрелян, сам он во время боя проявил мужество, был тяжело ранен, но после 3-месячного лечения вернулся в строй. За этот бой его хотели наградить золотым оружием, но он отказался. Вообще, стараясь всю жизнь быть независимым, Верещагин уклонялся от знаков внимания властей, и единственная награда, которую он принял и которой дорожил, был самаркандский Георгий. Бои на Балканах были отражены в его «Балканской серии». Когда в 1882 году окончил картины, он написал своему другу критику В.В. Стасову: «Больше батальных картин писать не буду — basta! Я слышком близко принимаю к сердцу то, что пишу; выплакиваю (буквально) горе каждого раненого и убитого».

В 1884 г. Верещагин отправился в Палестину и Сирию. Результатом этой поездки стали этюды и картины «Палестинской серии» с евангельскими сюжетами, пейзажами святых мест и портретами разноязыких современников — турок, армян, евреев, арабов, христианских паломников. Сам художник, хотя и был атеистом, глубоко изучил Ветхий и Новый заветы и преклонялся перед подвигом и гуманизмом Иисуса Христа как исторической личности. С этих позиций и были написаны его произведения, которые на первой же выставке в Вене вызвали скандал: венский католический архиепископ проклял художника, а в России эти картины к показу были запрещены.

Несмотря на негативное отношение Церкви, картины имели огромный успех на выставках в Вене, Будапеште, в Германии, Англии, Франции, однако многие критики, даже из числа русских поклонников художника, отмечали неубедительность и схематизм этих картин. Видимо, действительно Василий Васильевич взялся не за свою тему — чтобы создавать настоящие шедевры искусства на евангельские сюжеты, нужно быть прежде всего глубоко верующим человеком.

В 1887 г. Верещагин оставил свою прекрасно оборудованную парижскую студию, недалеко от Москвы купил земельный участок, построил дом с огромной студией, окончательно переселился в Россию и посвятил своё творчество 1812-му году (серия «Наполеон в России»). Художник писал: «Цель у меня была одна: показать в картинах двенадцатого года

великий национальный дух русского народа, его самоотверженность и героизм в борьбе с врагом. Было желание еще свести образ Наполеона с того пьедестала героя, на который вознесён». Он показал грабителей-французов, осквернение ими православных храмов, бессудные расстрелы москвичей в Кремле. Картины были тепло встречены в России и, конечно, негативно во Франции.

В 1888 г. он ненадолго отправился в США, где открывалась выставка его картин из разных серий. Выставка три года путешествовала по городам Америки, проходила с полным «аншлагом» (в день её посещали до 10 тыс. чел.) и получила восторженные отзывы критики. «Видно, что художник писал ужасное [о войнах] не из любви к ужасному, а с сердцем, преисполненным состраданием к ужасному», — писала одна газета. «Его гений построен на таких широких основах, что для него не существует условности картинных галерей и мастерских искусства; колоссом он высится поверх их, как вершины Гималаев», — писала другая. «На верещагинской выставке самый заурядный обыватель как будто перерождается. Толпа стоит в залах сдержанная, серьёзная, точно опасаясь нарушить торжественную тишину», — писала третья.

В 1890-е г. он путешествовал по Волге и Северной России, писал этюды, картины и потрясающие по психологической глубине портреты простых людей, которые составили «Русскую серию». Приступая к портретам, Верещагин подробно расспрашивал свои «модели» об их жизни и потом издал «Иллюстрированные автобиографии нескольких незначительных русских людей» («незначительных», т.е. обычных, ничем не примечательных). Он посетил много старинных церквей, был покорён их архитектурой и мастерством исполнения и в то же время возмущён варварскими переделками иконостасов, убранства и замазыванием старинных фресок, о чём неоднократно писал архиереям.

Осенью 1903 г. Василий Васильевич отправился в Японию, отношения с которой у России были уже натянутыми до предела. Пробыл там он менее трёх месяцев, в ноябре был вынужден вернуться во Владивосток последним пароходом, но привёз много этюдов и зарисовок для картин «Японской серии». Его письмо из Японии в Военное министерство в который раз обнаруживает в нём глубокого политического аналитика: «Войны с Японией не миновать. Здесь о ней только и говорят. Страна полна солдат, фанатически преданных своему императору и идее Великой Японии, колониальные аппетиты которой на Дальнем Востоке огромны. Армия и флот

прекрасно оснащены. Мощная поддержка деньгами и оружием идет из Англии и США. Судя по всему, они договорились о разделе сфер влияния на Дальнем Востоке после поражения России». А в письме жене отмечал: «У них всё готово для войны, тогда как у нас ничего готового, всё надобно везти из Петербурга...»

В феврале 1904 г., когда началась Русско-японская война, он вновь отправился на Дальний Восток, в Порт-Артур. Это было его последнее путешествие.

На вечере памяти Василия Васильевича Верещагина великий его современник художник И.Е. Репин сказал: «Ах, знаете, господа, Верещагин такой гигант, что, приступая к его характеристике, я испытываю неловкость. Когда смотришь на этого колосса, всё вокруг кажется маленьким...»

Критик В.В. Стасов писал: «Обращать всё внимание только на одни военные картины Верещагина — огромная ошибка, огромное заблуждение и односторонность. Самые разнообразные стороны народной жизни были одинаково доступны и драгоценны Верещагину для его изображений».

И всё же мировую славу Верещагин получил как художник-баталист. Но баталистом он был необычным. По традиции художники-баталисты изображают либо панорамы знаменитых сражений, либо героические подвиги участников сражений, либо портреты полководцев на фоне победоносных сражений. В их картинах всегда присутствует пафос боя, прославление своей армии, подчас и парадная помпезность.

У Верещагина всё было не так. Как это ни парадоксально звучит, он ненавидел войну. Он показывал изнанку войны, тяжесть военной службы, смерть и страдания воинов. Такковы его знаменитые картины «Туркестанской» и «Балканской» серий — «После удачи», «Представляют трофеи», «Смертельно раненный», «Торжествуют», «Нападают врасплох», «Александр II под Плевной», «Скобелев под Шипкой», «На Шипке всё спокойно», «Панихида» и, конечно, «Апофеоз войны».

«В своих наблюдениях жизни во время моих разнообразных странствий по белу свету я был особенно поражен тем фактом, что даже в наше время люди убивают друг друга повсюду под всевозможными предлогами и всевозможными способами. Убийство гуртом всё еще называется войною, а убийство отдельных личностей называется смертной казнью... И это совершается даже в христианских странах во имя того, чье учение было основано на мире и любви», — писал Верещагин. Свою работу над «Балканской серией» он

описывал так: «Возьмешься писать, разрыдаешься, бросишь... За слезами ничего не видно...»

Эти картины встретили негативную реакцию военных и самого Императора Александра II, считавших их антипатриотичными, подрывающими авторитет Русской Армии, принижающими её победы. Нет, Верещагин не принижал побед, он возвеличивал их, показывая, какой ценой они давались. В картинах проглядывались и упрёки высшему военному начальству — за недооценку сил противника, за неподготовленный штурм Плевны, приуроченный к именинам Императора и стоивший сотен напрасно загубленных жизней, за неподготовленность армии к войне в зимних условиях, за невнимание к простому солдату.

По глубине психологического воздействия В.В. Верещагину не было и нет равных в мире среди художников-баталистов. И, может быть, его картины следует почаще смотреть тем военачальникам, которые за военным понятием «живая сила» забывают человеческое понятие «живые люди». Ну а лучшее средство от забывчивости — это когда генеральские сыновья воюют на передовой.

ИМЯ СВЯТОЕ — ПАВЕЛ

*К 270-летию со дня рождения Императора Павла I
(1754—1801)*

Как выбирается для человека имя? «Ведомо буди, яко по рождестве в осмый день приносится младенец ко храму...» Существует молитва: «Во еже назнаменати отроча, приемлющее имя во осмый день рождения своего».

В мои годы в святцы никто не заглядывал, и ситуация сложилась несколько иная. Семейное предание гласит, что имя мне присвоили старшие брат и сестра, а родители этот выбор только утвердили. Случайность? В очередной раз повторим слова святителя Московского Филарета (Дроздова): «Кто верит в случай, тот не верит в Бога».

Я родился 23 марта 1957 года в поминальную субботу 3-й седмицы Великого поста. Однако данные подробности выяснились значительно позднее, в ходе реального воцерковления и знакомства с церковным календарем. Под этой датой находим мученика Кодрата и дружину его, в которую входит и Павел. Известны и точные цифры появления на свет: 22 ч. 55 мин., то есть до начала воскресного дня я не дотерпел чуть более часа ...

Почти рядом, 20 марта, видим преподобного Павла Препростого. Один клю-

СИМВОЛ ВЕРЫ

чевой эпизод его жития отпечатался в памяти навсегда. И, наконец, как некий ориентир в недостижимой выси — Павел Александрович Флоренский, священник, философ, ученый-энциклопедист.

Однако покойный духовник — митрофорный протоиерей Владимир Зимницкий, когда узнал, что брата зовут Петр, ничтоже сумняшеся, благословил нас праздновать именины 12 июля. И справедливо: история имени Павел начинается с Апостола языков.

Но и этот перечень достопримечательных фактов не будет полон без учета самых крайних по времени обстоятельств. Накануне моего 67-летия одна пожилая прихожанка вручила мне небольшую подборку ксерокопий, среди которых выделялись современные статьи, посвященные императору Павлу I. Вскоре она же принесла и книгу Елены Карасевой «Божий царь», изданную в Санкт-Петербурге (издательство «Царское дело», 2010).

Импульс был мощнейшим, эффект — просто поразительным: событие 11 марта по старому стилю, его смысловое наполнение от меня многие годы как-то ускользали. Но ведь по новому стилю это — ровно 24 марта, следующий день после моего рождения.

Туман рассеялся, спала пелена, завеса раздралась надвое, сверху донизу. Оказалось — император все эти годы был очень близко, совсем рядом. Мой день рождения, а завтра — его день восхождения.

Надежда на молитвенную помощь тезоименного императора-мученика совпала с желанием сослужить ему хотя бы малую верноподданную службу.

Теперь отчетливо представляется, что только в самом-самом наивном детстве портрет императора Павла I имел для меня подсоветский, киношно-карикатурный вид. Постепенно, по мере взросления, изошренная хула, возводимая на историческую Россию ее внешними и внутренними ненавистниками, предстала во всей откровенности. В том числе и после прочтения целого ряда книг, о которых речь пойдет ниже.

В работе русского историка Василия Васильевича Андреева «Представители власти в России после Петра I», вышедшей вторым изданием в Петербурге (1871 г.), императору Павлу I посвящен отдельный раздел. На основании богатого фактического материала автор дает весьма взвешенную и в целом благоприятную оценку его личности. Андреев пишет: «Памфлет и панегирик одинаково не достойны истории». Но и через 70 лет после совершённого преступления о нем говорится предельно лаконично, ровно одной строкой: «Павел

скончался вечером 11 марта 1801 года». Любопытная деталь — репринтное воспроизведение книги Андреева осуществлено у нас в Минске (1990 г.)

В самом начале XX века цензурные запреты по павловской теме были последовательно сняты. Вышли в свет многочисленные труды как отечественных, так и иностранных ученых. Например, в 1907 году типография А.С. Суворина (С.-Петербург) выпустила книгу «Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников» (репринт 1990 г.). В предисловии к ней находим такие формулировки: «В конечном выводе изучение военного и гражданского управления России при Павле заставляет признать, что этот государь имел трезвый практический ум и способность к системе; что мероприятия его направлены были против глубоких язв и злоупотреблений и в значительной мере ему удалось исцелить от них империю, внося больший порядок в гвардию и армию, сократив роскошь и беспутство, облегчив тягости народа, упорядочив финансы, улучшив правосудие. Несомненно, что все мероприятия Павла источником имели благороднейшие побуждения, и что если он и возбуждал недовольство и ненависть, то главным образом в худших элементах гвардии и дворянства, развращенных долгим женским правлением». <...> Павел не смог «защитить себя от шайки цареубийц и придворной камарильи, от нескольких низких интриганов, искушенных в подлости и пройдошестве. <...> Убийцы Павла были бесконечно ниже его и умом, и характером, а они ославили свою жертву кровожадным сумасшедшим». Здесь же высказывается важная и глубокая мысль, что «судьба Павла Петровича есть следствие убийства царевича Алексея Петровича, казненного ослепленным родителем» (Петром I) и находится в общем ряду «после крови несчастного Иоанна Антоновича и Петра III».

Отдадим должное и русским поэтам. Если мы совершенно оправданно и заслуженно цитируем прекрасное стихотворение Сергея Бехтеева «Царь-рыцарь», то не забудем и Владислава Ходасевича — его незавершенную и при жизни не публиковавшуюся работу о Павле I (впервые — Москва, издательство «Книга», 1988 г.)

Из писем 1913 года: «О нем (императоре) психологически наврано <...> Потомки произвели его в идиоты и изверги <...>. Начинаю писать книжечку <...>, за которую историки съедят меня живьем. Она будет посвящена Павлу I. Хочу доказать, что на основании того же материала, которым пользовались разные профессора, можно и должно прийти к выводам, совершенно противоположенным их выводам».

Из предисловия: «Мы решаемся утверждать, что до тех пор, пока позорное клеймо тирана и изверга не будет снято с памяти императора Павла, все слова о нелицеприятном суде истории будут звучать кощунственной насмешкой. Он осужден своими убийцами. Осуждая его, они оправдывали себя».

Из плана книги: «Когда русское общество говорит, что смерть Павла была расплатой за его притеснения, оно забывает, что он теснил тех, кто раскинулся слишком широко, тех сильных и многоправных, кто должен был быть стеснен и обуздан ради бесправных и слабых. Может быть — и это была историческая ошибка его. Но какая в ней моральная высота! Он любил справедливость — мы к нему несправедливы. Он был рыцарем — и убит из-за угла. Ругаем из-за угла».

В конце декабря 1916 года поэт Рюрик Ивнев записал в своем дневнике удивительный рассказ о том, как накануне революции ему трижды являлся император Павел Петрович. К счастью, этот дневник сохранился и недавно был опубликован. Опуская подробности, скажем, что потрясения 1917 года, которые предсказывал Павел I, поэт вскоре увидел собственными глазами...

Грянула эпоха длительных войн и катастроф, коренных переоценок и глубоких переосмыслений. В третий день Пасхи, 7 мая 1918 года Марина Цветаева написала стихотворение, посвященное пусть и не Павлу I, а его родному праправнуку. Это — настоящее пророчество, сбытия которого мы ждем:

*Это просто, как кровь и пот:
Царь — народу, царю — народ.*

*Это ясно, как тайна двух:
Двое рядом, а третий — Дух.*

*Царь с небес на престол взведен:
Это чисто, как снег и сон.*

*Царь опять на престол взойдет —
Это свято, как кровь и пот.*

Спустя некоторое время, в далеком Харбине Арсений Несмелов обличил не только современных цареубийц и пассивных наблюдателей, но и их предшественников минувших столетий, не снимая ответственности и с себя лично:

*Мы теперь панихиды правим,
С пышной щедростью ладан жжем,
Рядом с образом лики ставим,
На поминки Царя идем.*

*Бережем мы к убийцам злобу,
Чтобы собственный грех загас,
Но заслали Царя в трущобу
Не при всех ли, увы, при нас?*

*Сколько было убийц? Двенадцать,
Восемнадцать иль тридцать пять?
Как же это могло так статься, —
Государя не отстоять?*

*Только горсточка этот враг,
Как пыльцу бы его смело:
Верноподданными — сто сорок
Миллионов себя звало.*

*Много лжи в нашем плаче позднем,
Лицемернейшей болтовни, —
Не за всех ли отраву возлил
Некий яд, отравлявший дни.*

*И один ли, одно ли имя —
Жертва страшных нетопырей?
Нет, давно мы ночами злыми
Убивали своих Царей.*

*И над всеми легло проклятье,
Всем нам давит тревога грудь:
Замыкаешь ли, дом Ипатьев,
Некий давний кровавый путь!*

После Октябрьского переворота и гражданской междуо-
собицы русские монархисты унесли священную память об
императоре Павле I в эмиграцию, на чужбину. Скажем не-
сколько слов и о них.

Начнем с князя Николая Давыдовича Жевахова, камер-
юнкера Высочайшего Двора, товарища обер-прокурора Свя-
тейшего Синода. Во втором томе своих воспоминаний, из-
данном в югославском Нови-Саде (1928 г.) он пишет бук-
вально следующее: «Отношение императора Павла I к Цер-
кви было таково, что только революция 1917 года прервала

работы по его канонизации, однако сознанием русского народа император Павел давно уже причислен к лику святых. Дивные знамения благоволения Божия к праведнику, творимые Промыслом Господним у его гробницы, в последние годы перед революцией не только привлекали толпы верующих в Петропавловский собор, но и побудили причт издать целую книгу знамений и чудес Божиих, изливаемых на верующих молитвами благоверного императора Павла I».

Николай Иванович Сахновский, в 1960—1970-е годы один из руководителей Российского Имперского Союза-Ордена в Аргентине. В 50—70-х годах он издавал монархическую газету «Русское слово» и возглавлял одноименное издательство. Вот что он писал о Павле I: «Император Павел Петрович был глубоко верующим человеком. Он много и часто молился в уединении своих покоев, так что до наших дней сохранился коврик, совершенно протертый его коленями. <...> За короткое царствование Павла Петровича было сделано больше глубоких и важных перемен, чем за ряд других царствований, причем все эти перемены были весьма продуманными и полезными. <...> Но требовательность Павла Петровича и строгая дисциплина, вводимая им повсюду, были тяжелы и неприятны людям, привыкшим к безграничной свободе. Масоны — петербургский генерал-губернатор Пален, братья Зубовы, князь А.Н. Голицын, Депрерадович, Мансуров и другие — составили заговор, и 11 марта 1801 года император Павел был убит». А нам настойчиво пытаются навязать (считая окончательными профанами?) версию о «масонском конспирологическом мифе»...

Петр Николаевич Шабельский-Борк, долголетний и преданный почитатель Павла I, опубликовал в Сан-Паулу (в переводе с португальского — город Святого Павла!) под псевдонимом «Старый Кирибей» свою работу «Павловский гобелен», предисловие к которой с характерным названием «Оклеветанный император» принадлежит перу В.Д. Мержеевского.

Владимир Данилович — выдающийся деятель русского патриотического движения в эмиграции, один из активных сотрудников «Российского Имперского Союза-Ордена» (Аргентина), главный редактор русского антимасонского монархического журнала «Владимирский вестник» (Сан-Паулу, Бразилия).

Мержеевский писал: «11-го марта 1801 года совершилось злодеяние, по гнусности и отвратительности которое превосходит лишь то, что было совершено 4-го июля 1918 года в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. Иллюминаты (слово

произнесено! — П.Б.) торжествовали победу, и на другой день после убийства круглые шляпы и фраки появились на улицах Санкт-Петербурга». И в завершение: «Прошло сто пятьдесят лет, и сейчас отрадно видеть, что на свет Божий начинает проглядывать правда об оклеветанном императоре. Спадают живые покровы и вырисовывается величественный облик императора мудрого в правлении, одушевленного самыми лучшими намерениями и который сам о себе сказал: «Я желаю быть лучше ненавидимым за правое дело, чем быть любимым за дело несправое».

А вот что читаем у «Старого Кирибея»: «Можно ли чтить Императора Павла Петровича как святого, как чтит его наш простой народ? Ведь он не канонизирован Церковью, хотя в Триестенской библиотеке, как зеница ока, хранится, ставшая теперь уникай, брошюра, изданная в свое время причтом Петропавловского Собора о случаях чудес на гробнице Императора Павла Первого, каковых удостоверено не менее трехсот».

Продолжим цитирование: «Говором шла Москва, а за ней и вся Россия о Царском Манифесте 5-го апреля 1797 г. — Крепостные крестьяне впервые приводятся к присяге на верность, как «любезные подданные»... Вместо полной недели — крепостные впредь должны работать на помещика только три дня, три других дня на себя, день же воскресный посвящать по заповеди Господу Богу... <...> Этот манифест вызвал в обществе резкую критику и недовольство против Павла Первого: «Это та же революция, только сверху... Что он думает?... Сумасшедший... Мужичкий Царь»...

И далее: «Павел Первый значительно улучшает материальное положение духовенства, способствуя поднятию нравственного уровня и авторитета его в народе. По его личной почину Святейший Синод вводит награждение духовенства золотыми наперстными крестами. До революции на обратной стороне синодальных крестов стояла буква «П» — инициал имени Императора Павла Петровича. Он же первый награждает духовенство светскими орденами, открывая тем для духовного сословия доступ к потомственному дворянству».

И далее: «Старообрядцы особо чтут память Императора Павла Петровича, и еще в наши дни любили держать его изображение под образами в святом углу. По старообрядческой примете плохо отозваться о Царе Павле может лишь нехороший человек, которого вообще следует опасаться».

С учетом приведенных выше высказываний сосредоточим внимание на зловещей роли масонства в судьбе Павла I. Его

окружение в бытность наследником престола было преимущественно масонским. Иллюминаты, мартинисты, розенкрейцеры, тамплиеры — все они имели на него конкретные виды.

Непосредственная связь осуществлялась через архитектора Василия Ивановича Баженова. Эта история подробно исследована в книге Вадима Пигалева «Баженов» (М.: Молодая гвардия, 1980, ЖЗЛ). Автор пишет: «Согласно тайным инструкциям берлинских мастеров <...> одна из главных задач русских масонов — это вовлечь Павла в орден. <...> В конечном итоге цель была достигнута. В атмосфере глубочайшей тайны Павел был посвящен в масоны. Об этом не знали даже многие русские «братья». Об «уловлении» цесаревича лучше всех были информированы берлинские мастера и иностранные дипломаты, выступавшие агентами ордена».

Что было дальше? «На следующий день после смерти императрицы Павел освободил Новикова, удостоил его аудиенции. Помилованы и другие масоны. Некоторые из них приближены ко двору, как, например, С.И. Плещеев, князь Куракин, князь Н.В. Репнин; высокие назначения получили Лопухин и Трубецкой, они стали сенаторами. Директором Московского университета назначили ранее опального Тургенева. Многим казалось, что мечта масонов иметь в лице императора своего покровителя — сбывается».

Однако, обретя всю власть, Павел «стал подозрительно относиться к масонам и даже побаивался их. Немудрено: наследник знал о них больше, чем его покойная матушка. Делить с «братьями» власть, давать им волю и действовать под их руководством властолюбивый Павел не собирался. <...> Ходило предание, что Павел был приговорен к смерти масонами за его непослушание, нарушение орденской клятвы и невыполнение обещаний покровительствовать «вольным каменщикам». Насколько были верны эти слухи, сказать трудно».

С тех незапамятных времен позиции западников, либералов, модернистов, атеистов, фармазонов в России традиционно сильны. Православие (как и при большевиках — их молочных братьях) является для этой публики сугубо ругательным словом, и пишут они его исключительно с самой маленькой буквы.

Ловко жонглируя ими же придуманными терминами «маргинального православия» и «царебожничества», некоторые псевдоученые мужи обвиняют почитателей памяти императора Павла I в создании «культы». Не чуждаясь заведомо

шулерских приемов: в единую «команду» лихо комплектуют и Ивана Грозного, и Павла I, и Григория Распутина, и давно канонизированного Николая II, и даже Иосифа Джугашвили.

Но тщетны их потуги, ибо речь идет, конечно же, не о культуре, а о давно назревшем восстановлении исторической правды. Что и происходит на наших глазах.

В последнюю четверть века движение за канонизацию Павла I явственно возродилось. Как уже было сказано, память об убиенном императоре в русском православном зарубежье всегда бережно сохранялась.

В поминальную субботу 11 (24) марта 2001 года в Свято-Троицком монастыре (Джорданвилль) по благословению архиепископа Лавра братия и прихожане молитвенно почтили 200-летнюю годовщину кончины царя-мученика. К.В. Глазков, автор статьи в журнале «Православная Русь» (№10, 2001), посвященной данному событию, писал: «По воле Божией сегодня Россия с великими скорбями и трудами преодолевает тяжкое наследие безбожного коммунизма. Необходимой составной частью сего возрождения следует считать уяснение русским народом особого богоустановленного служения православных самодержцев. И ради преодоления смуты сегодня русский народ должен особо молитвенно взывать к помощи благоверных правителей русской земли, а паче к тем из них, которые не пожалели свои жизни на благо русского государства и Церкви Христовой».

Одновременно сообщалось о народном собрании, на котором главы Союза Православных Хоругвеносцев Л.Д. Симонович, Союза «Христианское возрождение» В.Н. Осипов и движения «За веру и отечество» иеромонах Никон (Белаvineц) выступили за канонизацию императора Павла I Руской Православной Церковью.

За короткий промежуток времени вышел в свет целый ряд новых книг, посвященных памяти Павла I, что безусловно свидетельствует о всё возрастающем интересе к личности Царя-рыцаря. Например, работа А.М. Пескова выдержала три издания в серии «ЖЗЛ» (крайнее — в 2003 году). И хотя ее главным героем является, в первую очередь, сам автор, а император несколько теряется в тени этого чрезвычайного таланта, тем не менее, «авось, небось и как-нибудь», определенную пользу эта книга, несомненно, принесла.

Давно стали традиционными Павловские чтения в Санкт-Петербурге, проводятся регулярные экскурсии по Михайловскому замку и Петропавловской крепости, в Павловск и Гатчину. В Петропавловском соборе возобновлен сбор свиде-

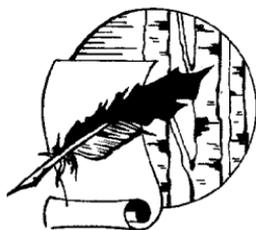
тельств о чудесной помощи императора по молитвенным обращениям к нему. Брошюра 1916 года, названная выше уникальной, переиздана солидным тиражом. На панихиды у гробницы Павла I приходят сотни людей.

Во дворе Михайловского замка в мае 2003 года установлен памятник императору Павлу I работы скульптора В.Э. Горевго, копия которого с декабря 2017 года находится в фойе здания администрации Павловска. На Романовской Аллее Славы, расположенной на территории Николо-Берлюковского монастыря (Ногинский район Московской области) 1 октября 2015 года состоялось открытие бронзового бюста Павла I (скульптор А.А. Аполонov).

И написание икон, и составление молитв и акафистов — всё это говорит об искреннем народном почитании императора. Здесь будет не лишне воспользоваться разумной рекомендацией Гамалиила, «законоучителя, уважаемого всем народом»: «Говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его, берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками» (Деян. 5: 38-39).

23 марта 2021 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил панихиду по императору Павлу I в память 220-летия его убийства. Предстоятелем Русской Православной Церкви были произнесены такие слова: «Почему же мы вспоминаем сегодня 220-ю годовщину этого преступления? Потому что было совершено беззаконие, страшный грех царевубийства. Всё, что произошло, должно было показать и показало русским людям, насколько губительны попытки изменить течение жизни народа через преступление. В дальнейшем в нашей истории снова были такие попытки, и мы знаем, какими страшными были их последствия».

г. Минск

Светлана КУЗНЕЦОВА
(1934—1988)

К 90-летию со дня рождения

«РУССКАЯ ПРОФЕССИЯ — ИЗГНАННИК...»

* * *

Над нами — Большая Медведица.
За нами — большое неведение.
За нами — большая война.
Пусть вам и в бреду не прибредится
Такое большое наследие,
Такая большая вина.

Хотя мы уже убываем,
На что-то еще уповаем,
Наследство вручая сынам.
И кажется — всё забываем.
Но двери плотней запираем,
Чтоб счёт предъявили не нам.

* * *

Русская профессия — изгнанник
Мною не освоена досель,
Ибо не для Ванек, не для Манек
Нынче сладкий зов чужих земель.

И в Сибирь нелепо сибирячку
Высылать, коль здесь не ко двору...
Потому и не порю горячку,
Всем как есть довольна на миру.

Но порой, блуждая черным лесом,
За собой не ведая вины,
Я смотрю с невольным интересом
На тропу свою со стороны.

Где, по чьей неведомо указке,
Через буреломы, через мхи,
Отмечают путь, как в страшной сказке,
Камушками белыми стихи.

* * *

Милый друг, веселясь и горя
На сплошной вековой мерзлоте,
Так раскованно вдруг говорю я
О роскошной своей простоте.

Мне не только глядеть не полезно —
Чтобы выжить, не надо мне знать,
Как упрямо ложится железо
На сибирскую трудную гать.

Потому что невиданно краток
И невиданно беден мой миг,
Не измерен в якутских каратах,
Не исчислен страницами книг.

Этот миг от тумана густого
До небесной сквозной чистоты,
От сибирского дна золотого
До высокой моей нищеты.

* * *

Плывет за ночной синевою
Видение — символ тоски:
Ложатся в снега под Москвою
Сибирские наши полки.

Сняв с подпола памяти крышку,
По синим мгновеньям иду,
Но вижу родного братишку
Опять в сорок пятом году.

Восставший из синих оврагов,
Под минами он уцелел,
Овеян мистерией флагов,
От мирных забот захмелел.

Братишка, красавец, залётка,
Все мысли твои об одном;
О том, как красива пилотка
Над чистым мальчишеским лбом.

О том, как начищена лихого
Твоя боевая медаль;
О том, что отхлынуло лихого,
Открылась в сиянии даль.

...А дальше — все дали закрыты,
Всё мимо на милой Руси,
И рядом все те, кто зарыты,
И милости ты не проси.

А над головою белесой,
Над миром твоим молодым,
Над будущим — синей завесой
Отечества сирого дым.

МОРОЖЕНОЕ

В России очень любят мороженое...

Из газет

Мы исчезающий народ.
Мы — исчезающий.
Ледяшка сладкая попала в рот, —
Миг ускользающий.

Ты этот миг обсасывай подоле,
Поскольку, шутки скользкие шутя,
Расеюшка в кримпленовом подоле
Баюкает мутантное дитя.

Баюкает не жданное, но роженое.
Баюкает кровиночку и кровь.
И тает, тает на губах мороженое,
Последняя народная любовь.

* * *

Окраина, старая рана,
Зарубка, отметина, шрам,
Охрана, встающая рано,
Осколки растоптанных драм.
Обида, ошибка, опала...
Как все-таки путь тот нелеп.
Тебя ли я жадно алкала,
Так трудно дающийся хлеб?
Тебя ли, сегодняшний день мой,
Такой обретенный ценой,
И крылья раскинувший демон
Над атомной белой страной?
Всё мимо, всё зря и всё втуне...
Но кажется мне иногда:
Сибирских моих полнолуний
Не сгасла за тучей звезда.
И непобедима та сила,
Мне кажется издавека, —
Река, что когда-то взрастила,
Великой надежды река...

* * *

Так-то вот, не поздно и не рано,
Только всё равно не в час, не в срок
Девочка сибирская Светлана
Встала на бревенчатый порог.

Так-то вот, не коротки, не длинны,
Только всё равно не той длины,
Распустились волосы, повинны
В том, что в них не видно седины.

Так-то вот, не бледно и не ало,
Неприметно губы расцвели.
Было это много или мало
Для моей прадедовской земли?

Видно, мало, потому что много
Вырастало у нее таких,
Начинавших срок пути земного
С перепутьев узких и глухих.

Только света, что в родном оконце?
Но мои глаза давно не те,
Ведь они повыцвели на солнце,
Ведь они померкли в темноте.

Памятуя о любви дочерней,
Не пытаюсь память истребить,
Чтоб округу в серебре и черни
Заново уже не полюбить...

* * *

Зареклась: никого ни о чем не проси.
И сквозь долгие эти года
Я бродяжкой могла бы пойти по Руси,
Ибо та мне светила звезда.

Да и кто захотел бы, кто смог бы помочь,
Суету деловую поправ,
Ибо та мне светила родимая ночь,
Пред которою правый не прав.

Ибо всё, что имела, спалила дотла
И над пеплом теперь хохочу.
Я такую веселую жизнь прожила,
Что и помнить ее не хочу.

ШАЛЬ

Покуда слова не лишали,
Покуда речь моя слышна,
Хочу поговорить о шали,
Которая теперь черна.

Я и сама почти забыла,
Как позабытую весну,
Что за цветы ее любила,
За алость и голубизну.

И не на ком-то и не где-то —
В родимой русской стороне
На мне та шаль была надета
Как дань прекрасной старине.

И узкие сгибались плечи
Под грузом радужных цветов,
И странно раздражали речи
О радостях иных миров.

А мир мой в благовесте раннем,
Что после — шага не прощал,
Еще не обижал, не ранил,
А лишь сулил да обещал.

Еще судьба меня хранила
И не были глаза пусты...
Когда и где я обронила
С цветастой шали все цветы?

* * *

И снова на рифме «шири»
Распахивается строка.
Два соболя — герб Сибири —
Смотрят издалека.
Я вижу — мой мир устроен.
Я верю — мне жизнь нужна.
Отец мой красив и строен,
А мама моя нежна.
Собака моя любимая,
Первая та, жива.
Любовь моя неделимая
Силой своей права.
И сладко мне, торопливой,
Не знать, не ведать о том,
Что я уж такой счастливой
Вовек не буду потом.
Что я не буду веселой.
Что будет себя не жаль.
Молчит таежный поселок.
Два соболя смотрят вдаль.

* * *

А вы торопились, а вы не спросили.
А вы посчитали всё это игрой.
А там начинались стихи о России,
За тем перелеском, за тою горой.

Там время чеканило высшие пробы
На всем, что в отвал отходило пустой,
И там я однажды сронила в сугробы
Тяжелый, наследственный крест золотой.

Сронила открыто, сронила, как откуп,
Приучена опытом предков — платить.
Так что же нейдет небесному оку?
Оплачен мой счет, и не стоит грустить.

Оплачен мой счет, и оплакана доля.
Сибирская тройка умчалась, спеша.
Огромность родного осеннего поля
Теперь только может осилить душа.

И то не осилит. По краешку муки,
Как ведьма, пройдет, заклинанья творя.
Но знаю — за миг до последней разлуки
Над ней ослепительно вспыхнет заря.

Что я призову у последнего крова,
На самом последнем из смертных кругов?
Лишь черную магию русского слова.
Лишь белую магию русских снегов.

* * *

Заря на снега не брызгала.
Страна не платила по акциям,
И в нас не вбивалось сызмала
Самосознание нации.
Но мы-то ночами длинными
В годы те все равно
Снились себе былинными
И знали, что нам дано, —
На зверя ходить с рогатиной
Среди глубокой зимы,
Что вскормлены медвежатиной
И спиртом вспоены мы.
И стоило нам ночами
Вдаль повести очами,
Как родина роковая
Вставала, себя узнавая.

* * *

Застелю я стол черной скатертью,
Прогрущу от семи до семи.
А ведь я из семьи золотоискателей,
Я из очень хорошей семьи.
Видно, мне не напрасно на долю досталось
Это счастье — не счастье и угол — не дом.
Я не зря из семьи, которой давалось
Всё в жизни с большим трудом.
Пароходы и пристани, села и прииски,
Белый день среди ночи и ночь среди дня,
Смех сквозь слезы, печаль, прибаутки и присказки,
И враги, и друзья, и большая родня.
Нет родни моей. Вымерла, не осилив эпохи.
Ничего не оставлено, не завещано мне.
А дела мои вовсе не так уж и плохи,
Налегке даже легче бродить по стране.

* * *

Виктору Астафьеву

Ручьи глубоки, реки же бездонны,
И родина отселе не видна.
Мы беглые чалдоны, мы чалдоны,
И в этом наша внешняя вина,
И вешняя побрякка даровая,
И горевая наша благодать,
Чтобы, глаза ночами закрывая,
Уж ни о чем доступном не гадать.
Чтоб, принимая дорогую долю,
Не спрашивая больше о цене,
Нам удалось повеселиться вволю
От давнего величья в стороне.

* * *

В золотом запеве крови
Мне не сладить с этой болью.
У тебя не только брови,
У тебя глаза соболю.
Я глубоко боль зарюю.
Мне другой отныне ближе,

Но свои глаза закрою
И твои глаза увижу.
Как в них вспыхивают жадно
Любопытные огни!
Память — будь она неладна!
Будь неладны эти дни!
И опять над глупой болью
Замираю не дыша.
У тебя душа соболья,
Осторожная душа.

* * *

Живи, моя услада,
О прошлом не жалеи.
Тебе бы шапку надо
Из черных соболей.
А мне бы узнаванье:
Где правда и где ложь,
А мне бы забыванье
Того, как ты хорош.
И крепкая ограда
Вокруг моих полей.
... Тебе бы шапку надо
Из черных соболей!

* * *

Слово «любовь» — любопытно и цепко,
Патока на языке,
Позолочённая медная цепка
На исхудалой руке.
И голубиное слово «голубчик»
В этих остатних ночах —
Поизносившийся, ветхий тулупчик
На исхудалых плечах.
Слово, оно ведь всего только слово.
В истину — щель, а не дверь.
Но по законам свободного лова
Дышит надеждою зверь.
Верит, летя по последнему следу,
В белых сугробах скользя,
Соболь — в спасенье, собака — в победу.
Иначе выжить нельзя.

* * *

Пропела труба и зазывно, и звонко:
Хотите — поверьте, хотите — проверьте,
Открытие «я» осеняет ребенка
В момент постиженья им ужаса смерти.
Я смертен... Но я же живу, существую,
И так мое «я» на других не похоже.
Меня похоронят? Живого? Живую?
Не верю! — когда-то шептала я тоже.
Шептала ночами, зарывшись в подушку,
Укрывшись от страхов ночных с головою.
Я жизнь прожила, доломала игрушку,
И вот ухожу за осенней листвою.
С собой уношу я лишь память ночлега,
Отчетливость сна и неясственность яви
Да полные пригоршни талого снега,
Что лёг на последней, озябшей отаве.
Я, свыкшись с уходом, себя открываю
Вторично, гораздо большее и злее.
Как бабочке, крылья душе обрываю,
Нисколько, бедняжку, ее не жалея.
Зачем ей порхать, если в землю ложиться?
Земною жила, доживай, как земная, —
Мне с этим единством удобнее сжиться,
Чем с тем, что возможна ей участь иная.
Познания наши — познания ребенка.
Хотите — поверьте, хотите — проверьте.
Пропела труба и зазывно, и звонко
На белой поляне, в преддверии смерти.

БАГУЛЬНИК

Чья благодать на столе моем вянет,
Чем знаменита?
Цепче магнита нас родина тянет,
Цепче магнита.

Манит нас родина, не забывая.
Что ж отрекалась?
Что же была она как неживая?
Или казалась?

Я уходила, она не держала,
Не сторожила.

Верую в то, что огромна держава,
Я дорожила.

Не поздновато ль, сквозь все мои муки,
В новые сферы —
Ветку багульника, ветку разлуки,
Сломанной веры?

* * *

Не меня ль, как жён издревле,
Затянула маета,
Эти псковские деревни,
Эти гиблые места?

Я ль, на многое готова,
Вопрошаю вновь и вновь:
Это — строк моих основа?
Это — плата за любовь?

Но за что платить Светлане
Из оплаченной земли,
Из оплаканной елани,
Той, что высохла вдали?

Ей, не ведающей боли
На чужом сквозном ветру,
Посреди чужой недоли,
На неласковом миру?

* * *

Горький ветер касается губ.
Что мне боль мимолетной потравы,
Коль в деревне Кудяево клуб
Оплели узловатые травы.

Что мне зовы дурманной судьбы
В одиночества полной столице,
Если в клубе том сонном грибы
Проросли через щель в половице.

Если отсвет минувших разрух,
Если отсвет грядущей невзгоды

Лег на смуглые лица старух,
Доживающих здесь свои годы.

А на кладбище, там, над водой,
Где закат умирает, пылая,
Под крестом ли, под красной звездой
Похоронена слава былая...

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДОМ

Деревенский дом,
Деревенский дом,
Обретенный в горьком году.
Мне себя судить не его судом,
Пониманья в нем не найду.
Страшно съест в том доме сытный обед,
Страшно в руки мне взять метлу, —
Столько сломанных судеб и столько бед
Затаилось в каждом углу.
Столько душ, не знавших в жизни добра,
И они никогда не спят.
Под шагами чьими-то до утра
Половицы его скрипят.
Не затеплив здесь своего огня,
Возвращаясь в родной содом,
Я молю, чтоб он не винил меня,
Невиновную, этот дом.
Не осилить мне бесконечный сонм
Объяснения ждущих теней.
Я вернусь к себе, но приснится сон,
И не будет его страшней:
Раскрошились русской печи кирпичи,
Затянуло окошки льдом,
Затонувшей подлодкой лежит в ночи
Деревенский брошенный дом.

* * *

Позабыв про холод и про нарты,
На придумку скорую легка,
Красные раскидываю карты,
Русского гадаю мужика.

Как ты ни раскидывай, однако,
На плетне всё так же виснет вновь
Красная немытая рубаха,
Русская напрасная любовь.

На окне все так же загнивает
Красная напрасная герань.
Русский ворон надо мной витает.
Дышит русской гибелью елань...

* * *

На окраине русского края
Ничего у судьбы не молю,
В сером сумраке лет вспоминая
Тех поэтов, которых люблю.

Уходили они в неизвестность,
Приминая зыбучие мхи...
Бессловесная наша словесность
Не такие не помнит стихи.

Не такая случалась погода.
Не такие творились дела.
Бессловесная наша природа
Не такие потери несла.

На окраине русской надежды,
На окраине русской беды
Я смыкаю усталые вежды,
И метель замечает следы.

* * *

За окаянством дальних океанов
Нам все равно чужого не понять.
Большой народ пьет только из стаканов,
Давай же этой славы не ронять.

И у стола, накрытого так жертвенно,
Что никаким пером не описать,
Давай же выпьем мрачно и торжественно
За души, что не надобно спасать.

За наши души выпьем мы с тобою,
Совсем вдвоем, совсем наедине,
За дом наш, разукрашенный резьбою,
За тени наших ближних на стене.

За всё, что нам друзья не нагадали,
За всё, чему не видится конца.
За сосны, что качаются годами
Над дальнею могилою отца.

* * *

Под прикрытием крова
Мне внушалось вчера,
Что основы основа
Есть всесилье добра.
Слово — влажная рана,
А за словом — ни зги.
Доброта океана?
Добродушье тайги?
Нет, прости, не поверю,
Потому что в беде
Не доверюсь ни зверю,
Ни кругам по воде.
В суете и покое
Пожила на миру.
У меня не такое
Отношенье к добру.
Белый день убывает.
Впереди темнота.
Жизнь всегда убивает,
В том ее доброта.
Мудрых предков молитву
Повторяю на случай:
Убивая, не мучай.
Убивая, не мучай.

* * *

Никнет над черной землей огорода
Птичья печальная трель...
Месяц рожденья и месяц ухода,
Мой среброглазый апрель!

Мой сереброглазый! Певучие струны
Тянут сквозь годы утрат
Снова туда, где мучительно юны
Мы, то есть я и мой брат.

Мой сереброглазый! Мы снова пригубим
Зрелости ранней вино.
Мой сереброглазый! Мы снова погубим
То, чему жить не дано.

Мой сереброглазый! Златой середины
Рок нам с тобой не судил.
Сплыли рекою холодные льдины,
Ветер мой лоб остудил.

Недолговечная наша порода,
Птичья короткая трель...
Месяц рожденья и месяц ухода,
Мой сереброглазый апрель!

ГАДАНИЕ СВЕТЛАНЫ

Не дороги, а тропинки
Побежали по судьбе.
Начинаются воспоминки,
Как поминки по себе.

Зажигаю я на Святки
Сине-черную свечу.
Без опаски, без оглядки,
С силой темною шучу.

Ставлю зеркало в оправе
Из литого серебра.
Неразумный разум вправо
Ждать от нечисти добра.

Потому не захотела
Очертить последний круг.
Потому сказать посмела:
— Кто явился, тот и друг!

Мне любой в друзья годится.
Нету нечисти числа.

Несыть жадная садится
У накрытого стола.

Начинает нечисть чары
Залихватским говорком.
Подымает нечисть чары
С заграничным коньяком.

Подымает мне в угоду
Всё одно и то же вновь:
Поверх моря — непогоду,
Поверх сердца — нелюбовь.

Дарит полую поляну,
Дарит полную луну.
За подарками не встану,
Даже рук не протяну.

Полунощною порою
Не души своей мне жаль.
За посулом, за игрою
Вижу позднюю печаль.

Вижу позднюю дорогу
Да порошу во полях.
Вижу полностью, ей-богу,
Всю поруху во друзьях!

* * *

Алле Марченко

Может, я ведьма уже, но еще не пророчица.
Все, что скажу я, ты знаешь, подруга, сама:
Умная женщина — это всегда одиночество,
И одиночеством полнятся наши дома.

Век, нам доставшийся, с нами за что-то не нежен,
И почему-то небрежен встречаемый друг.
Бег наш по кругу, подруга, вполне безнадежен,
Но ведь мы сами с тобой очертили тот круг.

Нас заморочили сны о иных вероятностях,
Судьбы чужие должны мы по миру нести.

Вот потому-то и тонем мы в тех неприятностях,
От каковых только глупость способна спасти.

Может, я ведьма уже, но еще не пророчица:
Что впереди там маячит — тюрьма иль сума?
Умная женщина — это всегда одиночество,
Стать же глупее — увы, не хватает ума...

* * *

Опять посреди непогоды
Тревожу вопросами рань:
— Зачем в лихоманные годы
Меня родила глухомань?

Зачем снеговая завеса
Не скрыла от всех навсегда
Меня, порождение леса,
Меня, порождение льда?

Зачем меня так обольщало,
Томило тоской бытие,
Веселую жизнь обещало,
А вышло почти «житие»?

Зачем, постигая безвестность,
С напрасной мечтой о тепле,
Несу я свою неуместность
По этой холодной земле?

...И слышу: — Не будет ответа.
Напрасно себя не трави.
Наложено вечное вето
На эти попытки твои.

В надежную сеть мирозданье
Сплело среди звездных систем
Бессильное взрослое знанье
И детскую муку — «зачем?»

ЗОЛОТОЙ САМОРОДОК НА СОБОЛИНОЙ ТРОПЕ

О жизни и творчестве Светланы Кузнецовой

Наследница двух богатых сибирских купеческих и дворянских родов России, рода Кузнецовых и рода Аммосовых, Светлана Кузнецова в истории русской поэзии второй половины XX века стоит особняком. Трагическая фигура в чёрном с гордо поднятой головой и несломленной статью последней представительницы вытравленных революцией золотопромышленников. Всех, знавших её, Светлана Кузнецова поражала человеческой значительностью, особой сибирской негнижимой породой, гордостью, простотой и цельностью натуры, удивительной неслучайностью и необычностью судьбы, — словно бы специально задуманной Богом для большого русского поэта...

В последние два десятилетия жизни она не печаталась ни в литературных газетах, ни в толстых литературных журналах. Только редкие книги в «Советском писателе» нарушали сомкнувшееся сибирскими снегами безмолвие. Незадолго до её смерти Юрий Кузнецов со свойственными ему прямотой и честностью нарушил затянувшееся молчание и в статье, написанной специально для «Литературной газеты», поставил Светлану Кузнецову в один ряд с Цветаевой и Ахматовой. После смерти С. Кузнецовой о значении её творчества написал Вадим Кожинов: «Со всей взвешенностью и ответственностью скажу, что лучшие из зрелых стихотворений Светла-

ны Кузнецовой — самое значительное из того, что было создано в русской женской поэзии после Анны Ахматовой... В отличие от подавляющего большинства твердящих сегодня о мраке и хаосе стихотворцев у Светланы Кузнецовой и в помине нет характернейшего мотива: вот, мол, в какой проклятой Богом стране приходится мне жить и мыслить! Светлана Кузнецова... не отделяет от себя совершившееся и совершающееся...» («День», № 23, 1991 г.). Судьба виделась поэту оброненным в сугробы тяжёлым наследственным золотым крестом первопроходцев и золотодобытчиков, Россия — золотым самородком, сверкающим на белом снегу атомной страны.

*А вы торопились, а вы не спросили,
А вы посчитали всё это игрой.
А там начинались стихи о России,
За тем перелеском, за тою горой.*

*Там время чеканило высшие пробы
На всём, что в отвал уходило пустой,
И там я однажды сронила в сугробы
Тяжёлый наследственный крест золотой.*

*Сронила открыто, сронила, как откуп,
Приучена опытом предков — платить.
Так что же неймётся небесному оку?
Оплачен мой счёт, и не стоит грустить.*

Родители Светланы Кузнецовой познакомились во время Гражданской войны. Отец — Александр Александрович Кузнецов — воевал у белых, в армии Колчака. Был ранен. Мать — Лидия Ивановна Аммосова — работала сестрой милосердия в госпитале, тоже у белых. Отец полюбил мать с первого взгляда и больше на других женщин не смотрел. Светлана Кузнецова появилась на свет в Иркутске 14 апреля 1934 года, была вторым ребёнком в семье. Родители, вышедшие из известных золотопромышленных родов, успели получить хорошее образование, мать окончила гимназию, отец — Петербургский университет. Первые годы после Гражданской войны преподавали в Иркутском университете. Около 1937 года из-за усилившихся репрессий из Иркутска пришлось уехать — «бывшим» в связи с новым поворотом в политике грозил арест. Уцелеть семья могла лишь одним способом — родители должны были сами, добровольно, сослать себя в сибирскую глушь: в селениях, переполненных ссыльными, судьба вольнопоселенцев никого не интересовала...

Так Светлане Кузнецовой распахнулась главная страница её жизни — глубинка заповедной, кондовой русской Сибири с безбрежной медвежьей тайгой, золотыми недрами и великими реками, несущими к океану косяки рыб. «Бесконечная Россия, / Словно вечность на земле», — нашёл когда-то князь Вяземский актуальное на все века определение для Отечества. «Земная вечность» Сибири загудела в венах молодого поэта с необоримой мощью:

*И снова на рифме «шири»
Распахивается строка.
Два соболя — герб Сибири —
Смотрят издалека.
Я верю: мой мир устроен.
Я знаю: мне жизнь нужна.
Отец мой — красив и строен,
А мама моя нежна.*

Светлана Кузнецова с юным задором приветствует необозримые заснеженные пространства, делает законы тайги законами собственной души: «Смеюсь и падаю на белые, / На очень белые снега. / Всеми, что делаю и сделаю, / Я говорю: «Закон — тайга!» (1962 г.). Это больше, чем кровное родство — Светлана Кузнецова впускает в сердце огромный мир — и сама становится миром... Родная Лена — течёт в венах поэта: «К Ледовитому океану / Лена в венах моих течёт». Огромные пространства становятся поэтической плотью: «Зачерпну крутой волны Витима, / Енисеем жажду утолю...»

Молодая Кузнецова пантеистична. Грани между личностью и природой в стихах нет — строчки стихов заполняют грустноглазые олени, пушистые белки, юркие соболи. Символ Сибири — соболь — неожиданно становится символом молодой безоглядной любви: «В золотом запове крови / Мне не сладить с этой болью, / У тебя не только брови, / У тебя глаза соболя»... Соболиная тропа Сибири бежит мимо многих племен и народов: «Над Витимом угрюмым, над таёжною далью / Встали русские думы / Моей бабушки Дарьи... / Золотистые лица, / Солнца сонного сгустки... / Это в вены стучится / Кровь Анисьи, тунгуски. / И выводит надолго / Вечно новая новь, / Кровь поляка седого / И татарская кровь». Сознание великоросса, вбирающего в себя крови народов, населяющих Россию, подобно течению великих сибирских рек, вбирающих многочисленные притоки и ручьи. Впитавшая в вены кровь народов и рек, С. Кузнецова чувствует в своих жилах невиданные силы: «Я сама, как держава, / Я сурова,

сильна и строга». Перед нами прямое поэтическое свидетельство, — **так рождается великоросс...**

В том далёком детстве, на пути из Иркутска, она запомнила не то пароход, не то буксир, палуба которого качалась над серыми волнами огромной северной реки. Они всё ехали и ехали куда-то. «Хватит ехать! Хватит ехать! Хватит ехать!» — лепетали детские губы, словно знали тайный смысл невесёлого путешествия.

Семья пыталась уцелеть, постоянно меняла места жительства — Витим, Лена, Киренск, Бодайбо, Нерпо. Старожилы ещё помнили их богатых дедов и прадедов, совсем недавно заправлявших в этих местах всем. Дед Светланы Кузнецовой, как она сама вспоминала, о своих дореволюционных владениях говорил коротко: «Четверть Сибири, четверть Аляски». Потомков волею судьбы гноили там же, где посетила предков шальная золотая удача. Спасало понимание того, что дальше Сибири не сошлют: *«И в Сибирь нелепо сибирячку / Высылать, коль здесь не ко двору...»* Места вокруг простирались глухие, особенно Нерпо — посёлок для семей репрессированных. То пьяный якут прирежет жёнку за неосторожно сказанное слово, то беглые зеки разорят заимку, то соседи-охотники уйдут в тайгу и не вернутся.

*Согласно молодой молве,
Мы вроде не были, хоть были.
Давно в холодном зимовье
Нас вырезали и забыли.*

Посёлок стоял посреди тайги, короткие зимние дни сменялись тёмными, холодными и голодными вечерами. Родители поселились в старом кондовом сибирском доме, надёжно заметеленном от века огромными снегами: *«Дом родной окружён заплотом, / Доски метра в три высотой»*. Жили скудно. К существованию в условиях тайги приспособлены не были. Отец работал директором школы, мама — учительницей. *«Окраина, старая рана, / Зарубка, отметина, шрам, / Охрана, встающая рано, / Осколки растоптанных драм...»* Детские впечатления голода, скудости и нищеты врезались в память навсегда. Чуть ли не в дошкольном возрасте в первый раз сварила суп, примерно тогда же развела огород: что-то ведь надо было делать с не приспособленными к жизни в таёжной глуши родителями. Став постарше, они с братом научились и рыбачить, и охотиться, а тогда в Светлане только просыпалась её родовая «добычливость»:

*Так-то вот, не поздно и не рано,
Только всё равно не в час, не в срок
Девочка сибирская Светлана
Встала на бревенчатый порог.*

*Так-то вот, не бледно и не ало,
Неприметно губы расцвели.
Было это много или мало
Для моей прадедовской земли?*

*Видно, мало, потому что много
Вырастало у нее таких,
Начинавших срок пути земного
С перепутьев узких и глухих.*

Стихи начала писать в девять лет. Что интересно — в истории русской поэзии Светлана оказалась не первой поэтессой с фамилией Кузнецова: в восемнадцатом веке творила её предшественница — Прасковья Ивановна Кузнецова-Горбунова, крепостная актриса, а потом жена графа Н.П. Шереметьева, известная как автор народной песни «Вечер поздно из лесочку я коров домой гнала...»

О трагедии разрушенного революцией рода — намёком, эзоповым языком — Кузнецова говорит в стихах постоянно. Золотоносные «корни», доставшиеся от дедов, — диктуют, вмешиваются в судьбу: «*А у меня такие корни, / Что я устала от корней*». «Корни» — это мужество, честь, совесть, любовь, невозможность поступиться внутренним стержнем, пойти на поводу у обстоятельств, сам талант, на который по щепоти золотого песка сбросились народ и рода: «*А ведь я из семьи золотоискателей, / Я из очень хорошей семьи*», — задумывается поэтесса в стихотворении 1965 года: «*Я из той семьи, которой давалось / Всё на свете с большим трудом. / Пароходы и прииски. Сёла и пристани...*» Но где те прииски и где те пароходы, где родня, унесённая великой выюгой революции? «*Нет родни моей, вымерла, не осилив эпохи*». Да и как осилить эту бесконечную сибирскую выюгу времён? «*Ах, родные мои, / Как вы жили, / Если три революции были, / Если столько лет с голодовками, / Если столько зим с холодовками!*» (1966 г.). Что интересно, «бывшие», обездоленные веком родители живут в этом стихотворении общей со страной жизнью, терпением и любовью преодолевают беду и выходят победителями из схватки с судьбой: «*Да ещё забота родительская, / Да ещё работа учительская, / Да болезни большой страны / От войны до другой войны*». Вслед за роднёй Кузнецова «бывшей» быть,

по сути, отказалась — она выбрала для себя вечную Россию, а вместе с ней — вечное бытие и вечное настоящее. Мгновенно почувствовав за безыскусностью молодых строк близость, важность и выстраданность темы, именно это стихотворение молодого поэта напечатал в «Новом мире» Александр Трифонович Твардовский...

...А что за экзотические воспоминания о золоте остались у нищей представительницы золотопромышленных родов! Однажды на берегу Лены Светлана нашла огромный самородок. Обрадовалась неслыханной детской добыче, ликуя и хвастаясь, побежала домой. «Что ты наделала!» — всплеснула руками мать, увидев в детских руках запретный металл. Отец был в командировке. По закону того времени любой найденный самородок надлежало сдать государству в тот же день. Комендатура находилась в соседнем посёлке, добирались до него два часа по тайге. Золотой самородок солнца катился к закату, на тайгу надвигался комендантский час... Ситуация складывалась безвыходная: не сдать самородок — посадят за сокрытие принадлежащего государству золота, отправишься по глухой ночной тайге в комендатуру — посадят за нарушение комендантского часа... Всю дорогу по тайге мать бежала бегом...

В этой были, схороненной в предвоенные годы под сибирским снегом, скрывалась неумолимая логика судьбы большого русского поэта Светланы Александровны Кузнецовой. Золотые самородки сердца, золото удачи, таланта и красоты таили в себе угрозу гибели и расплаты. То, что столетиями приносило радость и богатство предкам, в новом времени оборачивалось бедой. Быль о грозящем погибелью золотом самородке по-кузнецовски жёсткими, предельно афористичными строками вспыхнула в стихотворении, посвящённом смерти матери: «*Мать моя лежала на столе / Тихо, словно золото в земле. / Тихо, словно золото, лежала, / Мне и брату не принадлежала. / Не принадлежала никому, / И была счастливой потому*» (1976 г.). Эти строчки — похожи на приговор, вынесенный роду свыше. Золото, неосмотрительно добытое предками из сибирских недр, во искупление родовой вины должно вернуться в землю...

Страшная трагедия обрушилась на семью Кузнецовых в конце войны. Брат — надежда семьи, вечный спутник детских забав Светланы, вспоминаемый в стихах до конца дней: «*Мой среброглазый! Певучие струны / Тянут сквозь годы утрат / Снова туда, где мучительно юны / Мы, то есть я и мой брат...*» — ушёл на фронт в семнадцать лет. Вскормленный тайгой, воевал в знаменитых Сибирских полках, отстоявших

Москву. С фронта пришёл абсолютно спившимся... Брат Светланы Кузнецовой — Олег Александрович Кузнецов — герой одного из её самых значительных стихотворений — трагического стихотворения о солдатах, вернувшихся с войны, но не нашедших счастливой доли на отвоеванной у фашистов родине, о многих и многих воинах, побеждённых ложью, безвременьем и лихоимством мирной жизни:

*Братишка, красавец, залётка,
Все мысли твои об одном:
О том, как красива пилотка
Над чистым мальчишеским лбом.*

*О том, как начищена лихо
Твоя боевая медаль;
О том, что отхлынуло лихо,
Открылась в сиянии даль.*

*...А дальше — все дали закрыты,
Всё мимо на милой Руси,
И рядом все те, кто зарыты,
И милости ты не проси.*

Вместе с ощущением бесконечного исторического тупика, недоли у поэта возникает чувство неизбывной вины перед погибшими солдатами: убитые на войне всегда делают оставшихся в живых виноватыми в самой продолжающейся жизни... Чувство это сродни вспыхнувшему в знаменитом стихотворении А. Т. Твардовского «Я знаю, никакой моей вины...» Великая война у поэтессы оборачивается великой виной, великая Победа — будущим великим поражением... «Над нами Большая Медведица» — одна из больших поэтических удач, стихотворение, поднимающееся до уровня классики:

*Над нами — Большая Медведица.
За нами — Большое неведение.
За нами — большая война.
Пусть вам и в бреду не прибредится
Такое большое наследие,
Такая большая вина.*

*Хотя мы уже убываем,
На что-то ещё уповаем,
Наследство вручая сынам.
И кажется — всё забываем,*

*Но двери плотней запираем,
Чтоб счёт предъявили не нам.*

После внезапной смерти отца, почти совпавшей с окончанием Светланой средней школы, семья переехала в Иркутск. Светлана поступила учиться в Иркутский университет, на английское отделение. Училась хорошо, но уже с первого курса пришлось уйти — в университете потребовали, чтобы Светлана Кузнецова вступила в комсомол — она наотрез отказалась. Видимо, комсомол, воспитание, данное в семье, и память рода были всё же несовместимы. После отчисления из университета пришла новая беда. Светлана заболела — открытый туберкулез, скоротечная чахотка. Она таяла на глазах. Врачи сказали матери Светланы, не так давно похоронившей мужа, что надеяться не на что и надо готовиться к новым похоронам. Наступала весна, и Лидия Ивановна по народному рецепту стала поить дочь отваром из липовых почек. От отвара Светлана заболела желтухой, из которой долго не могла выбраться, но чахотка прошла.

Жизнь налаживалась. Но литературных успехов не было — рукопись первой книги из иркутского издательства молодой поэтессе вернули. Тогда Кузнецова послала рукопись первой книжки в Москву, в издательство «Молодая гвардия», и неожиданно получила восторженную рецензию Александра Прокофьева. Муза быстро и щедро преобразила судьбу, неожиданно выкликнув сибирскую «Золушку» на столичный золотой бал. Через недолгое время сибирскую поэтессу вызвали в Москву — на Всесоюзное совещание молодых писателей, приняли в Союз писателей СССР, рекомендовали в Литературный институт им. А.М. Горького — на ВЛК.

...В те годы С. Кузнецовой повезло — ей удалось войти в громкую плеяду молодых шестидесятников. Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Римма Казакова, Роберт Рождественский, Юнна Мориц, Станислав Куняев, Светлана Евсеева... Какие разные имена и судьбы! Евтушенко и Вознесенского в поздней зрелости С. Кузнецова называла литературными захватчиками, винила в гибели целого поэтического поколения. Выбившаяся в партийные лидеры и секретари Союза Римма Казакова сжиwała Светлану Кузнецову со света — слишком талантливой оказалась соперница. Бесконечно яркую первую книжку уехавшей в Минск и постепенно загибающейся там Светланы Евсеевой Кузнецова хранила до конца дней. С большинством высыпавших на шумную эстраду поверхностных, полуграмотных, крикливых шестидесятников былинной рус-

ской сибирячке оказалось не по пути... Да и как могло быть по пути с легковесными эстрадниками поэту с таким, говоря прямо, нешуточным сибирским мироощущением: *«И знали, что нам дано, — / На зверя ходить с рогастиной / Среди глубокой зимы, / Что вскормлены медвежатиной / И спиртом вспоены мы»*. Самими своими глубинными сибирскими корнями, прочной культурой, данной в семье, она словно была ограждена от соблазнов времени, бесконечных волн псевдоноваторства, подхватывающих на гребень многих. Проблема цивилизации, сметающей культуру, когда-то предельно точно сформулированная Блоком, для судьбы Светланы Кузнецовой становилась краеугольной, хотя проблему культуры как отпадения от культа, обозначенную Флоренским, по условиям времени она до конца дней так и не осмыслила...

Переезд в Москву — обернулся утратой Сибири, корней. В творчество властно вошла тема великого кочевья атомного века: *«Гвоздями избы старые забили, / Пошли кочевьем по родной стране»*. Эта великая свобода величиною с небо над головой буквально потрясла поэтессу: *«Не привыкну, видать, никогда / К ощущенью великой свободы. / Где был дом наш, теперь лебеда, / А над нею небесные своды»* (1970 г.).

Московская свобода оказалась великой свободой атеистического века — от устоев, традиции, совести, правды, чести, родовых корней. Трагедия середины жизни — это уже трагедия потери разграбленной, потерпевшей экологическую катастрофу, исчезающей родины. Светлана Кузнецова теперь воспринимает Сибирь как колонию России: *«Где лес наш? Где руда? И где меха? / Всё вывезли. Мы только не нужны»*. Новая Сибирь — это порубленная тайга, выбитое зверьё, недра, из которых выкачали нефть и газ, выбрали золото и руды. *«Мне не только глядеть не полезно — / Чтобы выжить, не надо мне знать, / Как упрямо ложится железо / На сибирскую трудную гать»* (1977 г.).

За пятнадцать лет до повальной компьютеризации поэт интуитивно поднимает вопрос о полезности и вредности знания, информации — это предчувствие информационной катастрофы, а если уж говорить точнее, **воспоминание** о будущей катастрофе. Ведь информационная катастрофа — по сути, первая катастрофа человека, отведавшего плода с Древа познания. **Воспоминанием о будущем** уходит под воды Иркутской ГЭС огромная территория детства вместе с кладбищем, на котором похоронен отец. Одной смерти для родного в наступивших временах мало — вслед за первой приходит вторая смерть, пожирающая могилы близких, память о них: *«Ушло под воду кладбище отцово, / Освободив для духа рубе-*

жи». Сознание Светланы Кузнецовой эсхатологично, поздняя Кузнецова — поэт вечно длящихся последних времен в том смысле, в каком понимал их П.Я. Чаадаев: «Мысль Апокалипсиса есть беспредельный урок, применяющийся к каждой минуте вечного бытия».

После смерти матери Светлана Кузнецова осталась на белом свете одна. Тогда-то и обнаружилась главная врагиня в московской жизни — цепкая, хваткая, беспринципная Римма Казакова. Именно таких бесчисленных оборотней, фантомами возникающих на поверхности писательской жизни, Светлана Кузнецова назвала «нечистью» в знаменитом стихотворении «Гадание Светланы». С более талантливой поэтической соперницей Казакова сражалась грязно и жестоко. Одна такая «кровавая битва» произошла во время писательской поездки на Сахалин. Поклонник Риммы Казаковой, Герой Советского Союза Василий Емельяненко, по наущению Казаковой назвал Кузнецову проституткой, за что получил от Светланы пощёчину. В те времена дать пощёчину Герою Советского Союза было, мягко говоря... непозволительно. Светлане Кузнецовой пришлось срочно вылететь в Москву. Происшествие сказалось на будущей судьбе. Её прекратили печатать. Вытеснили из литературного пространства.

После смерти матери Светланы, в минуты абсолютно понятных упадка и черноты Р.Казакова прислала Кузнецовой домой своего знакомого психиатра — помочь выбраться из депрессии после похорон. Дальнейшее нашумело на всю Москву. «Благодетельница» объявила поэтессу сумасшедшей — своей волей секретаря Союза писателей СССР заставила главврача литфондовской поликлиники внести запись о шизофрении в карточку Светланы Кузнецовой... От серьёзных неприятностей спасли вставшие на защиту честные литераторы и то, что рядом со страшным диагнозом главврач своей рукой приписал: «Запись сделана по звонку секретаря СП СССР Риммы Казаковой». После публичного скандала Казакову сняли с должности рабочего секретаря Союза писателей СССР...

Светлана Кузнецова долго не могла объяснить причину запредельной ненависти Казаковой. И только в 1987 году, в эпоху наступившей «гласности», когда стали публиковаться материалы, связанные с беспределом Рашидова, вспомнила, что с Рашидовым в близких отношениях была Римма Казакова. Однажды во время поездки в Среднюю Азию на банкете писателей посетил Рашидов. Казакова провозгласила за Рашидова тост — Светлана Кузнецова громко отка-

залась пить за Рашидова. Вполне возможно, что Римма Казакова мстила именно за это...

Москва, огромный перенаселённый мегаполис, в творчестве С. Кузнецовой навсегда осталась городом-тупиком: «*Этот город-тупик под холодной звездой, / Этот город, где я не была молодой, / Этот город, который меня приютил, / Но ни силы, ни гордости мне не простил...*» (приблизительно 1986 г.). Перед нами словно возникают «восставшие массы» Ортеги-и-Гассета, вышедшая на проспекты городов и ставшая творцом истории безличная толпа. «*Зареклась: никого ни о чём не проси. / И сквозь долгие эти года / Я бродяжкой могла бы пойти по Руси, / Ибо та мне светила звезда*» (приблизительно 1986 г.). Светлана Кузнецова до конца дней настойчиво свидетельствует о лишённости судьбы, доли на родной земле. «*Русская профессия — изгнанник, / Мною не освоена досель, / Ибо не для Ванек, не для Манек / Нынче сладкий зов иных земель*». О минувшей революции, о мире, разорённом великими катаклизмами XX века, поэтесса емко и ясно сказала в стихотворении «Гвоздика», созданном в 1988 году. Стихотворение — яркий пример русской классики:

*Мечта толпы всегда багрянолика,
Как комсомолки ситцевый платок,
Как воплощенье вольности — гвоздика,
Бессменной революции цветок.*

*Толпа полна томительной отрады
Средь толчеи, зовущейся борьбой.
И я скользжу средь прочих вдоль ограды
С гвоздикую, вручённой мне судьбой.*

*Туда, где о любви моления дики,
Где красный страх нисходит на меня,
Где умирают красные гвоздики
У временного Вечного огня.*

На первый взгляд — есть нечто беспомощное в попытке вместить гигантские социальные проблемы, порождённые опустошающей революцией, в чисто женское моление о любви, но, подумав, мы придём к выводу, что именно это определение оказывается всепоглощающе ёмким: любой, молящий о Любви, молит о Боге. Человеческое своеволие уводит от Бога, и потому Вечный огонь, зажжённый человеком, оказывается в стихотворении временным, сиюминутным. «Гвозди-

ка» — не только размышление о минувшей революции, это ещё и пророчество о грядущей революции девяностых...

...Эта бьющаяся за жизнь, пытающаяся разомкнуть круг трагического одиночества женщина в чёрном в начале восьмидесятых буквально потрясала. Жила — в нереальном для советской эпохи мире. Комната практически в центре Москвы — оклеена тёмно-синими обоями. Старинная чёрная мебель с резьбой и золочёными амурами. Тёмно-синие занавески на окнах. В провале рукотворного мрака, как звёзды в колодце, — блестят россыпи антикварного серебра. В небольших чёрных нишах — коллекция колокольчиков для вызова прислуги. Чёрное платье. Чёрная шаль. Светлые волосы заколоты на затылке в тяжёлый узел. Особая, утерянная в нашем веке сибирская купеческая статья... И — вечный траур по неудавшейся судьбе, женской и поэтической. *«Мной создан мир, прообраз смерти некий, / Где не слышны другие голоса...»*

Через страшную пытку небытием пришлось пройти многим поэтам XX века. О своей литературной непопулярности в одном из широко известных писем свидетельствовала Ахматова: «Я оказалась довольно скоро на крайней правой (не политич.). Левее, следственно, новее, моднее были все: Маяковский, Пастернак, Цветаева...» Эта краткая и ёмкая запись Ахматовой многое объясняет в судьбе многих русских поэтов XX столетия, в том числе и в судьбе С. Кузнецовой. «Для левых — слишком правая, для правых — слишком левая», — говорила она о себе и всегда стояла в литературе особняком, на поверку безоглядно отстаивая в стихах Россию и собственную русскость: *«Очень русская, говоришь. / Соглашайсь — очень».*

Мир буквально выталкивал Светлану Кузнецову из себя в замкнутые стены чёрной квартиры. Странное это было существование. Собак новых не заводила. Потому что умирают. Цветов живых не покупала. Потому что вянут. В одну из первых встреч рассказала поразившую её историю: в московской квартире умер заброшенный, никому не нужный старик. Узнали о его смерти только через месяц, когда по подъезду пополз запах... Добавила тихо: «Вот и со мной так будет...» Ещё одна поразившая Кузнецову история не выходила из её головы до конца дней. Дети умершего писателя выбросили его архив на помойку. Всё, написанное человеком за жизнь, разносилось ветром по дворам писательских домов — словно в назидание труженикам словесной нивы... По извечной привычке всё додумывать до конца, — пришла домой, уничтожила свой архив: *«Архивы, уничтоженные в спешке, / Свидетели убийства и хулы...»* (приблизитель-

но 1988 г.) Так переплетались в Светлане Кузнецовой предельная открытость и беспощадность к себе, потеря веры и умение жить в самых трудных обстоятельствах, и — надрыв, надрыв, нескрываемый надрыв — от извечных русских униженности и оскорблённости. В одну из первых встреч я сказала ей осторожно: «Вы, Светлана Александровна, словно вышли из мира Достоевского. Есть в Вас какая-то часть Настасьи Филипповны». Зарделась, довольная тем, что её хорошо поняли...

И всё же именно «пытка небытием» позволила Светлане Кузнецовой услышать себя, подняться на новый поэтический уровень. Преодолеваемое страдание заставило работать мысль, разорвало круг молодой лирической замкнутости. Две последние книги поэта — два предсмертных «Гадания Светланы» — стали одними из лучших поэтических книг восьмидесятых. Жестокий романс слился в них с напевами русских заговоров и пением сибирских выюг, полевые цветы событий и судеб, цветущие на обочинах века, заплелись в прекрасный «Русский венок», а беспощадная честность по отношению к себе позволила С. Кузнецовой подняться до уровня большой поэзии. Прочитав первое «Гадание Светланы», из Смоленска я отправила С.А. Кузнецовой письмо, в котором говорила, что поражена своим открытием и тем, что о ней никто ничего не знает, — в моём понимании она была поэтом уровня Цветаевой и Ахматовой. Почта принесла ответ: «Помнишь того горьковского писателя, который время от времени повторял: «Я цену себе знаю»? Не хотелось бы уподобляться ему, но придется. Так вот. «Цену» я себе тоже знаю, но так же знаю и всю свою неуместность и ненужность, да и что ещё можно было вынести после столь неудачно пройденного литературного пути?» (26.09.1983.). История с названием «Гадание Светланы», на мой взгляд, получилась мистически тёмной и поэтически пророческой. «Жития по имени», о котором писал Флоренский, в этом случае мало: лирическая героиня Светланы Кузнецовой словно бы попала внутрь жутковатой баллады Жуковского, слила себя с прославленной романтической героиней — странным образом заключила свою судьбу в чужой предreshённый круг...

Пожалуй, самый точный поэтический портрет поздней Светланы Кузнецовой в одном из лучших своих стихотворений начала восьмидесятых дала Татьяна Глушкова — её С. Кузнецова при знакомстве тоже поразила:

*Этот русский анапест, что плачет во имя любви,
В чёрной шали крест-накрест живёт не в эпохе, в крови.*

*А эпоха ему не соперница и не жена,
Ничего-то не ведает в лунах и струнах она.*

Первоначально на стихотворении стояло посвящение. Потом Т.М. Глушкова посвящение убрала — ведь в следующих строфах она говорила о себе, и только концовка — опять высветилась точным и метким портретом и Светланы Кузнецовой, и самой Татьяны Глушковой: «*Эта мощь, эта слабость ужели для жизни дана? / Наливай же, анапест, щербатую чашу вина!*»... Эта мощь, эта слабость...

Среди мерцающего звёздами в черноте комнаты серебра — шёл пир, призванный скоротать сгушающуюся за окном ночь эпохи. Ночь перед крушением родины. Собственно, вся жизнь людей в умирающей стране превратилась в некое подобие платоновского пира, в бесконечный диалог понимающих друг друга собеседников с предстоящей чашей цыкуты в конце. За столом — многочисленные друзья той поры — Анатолий Преловский, Татьяна Глушкова, Валерий Хатюшин, Алла Марченко, Таиса Бондарь, Лидия Григорьева, Ирина Шевелёва, Инна Лиснянская... В последние годы — третий, обрётённый перед смертью муж — Олег Алексеев. Разговоры — по большей части непринужденные, брызжущие искрометным юмором. Светлана Кузнецова была мастером хорошей литературной шутки. Часто говорила о непреодолимой бездне, которая лежит между москвичами и приехавшими в Москву провинциалами, раздумывала о судьбах послевоенных поколений, которые мало проявляли себя в литературе, как-то сказала: «Наверное, каждому литератору для того, чтобы состояться, нужна своя маленькая война...» Помню, как в первый раз она увидела по телевизору Горбачёва — была потрясена и его обликом, и его речью, и тёмным пятном в форме СССР, расплывающимся по черепу. Со свойственной ей магической пронизательностью с полувзгляда поняла и возненавидела пришедшего к власти предателя. Сказала: «Этот с Россией такое сделает, чего раньше с ней никто не делал». Очень остро переживала женофобию, царящую в русском лагере. Утверждала, что русские даже самых сильных поэтесс гробят, а евреи даже самых слабых носят на руках. В пику Цветаевой и Ахматовой, а вместе с ними — и всем пишущим женщинам, согласным хором твердящим: «Я не поэтесса, я поэт!» — всегда повторяла: «Я не поэт, я поэтесса!» — считала, что женщина и в поэзии должна оставаться женщиной.

А вот мы сидим и читаем вслух. Светлана Кузнецова достает любимые книги из чёрных с резными позолоченными

амурами старинных книжных шкафов, просит читать. Читаем взахлёб — то Блока, то еще в молодости переписанных в толстую тетрадь репрессированных сибирских поэтов, то перепечатанные на машинке стихи Георгия Иванова. В середине восьмидесятых Иванов — редкость. В СССР его не знает почти никто. У Светланы Кузнецовой его стихи по случайной случайности — книгу Иванова привез из одной из заграничных поездок Межиров и принес почитать. Из любимого Блока Светлана Кузнецова стихотворение «дарит». Есть у поэтов такой обычай — даже у классиков находить стихи, которые не разглядел никто, и «дарить» свои открытия литературным собратьям. Подарок Светланы Кузнецовой из Блока — прекрасное стихотворение «Усните спокойно, заморские гости, усните...» Среди любимых поэтов числила Корнилова, часто читала вслух его удивительную «Соловьиху»: «*Перед ним вода — зелёная, живая, / Мимо заводей несется напролом, — / Он качается на ветке, прикрывая / Соловьиху годовалую крылом*»... Любила стихи Рубцова и гордилась тем, что училась на ВЛК в те же годы, когда тот учился в Литературном институте в тех же стенах.

...В чёрной своей комнате, в зыбкой своей судьбе Светлана Кузнецова разбрасывала красные карты на расстеленных сибирских мехах. Длилось гадание о любви. Но в порушенном мире — живёт порушенная любовь. Ранняя лирика С. Кузнецовой переполнена светлыми чувствами. В поздней любовной лирике традиционные мотивы подчёркиваются явными нотами жестокого романса. Собственно, то, что принято называть **любовной лирикой**, заменяется полной её противоположностью — стихами о **нелюбви**, которые, на мой взгляд, сливать со стихами о любви просто ошибочно (я не имею в виду стихов о любовных драмах, неразделённой, трагической любви):

*Позабыв про холод и про нарты,
На придумку скорую легка,
Красные раскидываю карты,
Русского гадаю мужика.*

*Как ты ни раскидывай, однако,
На плетне всё так же виснет вновь
Красная невытая рубаха,
Русская напрасная любовь.*

Алый цвет висящей на плетне рубахи — совсем не тот алый цвет красоты и праздника, в который красили свои одежды

деды. Это цвет крови, цвет душевного рубежа, цвет перейденной запретной грани. От любви в разрушенном мире веет *«мелкой хитростью, мелкой лестью»*. Всё слышнее мотивы старения, прощания с миром, прощания с любовью. Прекрасный жестокий романс «Крот», в отличие от многих поздних стихов поэта о нелюбви, говорит о любви в извечном смысле этого слова, о любви-прощании, о любви-старении, о смерти, разлучающей любящие сердца. В стихотворении снова возникает красная рубаха. Цвет ее — совершенно откровенный цвет пролитой крови: *«Милый, надень свою алую-алую, / Как из-под ножика — кровь»*. Если в молодости сибирские реки втекали в вены поэтессы, питали ее душу, теперь истекающая из сосудов кровь питает мир, окрашивает округу в трагический цвет убывающей жизни и позднего заката: *«Месяц окрасит всё тот же багрянец, / Что у нас вечен в крови, / Немолодой, некрасивый румянец / Ляжет на щёки твои...»*

Вообще никакого другого способа выжить в литературе, кроме признания Юрия Кузнецова и Вадима Кожинова, она не видела. Оттого и было таким трагичным и напряжённым ежедневное ожидание — почему не признают?.. Почему замалчивают?.. Вопрос о том, что думает о Светлане Кузнецовой В.В. Кожинов, окончательно стал ясен только после её смерти: в 1991 году, работая в газете «День», я заказала Кожинову полосную «антологию» со стихами С. Кузнецовой. Вадим Валерианович очень быстро и охотно откликнулся на предложение, стихи отобрал сам и написал предисловие: *«...Признаюсь, что давно и не раз собирался я написать о поэзии Светланы Кузнецовой, да так и не собрался сделать это при ее жизни, — сетовал он. — А потом уже было поздно. И не проходит чувство вины, которое никак не облегчают эти сегодняшние слова... Поэзия Светланы Кузнецовой всё время находится как бы на самой грани жизни и смерти, не страшась, не трепеща перед этим уделом. А в бесстрашии — нет конца. Для поэзии эпохи окончательного упадка и гибели того или иного народа, той или иной культуры вовсе не характерно бесстрашие: такая поэзия склонна, напротив, прикрыть глаза, уйти в мир мечты, утопии, идиллии...»* («День», № 23, 1991 г.)

Я не совсем понимаю, для чего Олегу Игнатьеву в его прекрасных воспоминаниях о Юрии Поликарповиче Кузнецове понадобилось зарывать в землю без того лишённую заслуженного признания поэтессу. «В ней слишком много кровей, противоречий... Татарско-польская-тунгусская-русская... В целом творчество её эскизное, черновое, чуть ли не графоманское, но последние стихи очень сильные... Каждый силь-

ный талант знает себе цену», — цитирует Игнатъев одно из высказываний Ю.П. Кузнецова. Не сомневаюсь в том, что критиковавший Пушкина и соревновавшийся с Данте Кузнецов претензии к поэзии С. Кузнецовой имел. И всё же многие поступки Юрия Поликарповича говорят о том, что он хотел вытащить С. Кузнецову из небытия. На вечере в честь своего пятидесятилетия в огромном зале ЦДЛ заявил, что есть сегодня настоящая поэтесса — Светлана Кузнецова, не родственница, однофамилица. Для того чтобы ввести в литературный процесс имя Светланы Кузнецовой, написал статью в «Литературную газету». Статья для женского уха сложная, не хочу делать вид, что разделяю точку зрения Ю.П. Кузнецова на женскую поэзию и женскую ложь, но Светлану Кузнецову в этой статье он поставил в один ряд с Цветаевой и Ахматовой. Два раза Юрий Поликарпович приходил домой к Кузнецовой — Светлана Александровна очень дорожила этими встречами и молчала о них, рассказала немного: спрашивал, не было ли каких-то знаков при её рождении, рассказал семейное предание о том, что о появлении поэта в его роду возвестила цыганка. Вытащил из кармана длинную бумажную ленту с записями (оказалось, что к встрече готовился специально и серьёзно), долго и подробно расспрашивал, как она написала то или иное стихотворение. После смерти Светланы Юрий Кузнецов вошёл в комиссию по литературному наследству поэтессы, составил подборку её стихотворений для «Нашего современника», провёл вечер, посвященный памяти поэтессы, в ЦДЛ. Марина Гах, как и Олег Игнатъев, учившаяся на ВЛК у Ю.П. Кузнецова, свидетельствует, что Юрий Поликарпович говорил: «Светлана Кузнецова — лучшая современная поэтесса» («Наш современник», № 11, 2004 г.).

Как и всякий поэт, обладающий магическим зрением и умеющий видеть будущее, Светлана Кузнецова остро чувствовала надвигающуюся катастрофу. Знаки рушащегося мира напоминали об исторических свойствах больших чисел, о катаклизмах, связанных со сменой столетий и тысячелетий: «Тысячелетие встретим, пируя на тризне, / пересчитаем и взвесим тяжёлые числа», — стихотворение, написанное примерно в 1987 году. Приблизительно в то же время создано одно из самых «запредельных» поздних стихотворений Светланы Кузнецовой «Мороженое», порождённое страшными демографическими данными и страшным грядущим, замаячившим впереди:

*Ты этот миг обсасывай подоле,
Поскольку, шутки скользкие шутя,*

*Расеюшка в кримпленовом подоле
Баюкает мутантное дитя.*

*Баюкает нежданное, но роженое,
Баюкает кровиночку и кровь.
И тает, тает на губах мороженое,
Последняя народная любовь.*

Катастрофа конца века для С. Кузнецовой — только продолжение катастрофы, начавшейся в семнадцатом году. Катастрофы длиной в столетие, завершающее русское тысячелетие. Потому-то и «Расеюшка» баюкает в подоле странное, порождённое вредными информационными полями разрушенного мира мутантное дитя, никак не могущее быть наследником умерших дедов. Мир накануне третьего тысячелетия разрушен на уровне неприкосновенных генов, обеспечивающих существование человеческого рода... В небесах ожидающей неизбежной участи земли летит «Крылья раскинувший демон / Над атомной белой страной», на проспектах шумной, потерявшей разум столицы стоит с безучастным взором мальчик, одурманенный наркотическими маковыми парами. Перед нами — не просто признаки грядущего Апокалипсиса. Это Апокалипсис, длящийся здесь и сейчас. Особенно ужасает поэтессу предельная разруха русских деревень. Она поражает ум, возмущает сердце.

*Горький ветер касается губ.
Что мне боль мимолётной потравы,
Коль в деревне Кудяево клуб
Оплели узловатые травы.*

*Что мне зовы дурманной судьбы
В одиночества полной столице,
Если в клубе том сонном грибы
Проросли через щель в половице.*

*А на кладбище, там, над водой,
Где закат умирает, пылая,
Под крестом ли, под красной звездой
Похоронена слава былая...*

Если деревенская изба, возникающая в стихах у Клюева, — всегда модель живого мироздания, то разрушенный деревенский дом Светланы Кузнецовой — модель мироздания умирающего, разорённого человеком. Не случайно в сти-

хах возникает образ затонувшей подлодки — образ угрожающего будущему, убитого и затонувшего до времени прошлого. На этот гниющий дом с атомным реактором изломанных судеб и загубленных душ, несущий в себе информацию о порушенном мироздании, может напороться идущий в ночи времён крейсер под названием «Россия»: *«Раскрошились в русской печи кирпичи. / Затянуло окошки льдом. / Затонувшей подлодкой лежит в ночи / Деревенский брошенный дом»* (написано примерно в 1987 г.).

Светлана Кузнецова умерла 30 сентября 1988 года от продолжительной неизлечимой болезни в больнице, не приходя в сознание после операции, в день Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Когда пришло известие о её смерти, стало очевидно, что ни в какой другой день года Светлана Кузнецова умереть не могла — так как глубинной сутью её природы были Вера, Надежда, Любовь и Премудрость Божья, не разменянные на пустопорожние сложности человеческого мудрования. Смерть свою Кузнецова предсказала загодя, как это часто случается с настоящими поэтами. Ещё в 1968 году, то есть ровно за двадцать лет до кончины, написала стихотворение «Тридцатое сентября». Помню, как я спрашивала её об этом стихотворении. В ответ Светлана пожала плечами — нет, ничего особого не произошло, написалось — и всё: *«Я дню такому рада, / Как дорогой обнове. / Мне за печаль награда / День именин Любви. / День именин Надежды, / Осенняя пора. / Я в светлые одежды / Наряжена с утра. / Друзьям прощая вины, / Я счастлива без меры. / Сегодня именины / Моей последней Веры»*. И только после смерти поэтессы строчки приобрели особый, мистический, тайный смысл...

Таковы краткие заметки о жизни и смерти большого русского поэта, нищей наследницы двух богатых сибирских родов, Светланы Александровны Кузнецовой, по обычаю золотоносной земли драгоценным самородком вышедшей из неиссякающих древних недр, золотым самородком вернувшейся в землю огромного Отечества накануне катастрофы.

*Оплачен мой счёт и оплакана доля.
Сибирская тройка умчалась, спеша.
Огромность родного осеннего поля
Теперь только может осилить душа.*

*И то не осилит. По краешку муки,
Как ведьма, пройдёт, заклинанья творя.
Но знаю: за миг до последней разлуки
Над ней ослепительно вспыхнет заря.*

*Что я призову у последнего крова,
На самом последнем из смертных кругов?
Лишь чёрную магию русского слова.
Лишь белую магию русских снегов.*

Пределльно ясная и чёткая по натуре Светлана Кузнецова оказалась одним из сложнейших поэтов конца XX века. По природе лирик — она подняла важнейшую публицистическую тему гибнущего отечества, чуждая философии — встала в один рост с важнейшими философскими проблемами века, по-женски беззащитная, обернулась поэтом значительным и волевым. Вспоминая снег, летящий за уносящейся в безоглядные дали сибирской тройкой, напоследок хочу заметить, что литературное наследие, оставленное поэтессой, невелико — после тщательного отбора сложится совсем небольшая книжечка первоклассных избранных стихотворений. И всё же спасти С. Кузнецову от забвения и дать ей полноценную жизнь в русской литературе мы должны, ибо удельный вес этой небольшой книги не только тяжелее «премногих томов», полнящих наши библиотеки, — при внимательном исследовании вопроса он окажется равен удельному весу чистого золота.

г. Смоленск

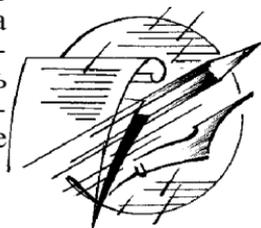
ПРЕДАТЕЛЬ, МЕТИВШИЙ ВО ВЛАСТЬ

Было это летом 2003 года. Я работал тогда главным редактором журнала «Финансовый контроль» и по заданию владельцев этого журнала договорился с совладельцем и главой нефтяной компании «ЮКОС» Михаилом Ходорковским (род. 26 июня 1963 года) об интервью, хотя это и было не просто. В то время он считался одним из богатейших людей России.

Одержимый властью

Состояние Ходорковского на момент нашей встречи оценивалось в 15 миллиардов долларов, и он был одним из богатейших людей мира.

Штаб-квартира ЮКОСа размещалась в то время в Москве у Павелецкого вокзала, в здании времен советского конструктивизма, с огромным круглыми окнами у входа, куда я и подъехал. Поразило меня тогда, что в фойе этой олигархической фирмы была размещена целая экспозиция, посвященная ВЛКСМ. Это была не только дань Ходорковского его комсомольскому прошлому, но и указание на происхождение

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

его состояния: ведь в годы перестройки по инициативе социал-предателя Горбачева комсомол был превращен в застрельщика и реализатора приватизации в масштабах всего Советского Союза.

Особенно в том интервью мне запомнилась его фраза об отношениях ЮКОСА с властью, которые к тому времени уже обострились всерьез. Ходорковский очень резко отозвался о Путине, который, по его словам, неправомерно ограничивал свободу действий крупных нефтяных компаний, стремясь поставить их под контроль государства, что таким компаниям, понятно, сильно мешало.

Собственно, в том и была суть конфликта ЮКОСа с президентом, и вскоре после публикации нашего интервью Михаил Борисович Ходорковский 25 октября 2003 года был арестован по обвинению в хищениях и неуплате налогов.

В сентябре 2010 года, тогда еще премьер-министр России, В. Путин назвал Ходорковского «убийцей и бандитом».

17 октября 2010 года режиссер Станислав Говорухин в программе «Познер» на Первом канале сказал, что не жалеет о том, что подписал «Письмо 50» с поддержкой уголовного преследования Ходорковского, объяснив это так:

«Нет, не сожалею. Правая рука Ходорковского, некий Невзлин, знакомый вам персонаж, осужден пожизненно, заочно, правда... Правая рука Ходорковского тоже — у него было две правых руки — Алексей Пичугин осужден пожизненно за доказанные заказные убийства. В свое время, когда убили мэра Нефтеюганска Владимира Петухова, весь Нефтеюганск вышел с плакатами на демонстрацию, на которых было написано: «Ходорковский — убийца». Предположить, что Ходорковский ничего этого не знал и к этому не причастен, очень трудно, согласитесь. Вот поэтому я подписал это письмо».

Из той же подворотни

Особо остро судьбу опального миллиардера, у которого есть еврейские корни по отцу, восприняли в еврейской среде, откуда стали регулярно поступать протесты против судебного преследования Ходорковского, которое, конечно же, ассоциировалось у его соплеменников с антисемитизмом, хотя и без всяких на то оснований.

В 2005 году Ходорковский был признан российским судом виновным в мошенничестве и других преступлениях. Компания «ЮКОС» подверглась процедуре банкротства. В

2010—2011 годах по новым обвинениям он был приговорен к 14 годам колонии; с учетом последующих обжалований общий срок, назначенный судом, составил 10 лет и 10 месяцев. Ходорковский фактически отбыл этот срок и, не признав своей вины, направил президенту РФ прошение о помиловании в связи с семейными обстоятельствами. В декабре 2013 года он был помилован президентом Путиным.

Напомню, под каким международным давлением было принято это решение. Освобождения Ходорковского в течение 2,5 лет по закрытым дипломатическим каналам добивалось правительство Германии: дважды этот вопрос на встречах с Путиным затрагивал бывший глава МИД ФРГ Ханс-Дитрих Геншер; по свидетельствам научного директора Германо-российского форума политолога Александра Рара, тема постоянно поднималась на встречах представителей Германии и России благотворительной организации «Фонд «Открытая Россия», в совет учредителей которой вошли также Михаил Пиотровский и такие звезды мировой закулисы, как Джейкоб Ротшильд, Генри Киссинджер и бывший посол США в СССР Артур Хартман. Позднее на базе этого Фонда было создано всероссийское сетевое общественно-политическое движение «Открытая Россия» («Открытка»). После освобождения Ходорковского из заточения «Открытка» продолжала свою работу под его руководством до тех пор, пока на территории РФ она не была запрещена.

В декабре 2013 года президент России Владимир Путин подписал указ о помиловании и освобождении Ходорковского. Экс-главу ЮКОСа поспешно выпустили из колонии, даже забыв выдать справку об освобождении, и переправили в петербургский аэропорт Пулково, где его уже ожидал не кто-нибудь, а сам Генри Киссинджер, бывший государственный секретарь при президенте США Никсоне и председатель Совета безопасности США, а также командор сионистско-масонского ордена Бнай Брит. Именно он попросил лично Путина о помиловании бывшего олигарха. Не без оснований, как видим, отмечала тогда «Комсомольская правда»: «Ходорковский стал олицетворением интересов еврейской общины, когда его капитал превратился в «еврейский капитал». Киссинджер и увез Ходорковского из Пулково на частном самолете, предоставленном Геншером, в Берлин, откуда он перебрался в Швейцарию, где получил вид на жительство.

О судьбе Ходорковского позаботились на столь высоком уровне потому, что на него были сделаны крупные ставки еще до его посадки, ибо в нем на Западе увидели реального прозападного претендента на высшую власть в России, что он,

собственно, и сам не скрывал. Напомню, что его аресту предшествовало опубликование аналитического доклада «В России готовится олигархический переворот», подготовленного под руководством политтехнолога Станислава Белковского, в котором руководство ЮКОСа обвинялось в подготовке «заговора олигархов» с целью свержения Путина и установления в России президентско-парламентской республики вместо президентской. Именно ради этого Ходорковский и его коллеги и спонсировали сразу несколько политических партий: «Яблоко», СПС, КПРФ (правда, отказались выделять деньги «Единой России»), поддерживали тесные связи с журналистами различных изданий, финансировали ежегодную премию «Энергия», множество образовательных программ.

По утверждению Бориса Немцова, Путин лично потребовал от Ходорковского прекратить финансирование оппозиционных партий, что тот отказался сделать. В апреле 2003 года Ходорковский заявил о намерении финансировать из личных средств СПС и «Яблоко», которые готовились к участию в выборах в Государственную Думу в декабре 2003 года.

С «Открыткой» объединились в «Демократическую коалицию» под девизом: «От открытой информации — к открытой стране» оппозиционные объединения: «Россия будущего», «Демократический выбор», ПАРНАС, «Партия 5 декабря», Либертарианская партия, «Яблоко», «Солидарность» и др.

Только в 2021 году «Открытка» объявила о самоликвидации. Операция Ходорковского по внедрению во власть в России окончательно провалилась. Но была перенесена за рубеж.

Начиная с 1999 года Ходорковский и его команда активно использовали часть своих капиталов для лоббирования интересов компании, нефтяной отрасли и крупного российского бизнеса в органах власти (Государственная Дума, Совет Федерации, правительство) и улучшения имиджа компании в российском обществе. В ходе выборов в Госдуму в 1999 году оказывалась финансовая поддержка партиям «Яблоко» и КПРФ. Депутатом от коммунистов становится, в частности, один из совладельцев ЮКОСа Владимир Дубов. И высокопоставленный сотрудник «МЕНАТЕПа» и ЮКОСа Борис Золотарев, который в 2001—2006 годах возглавлял Эвенкийский автономный округ, где освоение нефтяных месторождений вела дочерняя компания ЮКОСа — «Восточно-Сибирская нефтяная компания».

Подготовка к перевороту

7 апреля 2003 года Ходорковский заявил о намерении оказывать финансовую поддержку не только СПС и «Яблоку». Он стал основным спонсором КПРФ, используя политическую всеядность ее лидера Зюганова, проявляющуюся каждый раз, когда речь заходит о больших деньгах. На выборах в Государственную Думу 2003 года Ходорковский предоставил КПРФ 20 млн. долларов. В итоге депутатами от этой партии стали члены руководимого Ходорковским ЮКОСа С. Муравленко и А. Кондауров.

Согласно докладу Станислава Белковского, Михаил Ходорковский и акционеры компании ЮКОС готовили грандиозное предательство России. Придя к формальной политической власти, они должны были получить финансирование из США в размере около 160 млрд. долларов на «полное ядерное разоружение России», поскольку, по мнению владельца ЮКОСа, «доктрина ядерного сдерживания якобы себя исчерпала» и хранение ядерного оружия утратило смысл в современных условиях.

Хотя Ходорковский старался избегать открытой критики высшего руководства, он всё активнее вмешивался в государственную политику.

Инкубаторы лояльности

С началом нового века в Подмосковье появились пансионаты Ходорковского для детей-сирот, где специально подобранные педагоги готовили его будущих «кадетов». Лишь за 2004 год расходы «Открытки» на такие общественно значимые проекты составили 30 млн. долларов. Прицел был дальний.

В 2004 году по инициативе Ходорковского в бывшей дворянской усадьбе Кораллово был открыт лицей-интернат «Подмосковный», в котором обучались социально незащищенные дети, в том числе пострадавшие от терактов, дети погибших военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов. По приглашению Ходорковского я посетил этот лицей в Кораллово, который он рассматривал как своего рода инкубатор по «выведению» будущих бизнесменов и политиков, с детства лояльных ему. В этих целях в лицее, как мне рассказали в Кораллово, использовали методику «длительных деловых игр». В детские игры была введена настоящая экономика и настоящий бизнес. Всюду были развешаны портреты Ходорковского и плакатики с его высказывания-

ми. Его культ, как отца родного, поддерживался на всех этажах и во всех комнатах пансионата.

Я уезжал из Кораллова с тяжелым сердцем: там я впервые увидел, как действует процесс роботизации человека по методике олигарха. И это было лишь частью комплексного плана Ходорковского по захвату власти в России, осуществить который ему не дали.

Олигарх в поход собрался

В Женеве на имя Ходорковского было зарегистрировано несколько компаний. «Forbes» тогда оценил его состояние в 600 млн. долларов — это всё, что осталось после отсидки от его 15 миллиардов долларов. Но такой суммы ему хватило не только на поддержание штанов, но и на поддержку его широко разветвленной агентуры в России под видом движения, а по сути — политической партии «Открытая Россия», или «Открытки», которую формально возглавлял в 2019—2021 годах известный либерал и иноагент Андрей Пивоваров (15 июля 2022 года Ленинский районный суд Краснодара приговорил Пивоварова к четырем годам колонии и запретил ему заниматься политической деятельностью на восемь лет). В правление вошли деятели той же ориентации: иноагенты Ирина Ясина, Владимир Дубов, Василий Шахновский и др., но фактически всем руководил Ходорковский. Как известно, сейчас финансирование фонда осуществляется напрямую Михаилом Ходорковским. Отделения «Открытой России» работали в 50 регионах РФ вплоть до 2021 года, когда это объединение объявило о самороспуске.

Ставка на беглых

Обретя свободу, Ходорковский, по его собственным словам, первоначально планировал сконцентрироваться на общественной, правозащитной деятельности и не собирался заниматься российской политикой. Однако уже 20 сентября 2014 года он вновь заявил из Парижа о своих президентских амбициях в России. Вот тогда стало понятнее, почему послали выручать его в Россию не кого-нибудь, а именно Киссинджера, которого, как известно, по мелочам в его 90 лет с лишним не беспокоили. После этого визита стало ясно, что мировая закулиса сделала ставку на Ходорковского как на лидера российской оппозиции и стала всячески поддерживать не только его антироссийскую деятельность, но и его президентские амбиции, несмотря на то, что в самой России такая

кандидатура выглядела по меньшей мере неприемлемой уже в силу того, какие обвинения выдвигало против него следствие по делу ЮКОСа.

7 декабря 2015 года стало известно, что Следственным комитетом России Ходорковскому заочно предъявлено обвинение по уголовному делу об убийстве мэра Нефтеюганска Владимира Петухова, совершенного в 1998 году. Ходорковский был объявлен российскими правоохранительными органами в международный розыск, однако их запрос Интерпол отклонил, хотя он и остается в силе по сей день.

Из личной жизни беглых

С эвакуацией Ходорковского из России закончилась многолетняя кампания в защиту этого олигарха, которую все годы его заключения вела вся сионистская рать вместе с Amnesty International, присвоившей Ходорковскому и его коллеге по воровству Платону Лебеву статус «узников совести». Хотя Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) так и не признал дело Ходорковского политически мотивированным.

Можно было расслабиться. И судя по некоторым сообщениям, беглый олигарх, субсидирующий лондонский филиал запрещенного в России ЛГБТ-сообщества, не упустил такой возможности. По сообщению портала LiveJournal, «Ходорковский вышел замуж. Избраннику Михаила Борисыча 26 лет, он из Прибалтики, зовут Николай».

Можно было бы усомниться в такого рода сообщениях о личной жизни Ходорковского, хотя о его голубизне слухи ходили еще в России, если бы не история его контактов с неким Ренатом Давлетгильдеевым, российским журналистом и ЛГБТ-активистом, бывшим ведущим и заместителем главного редактора телеканала «Дождь» (признан иноагентом). Он работает теперь ведущим YouTube-канала «Ходорковский LIVE», где вообще почти вся команда набрана из «голубых».

Давлетгильдеев известен своими сексуальными скандалами. В 2014 году он стал руководителем видеопортала «Открытая Россия». Проект финансировался Ходорковским через юридическое лицо, зарегистрированное на Давлетгильдеева. В 2016—2018 годах этот гомик жил в Праге, где был ведущим и продюсером телеканала «Голоса Америки» «Настоящее время». В 2020 году — креативный директор Snob.ru. В октябре 2020 года он сообщал о планах баллотироваться в Госдуму от Южного избирательного округа Санкт-Петербурга

и намеревался представлять ЛГБТ-движение в Госдуме, но поддержки не получил.

Давлетгильдеев — открытый гей, совершил каминг-аут (т.е. признался публично в грехе содомском) в 2013 году. В 2018 году утверждал, что помощники Владимира Жириновского хотели отвезти его в корпоративную сауну ЛДПР, а сам политик «лапал» его. В 2020 году он повторил эти слова в эфире «Дождя». Жириновский требовал признать информацию недостоверной и порочащей его честь, достоинство и деловую репутацию, а также выплатить ему 10 млн. рублей.

Лондонский рубеж

С 2016 года Ходорковский постоянно живет в Лондоне. Он был и остается злейшим врагом России. Вокруг этого беглого олигарха в последнее время активно кучкуются беглые российские релоканты, которых он регулярно подкармливает, открывая для них в Лондоне разного рода рупоры для вещания на Россию вроде «Ходорковский лайв», где он и сам выступает, или «Фейгин лайв», где витийствует со своими антироссийскими передачами его еврейский соплеменник, родственник бывшего активиста ВЛКСМ Герасима Фейгина — беглый самарский адвокат и бывший депутат Госдумы Марк Фейгин (признан в РФ иноагентом). Он получил известность в России и за рубежом после защиты девиц из Pussy Riot и как доверенное лицо Касьянова, кандидата в президенты России.

Под эгидой Ходорковского и еще одного нацпредателя Гарри Каспарова (признан иноагентом) беглая русофобская публика объединяется с новыми власовцами. В ходе очередного «форума», который состоялся в Киеве, Евгения Чирикова, Марк Фейгин и Илья Пономарев (все трое признаны в РФ иноагентами) провели встречу с боевиками из запрещенных в РФ террористических организаций «Русский добровольческий корпус» (РДК) и «Легион «Свобода России».

Еще один нацпредатель, который кормится из корыта Ходорковского, бывший депутат Илья Пономарев, заявил, что, вторгаясь в Белгородскую область и обстреливая мирных жителей, боевики РДК и других незаконных террористических формирований «освобождают Россию».

Итогом этого сборища нацпредателей стал «Меморандум о сотрудничестве». Они призвали всех россиян оказывать «добровольцам», воюющим на стороне киевской нацистской хунты, любую помощь: финансовую, информационную, гуманитарную.

«Сегодня исторический день! Сегодня в Киеве добровольцы, воюющие на стороне ЗСУ, и представители российской оппозиции подписали «Меморандум о поддержке российских добровольцев, воюющих против путинского режима», — визжала от восторга иноагент Чирикова. Она надеется, что в скором времени к русофобскому «форуму» присоединятся новые «оппозиционные силы», очевидно, из числа беглых нацпредателей. Только вот не подумала эта дамочка, что тем самым и она, и ее подельники из числа таких же, как и она, нацпредателей, подписала себе смертный приговор. Эти откровенные враги нашей страны, не скрываясь, совершают государственную измену и спонсируют терроризм. А о том, что этот приговор вынесен уже всем новым власовцам, открыто предупредил В.В. Путин, выступая на заседании коллегии ФСБ России: «Россия помнит о тех преступлениях, которые творили власовцы на советской земле, новых предателей страна точно так же никогда не простит».

ЧУБАЙС И НОВЫЙ РУСОФОБСКИЙ ЦЕНТР

Чубайс запустил в Израиле центр изучения будущего России. Экс-глава «Роснано» стал «организатором группы спонсоров» Центра российских исследований (CRS), который заработал на факультете социальных наук Тель-Авивского университета.

На сайте факультета израильского университета умильно говорится: «Несмотря на своё название, проект выглядит на удивление аполитичным. Чтобы более или менее серьёзно говорить о будущем России, центр намерен заняться новейшей историей России — экономической, политической, социальной и культурной».

Чубайс, с тех пор как покинул Россию, обосновался в Израиле. Декан факультета социальных наук университета в Тель-Авиве Итай Сенед, который возглавил новый центр, поведал, что экс-глава «Роснано» «не имеет влияния на будущее России и не хочет иметь влияние», а «стремится привлечь ресурсы, чтобы попытаться понять будущее России». Он говорит, что не видит ничего предосудительного в том, что человек, занимавший высокие посты в России, будет спонсо-

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

ром нового центра. «Чубайс пришёл к нам с этой идеей и помог нам собрать часть финансирования», — отметил Сенед.

Ну ясно же, что как израильский университет, так и в особенности Чубайс, являются неистовыми альтруистами. А уж как «самый эффективный менеджер» озабочен будущим России, заботится о ней — тому подтверждение вся биография приватизатора, ельцинского главы администрации, главы РАО ЕС и «Роснано».

Главред ликвидированной радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов (признан иноагентом) опубликовал в своем телеграм-канале аудиозапись со словами Чубайса: «Россия во второй раз за последние 35 лет меняет вектор своего развития на противоположный. Очень важно сейчас встать над эмоциями, личными судьбами и политическими предпочтениями и попытаться заново понять нашу новейшую историю, чтобы не повторять сделанных ошибок. Только так можно получить уроки, которые будут по-настоящему востребованы в будущем».

Прошлого гражданину Израиля Чубайсу-Сагалу, значит, маловато, теперь он будет заниматься будущим России, ибо преисполнен любовью к науке и является ещё и «талантливым» историком.

Вместе с филантропом и романтиком Чубайсом исследованиями займутся такие же бессребреники — социолог и бывший декан факультета социальных наук «Шанинки» Виктор Вахштайн (признан иноагентом), политолог Александр Баунов (признан иноагентом), экономист и замглавреда «Коммерсанта» Дмитрий Бутрин, литературовед и публицист Александр Архангельский.

Короче, русофобский центр формируется под Чубайса, который будет работать в тесной спайке со всеми остальными мировыми западными структурами и фондами, ставящими своей задачей уничтожение России. Опыта не занимать, так как долгие годы Чубайс был «смотрящим» от Запада за Россией.

Приходится только удивляться, как в этом персонаже, по которому тюрьма рыдала, несколько десятилетий в российской власти «наивно» не могли распознать махрового врага страны и масштабного махинатора и казнокрада?! Более того, позволяли ему на всё новых должностях разлагать страну и разграблять бюджет, действовать в интересах врага. Все резко прозрели только после его бегства из России.

Кстати, не повторится ли такая же история с другими персонажами либеральной закваски, в частности — Германом Грефом, Эльвирой Набиуллиной, Антоном Силуановым

и некоторыми иными? Или во власти прозреют только тогда, когда они сотворят новые беды для России?

В прежние годы не раз в русской прессе я задавался вопросами: «Почему такие персонажи на свободе?! Уберут Чубайса или нет?» Нет, не убрали. Дали в марте 2022 года спокойненько свалить из страны. После всего сотворённого им! В итоге, как писали, он получил израильское гражданство и стал то ли Натаном Боруховичем, то ли Анатолием Натановичем Сагалом. Писали, что в израильском паспорте его имя-отчество Анатолий Борухович, а фамилия по матери Сагал.

Выступая на Восточном экономическом форуме во Владивостоке 12 сентября прошлого года, В.В. Путин выразил непонимание тем, «зачем господин Чубайс перешел на нелегальное положение в Израиле». Президент также сказал: «Мне показали какую-то фотографию из интернета, где он уже не Анатолий Борисович Чубайс, а Мойша Израилевич. Зачем он это делает, я не понимаю. Что он удрал? Ну, там, может быть, связано еще с тем, что идут сложные процессы в структуре нанотехнологий, которую он возглавлял долгие годы («Роснано»), и там большая дыра, огромная дыра финансовая. Да, правда, я сейчас не буду цифры называть — большие цифры».

Тем временем, как пишет «Форбс», депутат Хинштейн узнал, что следователи предъявили окончательные обвинения по делу о хищении из «Роснано» 1,676 млрд. рублей. Организатором преступления следствие считает «неустановленное лицо» из руководства «Роснано», а членами организованной преступной группы — четверых соратников бывшего главы компании Чубайса. Среди них Хинштейн назвал бывшего зама Чубайса в правлении Олега Киселева, экс-директора кипрской Nanoenergy Fund Limited («дочка» «Роснано») Олега Дьяченко, бывшего гендиректора «Руснано Капитал» Ирину Рапопорт и бывшего предправления банка «Пересвет» Александра Швеца. Всем четверым, по словам депутата, предъявлены обвинения по части 4 статьи 160 УК (присвоение или растрата в особо крупном размере в составе организованной группы). Максимальное наказание по ней — 10 лет лишения свободы.

Да, но что это за «неустановленное лицо»? Где сам Чубайс как главарь банды? Да и Киселеву, Швецу и Рапопорт обвинения предъявлены заочно, так как они скрываются за рубежом. Дьяченко же заключил соглашение о сотрудничестве со следствием и помещён под домашний арест.

Мило, правда? Всем дали сбежать, как и Чубайсу, а Дьяченко в домашних условиях «сотрудничает со следствием». Чубайс же вообще не при чём.

Впрочем, предполагают, что привлечению к ответственности даже в случае возбуждения новых уголовных дел могут помешать сроки давности. В случае с перекачкой более 1,6 млрд. руб. средств «Роснано» через кипрский фонд речь идет о 2012—2015 годах. Между тем, срок давности по статьям о растрате или хищении вверенных средств или особо крупном мошенничестве составляет десять лет. В свое время было несколько попыток привлечь к ответственности экс-главу «Роснано» Леонида Меламеда, бывшего финансового директора корпорации Святослава Понурова и бывшего управляющего директора по инвестициям Андрея Горькова, однако этому мешали позиция тогдашнего руководства «Роснано», которое не считало компанию пострадавшей, а также именно истечение указанных в УК РФ сроков.

Кто же это так нагло и топорно отмазывает расхитителей?

И по цифрам. Какие 1,6 млрд. рублей?! Ведь изначально речь шла о сумме примерно в 200 млрд. руб. «Ошиблись» в цифрах на два порядка. Почему российские налогоплательщики должны оплачивать долги «Роснано», а повинные в беспрецедентных махинациях избегать уголовного преследования?

Как пишут, возглавляя инновационную госкорпорацию в течение двенадцати лет, на два года дольше, чем РАО «ЕЭС», Чубайс оставил после себя незавидное наследство: огромные финансовые убытки и долги перед кредиторами, гасить которые пришлось государству. Руководителем «Российской корпорации нанотехнологий», реорганизованной в «Роснано», Анатолий Чубайс стал в сентябре 2008 года. Своё кресло он удерживал вплоть до декабря 2020 года, когда получил пост спецпредставителя президента по связям с международными организациями. Чистый убыток «Роснано» в 2020 году составил почти 53 млрд. рублей, а объем обязательств приблизился к отметке в 150 млрд. рублей. После того как осенью 2021 года на Мосбирже были приостановлены торги всеми выпусками облигаций госкомпании на сумму более 70 млрд. рублей, новой команде менеджеров пришлось начать переговоры с кредиторами о возможных сценариях реструктуризации долгов.

Затем финансовое положение «Роснано» несколько улучшилось — по итогам 2021-го, без Чубайса, впервые за четыре года компании удалось получить чистую прибыль в 700 млн. рублей и сократить долги на 20 млрд. рублей. Впрочем, удача

сопутствовала новым управленцам недолго: уже в следующем году кредитные обязательства холдинга начали расти, и в конце 2022-го купоны по облигациям «Роснано» впервые за всю историю пришлось гасить Минфину, поскольку у самой компании денег на эти цели не хватало. На начало 2023 года остаток долговых обязательств госкорпорации составлял около 100 млрд. рублей со сроком исполнения до 2029 года. Расходы по долгу оцениваются в 135 млрд. рублей.

И вот теперь, вместо того, чтобы куковать на нарах, Чубайс-Сигал будет заниматься в еврейском государстве «новой историей России — экономической, политической, социальной и культурной».

Почему Москва не требует у Израиля экстрадиции Чубайса в Россию? Потому что уголовных дел нет? Так откройте!

Простого гражданина осудят за кражу в несколько тысяч рублей, а тут ограбление в сотни миллиардов, и не могут даже назвать виновного?! Почему «славные делишки» Чубайса до сих пор кем-то спускаются на тормозах? Даже в открытом уголовном деле фигурирует какое-то «неустановленное лицо»...

ТРЕТИЙ ХРАМ ПРОТИВ ТРЕТЬЕГО РИМА

Сначала — цитата из статьи в израильской газете «Jerusalem Post». Материал был посвящен резне в мечете Аль-Акса, которую мир наблюдал на Песах 2022. Причиной инцидента стали действия группы раввинов религиозных сионистов, которые пытались совершить жертвоприношение на Храмовой горе, за что, соответственно, и схлопотали от арабов. Автор сего опуса поразительно ёмок, он укладывает суть глобального плана тех, кого мы условились называть «криптотамами», буквально в два коротких абзаца:

«Ответственные иудейские, христианские и мусульманские лидеры должны использовать волну исламского насилия, чтобы немедленно начать обсуждение практических и мирных шагов по восстановлению Храма на Храмовой горе. Это можно было бы сделать, не повреждая и не проявляя неуважения к Куполу Скалы или Аль-Аксе, в рамках будущего мирного плана между Израилем и его арабскими соседями, чтобы раз и навсегда покончить с чумой исламского террора. Точно так же на протяжении

Продолжение. Начало в №5-6 за 2024 г.

ТАЙНОЕ И ПОТУСТОРОННЕЕ

многих веков христианство относилось к Храму враждебно, но по мере того, как отношения между иудеями и евангелистами улучшались в последние годы, некоторые христиане пересматривают свои отношения с Храмом».

Сии «гуманнейшие» чаяния подтверждает директор правозащитной группы по связям с христианами на Храмовой горе «Cry for Zion»: «Христиане раньше полагали, что воскресенье Христа отменяет значение Святого иерусалимского Храма. Но когда мы внимательно читаем Евангелие и Апостол, то видим, что апостолы продолжали страстно любить Дом Божий в Иерусалиме. Поэтому сегодня по мере того, как Бог восстанавливает Сион, мы должны заново открывать для себя наши собственные тексты, словно одев на себя еврейские очки, в том числе в отношении грядущего Третьего храма».

В заключении автор торжественно заявляет, что сегодня всё больше христиан присоединяются к иудеям, страстно желая восстановить Храм в Иерусалиме: «Пришло время миролюбивым иудеям, христианам и мусульманам объединиться и построить дом молитвы для всех народов».

Здесь сразу же вспоминается и новоявленный «царь» Кир/Трамп со своими «Авраамовыми соглашениями», здесь и Ватикан со своим экуменизмом, а главное, мессианский «мир во всем мире», но, прошу заметить, через призму «еврейских очков», так сказать, через тусклое стекло гадательно. И весь этот компот подан под «целомудреннейшим» пеплом иудейских жертвоприношений.

Да, конечно, можно сказать, что это просто какая-то заплаченная газетенка, мало ли что пишут. Соглашусь. Поэтому, двинемся от лозунгов великих комбинаторов к их непосредственным делам.

Невозможно не заметить, что около десяти последних лет происходит общее изменение в отношении еврейской общественности к Храмовой горе, причем изменения эти, без преувеличения, эпохальные. «Сейчас идет такое оживление в этой области, какого не было никогда, — говорит Гершон Саломон, руководитель движения «Ревнителю Храмовой горы». — Я занимаюсь этой темой уже 47 лет и до сих пор такого не видел, это просто поразительно. Теперь туда поднимается огромное количество людей из всех частей народа, и ультраортодоксы тоже приблизились к этой теме».

Цимес в том, что Тора запрещает евреям подниматься на Храмовую гору до тех пор, пока не явится мессия, который только и может им позволить сделать это, причём строго после ритуала «очищения» от «великой нечистоты».

Самое невероятное заключается в том, что нарушение аргументов Галахи идёт не из министерских канцелярий, а из

синагог и йешив. Правда, не тех, которые исповедуют традиционный иудаизм, а модернистских. И здесь среди раввинов наблюдается самая ожесточенная война.

По иронии судьбы, изначально в новейшей истории инициировал запрет на посещение Храмовой горы как раз родоначальник религиозного сионизма — рав Авраам Ицхак Коэн Кук. Постановление от 1967 года было подписано раввинами самых разных направлений и течений в иудаизме, включая главного ашкеназского раввина Израиля Исера Йеуду Унтермана, главного сефардского раввина Ицхака Нисима, а также многих других наиболее авторитетных законоучителей. Всего под тем решением стояло 50 фамилий. В оригинальном постановлении отмечалось, что «со временем евреи утратили точные данные о том, где именно находился Храм. Поэтому посещение Храмовой горы и случайное попадание на место, где раньше находилась храмовая Святая Святых, чревато наказанием «карет» (отсечением души от Источника жизни)».

Как ни удивительно, подобное постановление стало возможным во многом благодаря исключительному политическому влиянию СССР в мире.

В 1967 году израильская армия взяла под свой контроль Храмовую гору. 7 июня, во время Шестидневной войны, главный капеллан армии раввин Шломо Горен в окружении солдат объявил о возвращении евреев на Храмовую гору после двухтысячелетнего отсутствия. Он взял в руки рог шофара и торжественно протрубил в него, провозгласив: «Я, генерал Шломо Горен, главный раввин Армии обороны Израиля, пришёл к этому месту, чтобы никогда уже не покидать его». Никогда исполнение еврейской мечты не было так близко!

Однако сверхъестественное «мессианское чудо» не произошло. Министр обороны Израиля Моше Даян неожиданно передал контроль над самой главной еврейской святыней — Храмовой горой — мусульманам. За что был проклят радикальными группами иудеев.

Подобное решение министерства связывали с тем, что Даян был советским протеже. К слову, во время Великой Отечественной войны командующий фронтом генерал армии Рокоссовский отправил юного Моше, на тот момент британского майора, служить в 60-ю армию к генералу Черняховскому. За проявленный героизм будущий министр обороны Израиля — ходатайством Жукова (опять же, к слову) — стал кавалером ордена Боевого Красного Знамени. В дальнейшей политической судьбе Даяна воля России станет определяющей, а в истории с Храмовой горой будет прослеживаться

явный советский след. Именно благодаря грамотной политике СССР иудейскому пророчеству не суждено было сбыться.

Вообще роль Советского Союза в урегулировании ситуации на Ближнем Востоке была определяющей. Иоси Бейлин, Эхуд Барак, Саддам Хусейн разделяли первенство СССР и подчинялись. Во главу угла ставилось сведение религиозной составляющей конфликта к минимуму.

С уничтожением Союза, ситуация в регионе резко начала разворачивается в противоположную сторону: под натиском глобалистов, группы «правильных» раввинов со временем быстро радикализировались.

Переломным моментом в этом направлении можно считать ноябрь 2015 года, когда раввины уже модернизированного сионистского течения инициировали коллективное письмо правительству под заголовком: «Не отказываемся от горы Дома Господня». В документе 70 израильских раввинов, лидеров всевозможных модернистских течений иудаизма, призывали правительство укрепить израильский суверенитет на Храмовой горе. Они ссылались на касающиеся строительства Третьего храма пророчества Исаяи и Михея и подчеркивали, что «народ Израиля молится, чтобы мы удостоились осуществления этих пророчеств в скорости, уже в наши дни». Этим письмом обновленцы ставили под прямой удар Верховный раввинат Израиля, ослабляя позиции этого учреждения, которое и без того многие израильтяне сегодня считают изжившим себя.

Для понимания: произошедшее тогда в Израиле равносильно тому, если бы Священный синод РПЦ разрешил нашему священству совместное евхаристическое сослужение с еретиками... Можно представить, какая бы последовала реакция у народа Божия. А там — нет. Съели и не поперхнулись даже — задрав штаны, побежали осквернять свою национальную святыню. Это опять же к вопросу о религиозной апостасии в среде «народа избранного». Богобоязненные старики-сефарды (которые запрещают и персты вкладывать в расщелины Стены плача, считая уже это проникновением в Святая Святых) в исступлении грозят богоотступникам кулаками, пророча за такие кощунства чуть ли не второй холокост, а никак не воцарение мессии. Что же, их можно понять...

И кто-то после этого будет говорить о религиозности модернистов «криптоتامов»? Чистая политика и манипуляции.

Одним словом, 2015 год можно условно считать годом запуска глобалистского проекта по возведению на престол какого-то «своего», деланного на коленке всемасонского «короля».

Выходит, что настоящего антихриста Апокалипсиса вытеснил какой-то самозванец, антихрист масонский? Вот так сюжет! Ну как тут не улыбнуться? А дела между тем проворачиваются самые что ни на есть серьезные, только успевай примечать.

Хотя официально статус-кво в отношении Храмовой горы и не нарушен, но за последние десять лет вокруг проекта по восстановлению иудейского святилища образовалась целая продвинутая индустрия, которая развивается в первую очередь за счет огромных иностранных вливаний. Организаций, обществ, фондов, движений, институтов, призванных популяризировать Храмовую тему, десятки, если уже не сотни. Приведу всего несколько примеров.

«Движение за восстановление Храма» занимается созданием храмовых принадлежностей и одежды коаним (священников) для использования в будущем. Активисты движения также организуют группы для восхождения на Гору и показывают фильм на тему принесения пасхальной жертвы, причем уже в наши дни. Организация «Эль Хар ха-Мор» проводит экскурсии с гидом по Храмовой горе и обучает экскурсоводов, каждый курс — около 70 человек. Участники «Мишмар ха-Микдаш» (Храмовая Стража) организуют постоянные дежурства у ворот, через которые евреи входят на священную территорию. Члены движения «Ревнителы Храмовой горы» являются авторами многочисленных идей, которые помогают повысить интерес к вопросу строительства Третьего храма. Одна из них — символическая закладка краеугольного камня для святилища, закончившаяся, естественно, интифадой. Участники идеологического движения «Хай векаям» («живёт и существует») организуют молитвы около ворот Храмовой горы. Активистки движения «Женщины в защиту Храма» распространяют информацию о Храме среди харедим посредством домашних кружков и издательской деятельности. Они также собирают золото у женщин, которые добровольно снимают с себя драгоценные украшения и посвящают их на изготовления утвари для будущего Храма. Они черпают вдохновение для такой щедрости из истории с построением древнего Мишкана, передвижного Храма в пустыне, когда их древние предшественницы поступили так же.

Непосредственно комплектацией будущего культового сооружения занят так называемый «Институт храма» и связанные с ним организации. В солидном американском издании «The New Yorker» как-то было опубликовано сообщение руководителя одной из них, раввина Иосифа Элбоима, о том, что в их институте воссоздается убранство, ритуальные одеж-

ды и утварь храма; выведена порода идеально рыжих коров, которые, согласно Книге Чисел, требуются для ритуального жертвоприношения; в специальном здании недалеко от Иерусалима для этого воспитываются будущие священнослужители — четыре еврейских мальчика, которые с момента рождения живут без соприкосновения с «осквернённой землей» (ходят по специальным настилам) и в 13-летнем возрасте будут готовы совершить долгожданное жертвоприношение, создана даже академия левитских хоров для встречи машиаха.

Или, например, «Комиссия раввинов Храма» — это группа раввинов, которая собирается для обсуждения различных вопросов, связанных с Храмовой горой. Раввины — люди творческие, с огоньком, они то предлагают установить палатку в стиле скинии на Храмовой горе, что значительно ускорило бы реализацию сценария событий «последних дней», то включаются в строительство синагоги в одном из углов Храмовой платформы. А ещё ими было написано несколько книг, продвигающих версию, что первоначально Храм располагался вовсе не на месте мечети Омара, а в городе Давида, недалеко от источника Гихон. Раввины убеждены, что строительство Третьего храма можно начинать без промедления прямо сегодня. А уж если учесть технологический рывок, то простор для фантазий открывается уже в 3D формате: Храмограмма от NASA, или Храм из тысяч микро-дронов, плавно нисходящий с небес на землю... Да хоть Храм на Луне, чего мелочиться. Главное, что вся эта деятельность «во славу машиаха» отлично оплачивается.

Отдельная тема — археологическая. Сионисты упорно пытаются найти доступ к комплексу мечети Аль-Акса, они прорыли десятки тоннелей под дворами мечети, утверждая, что должны искать еврейские памятники, в том числе руины Храма. Благодаря этим раскопкам уже построены молитвенные комнаты под Аль-Аксой и залы заседаний, в которых, например, правительство Биньямина Нетаньяху собиралось в 2017 и 2023 годах, чтобы закрепить идею разделения Храмовой горы.

Первое гласное упоминание о подземном строительстве появилось в 2008 году. Исламское движение в оккупированной Палестине и Фонд Аль-Акса по восстановлению исламских святынь сняли туннели на видео и разоблачили оккупацию. Была настоящая сенсация! Правда, уже в 2015 году израильское правительство запретило эти организации, захватив их штаб-квартиры.

Официально же информация появилась лишь только в 2017 году, когда в израильских газетах «Едиот Ахронот» и «Исраэль Хайом» были опубликованы фотографии синагоги, по-

строеной оккупационными властями под Стеной Плача в рамках продолжающихся раскопок под Храмовой горой.

На сегодняшний день в археологической сфере Иерусалима царит полная демократия! За какие-то плюс-минус пять лет часть подземных объектов стали не только общедоступными, но даже обязательными для посещения туристами. О производимых раскопках и подземном строительстве уже не то что помалкивают, но наоборот — трубят на каждом углу, что не может косвенно свидетельствовать об утрате сдерживающей роли арабов в регионе.

Всё, что связано с раскопками, дипломированный гид девственно именует «музейно-археологическим проектом», который начался в 90-е годы и вот просто ну нисколько не связан ни с политикой, ни с религией как таковой. Кто бы сомневался. Видео действительно удивляет, поскольку археологами проделана поистине колоссальная работа. Найдены остатки построек времен Второго храма: большие каменные своды моста, арки, цистерны, древняя траншея водного акведука, лавки храмовых торговцев, миквы для омовения коэнов, в которых уже сегодня вовсю плещутся веселые евреи. В Википедии было написано, что эти работы активно проплачивал Коломойский. Два года назад археологи обнаружили так называемую Арку Уорона (по имени руководителя первых раскопок на Храмовой горе 1864—1870 годов, капитана Британской разведки Чарлза Уорона). Примечательно, что уже сегодня официально называется точное расстояние от указанной точки стены до краеугольного камня Святая Святых ветхозаветного Храма, и оно составляет 97 метров. А это означает, что точное место жертвенника уже найдено? Ну, или якобы найдено, что, впрочем, одно и то же.

Выяснилось еще кое-что важное. Оказывается, два года назад откопали даже историческое здание Малого Синедриона или опять же якобы Малого Синедриона. Смысл в том, что раввинские авторитеты считают восстановление этого органа одним из главных условий воцарения иудейского царя и восстановления Третьего Иерусалимского храма. Кто будет возводить на престол? Тут важна процедура.

Возрожденный Синедрион, также известный как «Зарождающийся Синедрион», был создан в 2004 году. Это уже шестая попытка в новейшей истории. «Зарождающийся Синедрион» считается временным органом, ожидающим интеграции в израильское правительство в качестве Верховного суда и верхней палаты Кнессета. Первый шаг к легитимации сакрального органа был сделан Трампом, который признал Иерусалим столицей Израиля. Теперь, когда уже даже нашлось историческое здание верховного органа политической, ре-

лигиозной и юридической власти евреев, дело остается за малым и необходимо спешить.

Гул отбойных молотков непрерывно сопровождал экскурсантов на протяжении всего маршрута, работы не останавливаются ни на день.

Но самое главное гид сообщил вскользь, когда говорил о заказчиках «музейно-археологического проекта»: «Это под земелье принадлежит не государственным структурам, а частным организациям, фондам, которые спонсируют раскопки. Причем это даже не религиозные организации. Семьи, которые спонсируют раскопки, живут в Америке, это полусветские еврейские семьи, они вообще не сильно религиозные».

Сказанное еще раз подтверждает нашу основную мысль, что нынешний Храмовый экуменический проект не является религиозным, но преследует исключительно политические цели глобалистских «элит».

Найти конкретные фамилии деятелей мне не удалось. Но, к примеру, еще один археологический парк с названием «Центр Дэвидсона» (музей в подвалах дворца Омейядов) создан на пожертвования некоего американского бизнесмена, одного из крупнейших в мире производителей автомобильных стекол Уильяма Дэвидсона, ныне покойного. А в спонсировании раскопок так называемого «Города Давида» в Сильване замечен Роман Абрамович. Впрочем, эти имена нам мало о чем скажут, понятно, что светить главных «благотелей» никто не будет.

А вот о том, что раскопки не ограничились пространством вдоль Стены плача (той части, что открыта сегодня для гоев), говорит множество фактов. Так, например, 21 мая 2023 года израильская газета «Маарив» сообщила о «встрече большого символического значения», которую правительство Нетаньяху провело внутри туннелей Аль-Бурак, расположенных непосредственно под стеной мечети Аль-Акса. Мероприятие даже транслировалась по местному телевидению.

По данным «Times of Israel», на встрече в туннелях правительство Израиля утвердило бюджет в размере 60 миллионов шекелей (16,5 миллиона долларов США) на разработку и строительство туннелей Западной стены.

Тогда же ивритский веб-сайт «Хадашот хамут» сообщал, что министры и депутаты Кнессета подвели итоги встречи в туннелях Аль-Бурак, повторив слова создателя и идеолога наиболее радикальной еврейской националистической группировки 1920-х годов «Брит Бирьоним» хасидского поэта Ури Цви Гринберга: «Тот, кто контролирует мечеть Аль-Акса, контролирует Иерусалим, а тот, кто контролирует Иерусалим, контролирует мир».

Таким образом, пользуясь покровительством отдельных глобалистских кланов США, Нетаньяху возглавляет экстремистское правительство, в которое входят ультраправые национально-религиозные партии, призывающие к «изменению судьбы евреев и ускорению их спасения» путем тотальной иудаизации Восточного Иерусалима.

Ну что же, «ускорились», так «ускорились». Последние годы буквально фонтанировали событиями, призванными указывать на приближение исполнения еврейских обетований. Попробуем разобрать цепь актуальных событий на запчасти и понять, с чем связана такая спешка.

Итак, звено первое: в Израиль из США привезли «красных» коров, о чем трубили не только из чайников, но и из кофейников.

Звено второе: раввины выкупили кусок земли на Елеонской горе, где, как утверждается, должны совершить ритуал очищения в преддверии начала стройки века.

Звено третье: пересохла река Евфрат, в прессе появляются заголовки типа «Евфрат пересох — в этом году Армагеддон».

Звено четвертое: израильские ученые обнаружили жизнь в Мертвом море.

Звено пятое: у Стены плача туристы видели лисицу, а потом змею, пожирающую голубя.

Как можно догадаться, обозначенные пункты имеют отношение к тем или иным пророчествам о наступлении «мессианской эры» и преподносятся в прессе как сенсации. Но если присмотреться, то получается, как в том самом фильме: «а царь-то не настоящий...»

На реке Евфрат и ее притоках 16 гидроэлектростанций, большая часть из которых расположена в Турции. Согласно региональным источникам, с ноября прошлого года турецкое правительство снизило уровень воды в реке Евфрат, поступающей в Сирию, на 60—70% от общей согласованной доли. Кого-то после этого еще удивляет, что некоторые притоки реки обмелели?

Коровы такие же липовые, поскольку родились не естественным путем, а из пробирки. Да и не нужны они вовсе, коровы эти. Главный кодификатор законов Торы Маймонид по этому поводу пишет, что пепел красной коровы, предназначенный для очищения ритуально нечистых людей, после разрушения Храма приготовит только машиах собственной персоной («Законы, связанные с красной коровой» 3, 4). Можно, конечно, допустить, что кандидат в машиахи уже есть, но, согласно тому же Маймониду, «Заповедь о красной корове выполняется только в то время, когда существует Храм», о чем также написано и в Сэфер а-Хинух (397-я запо-

ведь). В иудейской Торе сказано о приготовлении этого пепла: «И возьмет Элазар-священнослужитель от ее крови перстом своим, и покропит к передней стороне шатра собрания» (Бэмидбар 19, 3). «Шатёр собрания» (оэль моэд) это часть Храма, которая иначе называется «Святая Святых». Поскольку в наше время Храма нет и, соответственно, нет «Святая Святых», выполнить это требование Торы невозможно. Или мы чего-то не знаем, и машиах с 3D Храмом на Луне уже существуют?

Ах, да, еще один любопытный момент. Как выяснилось, за лихорадочными поисками «красной коровы» стоят две организации, первая, как мы уже знаем — это «Институт Храма», а вот вторая — община евангельских христиан «Мы строим Израиль» во главе с Джачи Мимо. Религиозные прокси — самое что ни на есть иезуитское изобретение. Идём дальше.

«Пророческую» тему имеет и звено шестое: как не вспомнить совершенно невероятную полукомическую историю, когда в начале текущего года под штаб-квартирой ХАБАДа на Краун-Хайтс в Бруклине были обнаружены секретные туннели таинственного назначения. Тогда полиция Нью-Йорка арестовала десятки хасидов — приверженцев мессианского религиозного направления. Разгадка оказалась столь же невероятной, как само происшествие, — вот уж точно, умом хасида не понять.

Дело в том, что последний ребе ХАБАДа Менахем Шнеерсон считал здание в Бруклине не обычной синагогой, а мини-моделью Третьего храма, куда изначально-то и должен прийти мессия (эта игра в наперстки с храмами у хабадников называется эзотерическое учение о Странствующем Храме «Бейт Рабейну» в Вавилоне). Шнеерсон объяснял, что Третий храм «раскроется» сначала в центральной синагоге ХАБАДа в Нью-Йорке, известной как «Севен Севенти» («770»), а уже оттуда перенесётся на своё место в Иерусалиме. Там к нему прикрепятся все синагоги мира, а самая главная из них — «770» — будет находиться в самом Храме. Но есть нюансы. Ребе говорил о том, что для того, чтобы стать Храмом, «770» должно расшириться, причем «посредством взрыва или прорыва через ограждение, как будто ты строишь новое здание». Ну вот, собственно, ортодоксальные копатели тоннелей бруклинскую синагогу до Третьего храма и расширяли. Делаем вывод, что расширение синагоги «770» является важным и даже необходимым звеном в подготовке к встрече машиаха. Но только опять же, какого именно? Машиах от ХАБАДа, конечно же, понравится американским иудеям, американским же протестантам и католикам... От него сто процентов в

восторге будет Дональд Трамп, а папа Франциск непременно присягнет целованием туфли, но вот что скажут многочисленные оппоненты и критики Любавичских хасидов?..

Небольшое лирическое отступление. Нужно признать, что, на наш дилетантский взгляд, американская, возглавляемая ХАБАДом коалиция от иудаизма — единственная действительно консолидированная группа внутри мирового еврейства. В прошлой главе мы упоминали о том, что еврейская диаспора в ее сегодняшнем состоянии крайне разобщена, но влиятельным еврейским кланам до этого нет никакого дела. В хасидскую же тему явно кто-то вкладывается, совершенно очевидно, что на ХАБАД Любавич сделаны ставки. Впрочем, тут нет никаких секретов. Но для начала оцените, в каком узнаваемом стиле работают американские хасиды ХАБАДа.

Несколько лет назад «New York Times» сообщала, что 101 американский раввин во главе с раввином ХАБАДа Артуром Грином (по совместительству профессором Йельского и Брандеевского университетов) выступили с заявлением, в котором говорилось, что нет никаких религиозных причин требовать еврейского суверенитета над Храмовой горой, что раввины стремятся развеять опасения мусульман по поводу того, что евреи намерены разрушить два священных для ислама сооружения на горе. Раввины ссылались на хорошо известный отрывок из Священных Писаний Исаяи, в котором Храмовая гора называется «домом молитвы для всех народов».

Подписавшиеся принадлежали к консервативному, реформистскому, реконструкционистскому и ортодоксальному движениям американского иудаизма. Какая узнаваемая повестка и какое завидное единство, не так ли?!

Кстати, Теодор Герцль, основоположник сионизма, рассуждая о судьбах родины в своем романе «Altneuland», размещал реконструированный Храм Соломона аккурат неподалеку от неповрежденной мечети Купола Скалы. Совпадение?

И еще одно «кстати»: в 2018 году израильская «Независимая газета» взяла интервью у депутата израильского парламента от правящей партии «Ликуд» и по совместительству руководителя Института храма раввина Йегуды Глика. В частности, раввин заявил, что «если мусульмане согласятся, то их мечети могут стать частью будущего Храма и что Храмовая гора имеет потенциал стать международным центром религиозной толерантности».

И еще «кстати» на засыпку. Третий храм вообще-то уже построен. Правда, пока что не в Палестине, а в Бразилии. И это тоже уверенная такая экуменическая история. 31 июля 2014 года в Сан-Паулу торжественно открыли так называемый

мый «Храм Соломона». Собственник сооружения — очередные прокси, неопятидесятническая секта «Всемирная церковь Царство Божие». В ансамбль Храма мирно включена мечеть Аль-Акса, которая расположена в виде макета по левую сторону от храмового комплекса.

«Мы не хотели просто построить исторический памятник в честь какой-либо религии, — приветствовала почетных гостей президент Бразилии Дилма Русеф. — Храм Соломона в Сан-Паулу создан для того, чтобы люди могли впитать чистую веру без всякой религиозной примеси. Храм будет открыт для всех людей, исповедующих любую религию».

Раввины объясняют, что строительство копии храма в Сан-Паулу было необходимо для того, чтобы детально проработать проект при помощи профессиональных инженеров, архитекторов и в то же время не вызывая критики со стороны.

Вообще, если запастись некоторым объёмом знаний по интересующему нас вопросу, то выйдет, что глобалистский проект «криптогамов» шит прочными, но очень уж белыми нитками. Можно довольно быстро научиться отличать членов противоборствующих коалиций, причём на едином антихристианском фронте.

Ну и, наконец, о «тайне» власти и влиятельности общины Любавичских хасидов. В кавычках потому, что, конечно же, никакой тайны не существует. Все «секреты» можно прочитать в американской версии Википедии.

Один из самых влиятельных еврейских лидеров XX века, о котором выше шла речь, глава движения ХАБАД Менахем Шнеерсон — был чисто американским государственным проектом. Вовлечённый в политику США, а значит располагающий серьезными инвестициями, он быстро превратил незначительное хасидское движение Америки в мощную международную сеть из более чем 5000 центров. Была также создана глобальная сеть эмиссаров, которые существуют на сегодняшний день во всех 50 штатах США, более чем в 100 странах и 1000 городах по всему миру, насчитывая в общей сложности более 3600 учреждений. Шнеерсону присягал решительно каждый президент США от Ричарда Никсона до Джо Байдена. В 1978 году Любавичский лидер стал единственным раввином, в честь которого был провозглашен национальный праздник США, известный как «День образования». Перед инаугурацией могилу Шнеерсона в Нью-Йорке посетил Трамп. Нетаньяху, будучи уже крупным политиком, лично обещал ребе ХАБАДа приложить все усилия, чтобы ускорить приход машиаха (сохранилась даже видеозапись той встречи).

Чем же был знаменит любимец (можно сказать «духовник») американских президентов всех времен и народов? Какую миссию он выполнял?

У Шнеерсона была характерная страсть — возвещать о пришествии иудейского мессии. Причём не только возвещать, но настойчиво и дружно требовать его воплощения. Известный теперь всему миру лозунг ХАБАДа «We Want Moshiaich Now!» («Мы хотим мошиаха сейчас!») придумал именно он. Любавичскому ребе, конечно же, была известна критика его экзальтированной мессианской проповеди со стороны раввинов других направлений. Однажды он даже заметил: «Я заслужил, что люди жалуются на меня за то, что я слишком увлечен машиахом».

Если учесть, что машиах ХАБАДа, как мы уже знаем, «раскрывается» в Америке, а бруклинская синагога займёт главное место в Третьем храме (он же международный центр религиозной толерантности), то логика нам укажет лишь на банальное стремление Америки достигнуть глобального теогеополитического доминирования в мире. С учетом экономической влиятельности причастных к «делу» отдельных еврейских кланов эта тема оказывалась интересна абсолютно всем лидерам США вне зависимости от того, к каким политическим направлениям они относились.

В 1980-х и начале 1990-х годов раввин Элиэзер Менахем Шах, лидер строго ортодоксальных евреев в Израиле, обладавший мощным влиянием на политику страны в течение более двух десятилетий, вёл кампанию против Любавичского движения. По словам раввина Шаха, мессианское утверждение Шнеерсона является «полной ересью» и что те, кто его разделяет, «будут гореть в аду».

Шах называл любавичского лидера «сумасшедшим, сидящим в Нью-Йорке и сводящим с ума весь мир». Он опасался, что мессианские страсти ХАБАДа спровоцируют раскол в иудаизме или приведут к массовому разочарованию, вытеснив верующих из паствы. Шах был последователен в своей борьбе, заявляя: «Даже если бы я знал, что они сожгут меня заживо, я не перестал бы бороться с лжемессианством». Он резко критиковал разные направления деятельности ХАБАДа и писал, что «его последователи достигли нижнего предела, говорят вещи, которые запрещено говорить и даже слушать... Они творят такое бесстыдство, которое наши отцы даже вообразить не могли».

Для любознательных можно пояснить. Дело в том, что представления о Третьем храме, его значении в различных религиозных традициях иудаизма сильно разнятся. Если корот-

ко, то в еврейском Талмуде были представлены две противоположные точки зрения на «мессианские времена». Согласно первой, иудейские законоучители полагали, что библейские пророчества о «мессианских временах» относятся к олам ха-ба (иврит: «грядущий мир»), а не к этому миру. Согласно другой версии, которую развивал в Средние века Маймонид, пророчества относятся к земному миру. Им придавался политический характер — торжество веры Израиля, восстановление его величия, тысячелетнее счастливое царство иудейского царя на земле (ересь хилиазма), когда мечи перекуют на орала и будет мир во всём мире и т.д.

Это действительно важно, что вера в будущее пришествие Мессии изначально занимала второстепенное место в иудаизме, но с течением времени стала одним из фундаментальных условий еврейской веры, относительно которой написано: «Любой, кто не верит в него или кто не ждёт его прихода, не просто отрётся от других пророков, но также отрётся от Торы и Моисея» (Маймонид, Мишне Тора, Мелахим, гл. 11). А поскольку еврейский машиах в представлении иудеев неразрывно связан с Храмом, то и молятся теперь представители некоторых течений иудаизма о воссоздании Храма ровно три раза в сутки, а такие, как сторонники ХАБАДа, и вовсе доводят мессианизм до абсурда, помещая корону машиаха на знамена своего движения и пр.

Раввин Давид Бергер, популярная фигура в современных ортодоксальных кругах, написал книгу «Ребе, Мессия и скандал ортодоксального безразличия», в которой критикует любавичский мессианизм как «именно то, что евреи на протяжении поколений считали ложным мессианизмом в христианском стиле». Его взгляды разделяют и поддерживают многие видные авторитеты от харедим. Критики ХАБАДа сегодня утверждают, что эта группа создает условия для масштабного духовного разочарования. «Если вы убедите людей, что мессия грядёт, а он не придёт, — говорит автор книги об ультраортодоксах Аммон Леви, — целое поколение может потерять свою веру».

Впрочем, если даже «мессия» и придёт, но будет из американской «партии» ХАБАДа, то большая часть харедим его, что совершенно точно, не примет, назвав лжемессией. Ведь у каждого из течений свое представление об обетованиях и о том, как они должны осуществиться.

Прогрессивный иудаизм, например, и вовсе ратует за «универсальный мессианизм», где вера в искупление оказывается оторвана от традиционных представлений о возвращении в Землю обетованную, восстановлении Храма и культа жер-

твоприношений в нем. Там нет даже понятия личного мессии, который будет править Израилем, он заменён размытой концепцией мессианской эпохи.

И это те, которых можно назвать религиозными. А как же остальные, ведь значительная часть евреев и вовсе равнодушна к иудаизму?

Согласно оценкам, из 6 миллионов евреев, проживающих в тех же США, 3 миллиона не связаны с синагогой, т.е. фактически не исповедуют свою религию. Аналогичная ситуация прослеживается и в России. Проведенные опросы показали, что 53% опрошенных евреев затруднились определить свою религиозную принадлежность, а 23% идентифицировали себя как атеисты. А в этих странах проживает 9 миллионов евреев из 15 миллионов, насчитывающихся во всём мире (Пилкингтон С.М. Иудаизм. М., 2000).

Встаёт вопрос: как евреи собираются встречать своего мессию «здесь и прямо сейчас», когда элементарно далеко не все его ждут?

Но факт остаётся фактом, по степени влиятельности в Америке ХАБАД до сих пор не имеет конкурентов. Американские журналы «Daily Beast» и «News week» ежегодно публикуют рейтинг 50 наиболее влиятельных раввинов США. На первой строчке списка с завидным постоянством нынешний глава движения Йехуда Крынский.

Поэтому, когда Трамп перенёс американское посольство в Иерусалим, хасиды открыто говорили, что таким образом «он примкнул к власти машиаха». В 2016 году в газете «Breaking News Israel» раввин Йосеф Бергер, смотритель гроба царя Давида на горе Сион, рассказывал, что гематрия (кабалистическая нумерология) имени Трампа — «машиах», а это означает, что он связан с мессианским процессом, который происходит прямо сейчас. Раввин Бергер добавлял: «Как духовный потомок библейского народа Эдома, Америка играет первостепенную роль в мессианскую эру, но для того, чтобы соответствовать этой роли, Америка должна была покориться».

Важное звено седьмое — текущий конфликт в Палестине, и здесь тоже интересно.

Если говорить о целях сионо-палестинского противостояния, то, на мой взгляд, точно их обозначает политолог Игорь Друзь, ставя во главу угла борьбу за обладание Горой. Игорь Друзь отмечает, что чисто технически, в силовом плане, власти Израиля давно способны отобрать Храмовую гору у арабов и построить там всё, что им вздумается. Но полный диктат над сакральным местом со стороны национального государства Израиль в его современном виде будет в некоторой

степени вредить строительству Третьего храма и тому, «кто» туда войдёт. Ведь если просто взять и выкинуть мусульман с мечети Аль-Акса, то часть исламского мира взорвётся возмущением. Автор резюмирует, что Израилю нужно сначала зачистить территорию Палестины от наиболее идейных, а потом в сухом остатке покорить палестинцев, сделав их своими «союзниками», поскольку через них к экуменическому проекту можно будет присоединить остальной исламский мир и другие регионы.

Подтверждением этой мысли могут служить изыскания современных сионистов, в которых, в частности, говорится о том, что израильская поселенческая политика зашла так далеко, что, согласно авторитетным оценкам, возвращение «Западного берега» Иордании (или палестинскому государству) уже невозможно, аннексия повлечет за собой необратимые последствия для Израиля, если не будет принято «новое видение сионизма» через модель НЕЖЕРА, которая позволит не только сотрудничать с арабами, но и оправдает новое федеративное правительство Великого Израиля.

Сегодня прогрессивными сионистами всерьез обсуждается двенадцатичастная модель Израиля по принципу двенадцати колен Израилевых, которым, согласно Талмуду, Святая Земля была передана во владение по божественному завету. Считается, что когда-нибудь в будущем все двенадцать колен снова соберутся в Иерусалиме. Но дело в том, что современные евреи утверждают, что состоят всего из двух колен, Иуды и Вениамина, а также левитов. Другие племена, как говорят, рассеяны среди народов мира. Таким образом, признание отсутствующих племен в составе двенадцати колен имеет практическое значение для реализации экуменического глобального проекта с центром на Храмовой горе. Прогрессивные сионисты убеждены, что среди народов мира существует достаточно тех, которые будут счастливы объявить себя израильтянами и присягнуть еврейскому мессии.

Таким образом, модель НЕЖЕРА подразумевает центральное положение Иерусалима в многонациональной федерации, состоящей из двенадцати колен — еврейских, арабских и смешанных регионов. Вот такая вот фантастика на дворе.

...Пришлось мне как-то купить одну увесистую книжницу на английском языке, называется «Где встречаются Небо и Земля. Священная площадь Иерусалима», издание Техасского университета. Эту книгу написали три автора: христианин, мусульманин и еврей. Они подробно рассуждают, как бы поделить Храмовую гору. Пополам, вверх-вниз, по диагонали... И никак не получается. Ну не получается!

Следом звено восьмое: о ближневосточном экуменическом танго Дональда Трампа и Папы Римского Франциска.

Чисто в формате ретроспективы: 2017 год, главной темой обсуждения на встрече понтифика и президента США стал Ближний Восток. После чего в 2019 году глава римско-католической церкви посещает Абу-Даби, столицу Объединенных Арабских Эмиратов и становится первым главой католической церкви, посетившим Аравийский полуостров. Франциск и глава исламского университета Аль-Азхар открыли тогда глобальную конференцию о диалоге двух конфессий, тогда же был подписан документ с названием «Человеческое братство во имя мира и сосуществования во всем мире» (известен как Абудабийская декларация). Далее в сентябре 2020 при посредничестве Трампа подписаны так называемые «Соглашения Авраама», которые представляют собой серию соглашений при жестком контроле США между Израилем, ОАЭ, Бахрейном и Марокко. А уже в 2022 году в Абу-Даби открылся великолепный экуменический храм трёх мировых религий — ислама, христианства, иудаизма. По протоколу он называется «Дом семьи Авраама».

Напомню, что Франциск является почётным членом парамасонского «Ротари-клуба» Буэнос-Айреса. Также в день его избрания Папой в 2013 году его тепло поздравляли с назначением великий мастер аргентинского франк-масонства Анхель Хорхе Клаверо и великий мастер Великого Востока Италии Густаво Раффи.

И вот сегодня уже стали реальностью такие мероприятия Римско-католической церкви, как прошедший в начале октября прошлого года в Вероне (Италия) Форум общин Лаудато Си, где гвоздём программы стал генсек масонского Римского клуба Карлос Альварес Перейра, который был впервые приглашен выступить на конференции, спонсируемой Ватиканом.

Звено девятое: приход к власти в Аргентине яркого сторонника ХАБАДа Хавьера Милея. В данном случае не удивительно, что эту победу горячо приветствовал Дональд Трамп.

Показательна география первого политического турне новоиспеченного аргентинского лидера. И снова ретроспектива: в начале визит в США и паломничество к могиле Менахема Шнеерсона в Нью-Йорке. Далее Израиль и громкое заявление у Стены плача о надеждах на скорейшее восстановление Третьего храма. Следующая локация в Ватикане (какая, право, ожидаемая неожиданность!). Завершил турне аргентинский клоун в объездах великого и ужасного царя Кира/Дональда Трампа. Ну, просто к гадалке не ходи — идеальный маршрут классического «криптотама».

Звено десятое: в августе 2023 года в Израиле проходили закрытые переговоры о предоставлении Саудовской Аравии официального статуса на Храмовой горе в дополнение или в качестве замены Иордании, которая официально исполняет миссию хранительницы Храмовой горы с 1994 года.

Важное уточнение, согласно исламским источникам саудитов, первоначальная мечеть Аль-Акса, упомянутая в Коране (17: 1), находится вовсе не в Иерусалиме, а в Саудовской Аравии недалеко от деревни Джуарана, примерно в 30 км к северо-востоку от Мекки. То есть намёк непрозрачный...

Ну что же, мне кажется, достаточно информации, для того чтобы сложилось какое-то более-менее цельное представление о происходящем не только «на», но и «под» Храмовой горой. Не буду утомлять какими-то своими выводами. Пусть каждый сделает их для себя сам.

В апреле с.г. Иран нанёс по Израилю исторический удар возмездия за нападение на иранское консульство в Дамаске. Не будем комментировать это интереснейшее во всех смыслах событие, но в контексте интересующей нас темы, конечно же, отметим, что в ходе эскалации обозначенная нами версия об экуменическом проекте «криптоатамов» с центром на Храмовой горе уверенно подтвердилась!

Интересно было наблюдать, как показательно отработывали тему некоторые околоправославные информационные каналы. Что они делали? Сеяли панику среди верующих, причём хорошенько приправляя свою деланую некомпетентность пещерным антисемитизмом. Основной тезис (наивнейший): под шумок Израиль сейчас раскрошит Аль-Аксу, а на Песах возведёт на престол вождельного ими персонажа. Ну а потом уж пойдут клочки по закоулочкам, трепещите.

В итоге получилось всё с точностью до наоборот — ровно так, как мы и предполагали. В роли героического заступника и хранителя роковой исламской святыни (весьма неожиданно для околоправославных паникёров, не так ли?) выступил не кто-то, но сам Израиль, неся оливковую ветвь «мира» в орлином окровавленном клюве.

Советник израильского премьер-министра Биньямина Нетаньяху Офир Гендельман выступил с утверждением, что силы ПВО Израиля перехватили одну из иранских ракет прямо над мечетью Аль-Акса в Иерусалиме. «Иран запустил сегодня вечером баллистические ракеты по священным местам ислама в Иерусалиме. Смотрите, как израильский «Железный купол» перехватывает их и спасает мечеть Аль-Акса от Ирана», — написал он на своей странице в запрещенной в России соцсети X.

Честно, не знаю, на какую аудиторию рассчитывал Гендельман. Неужели в Израиле есть те, кто поверил? Может быть я, конечно, дремучая идеалистка...

На видеозаписи, которой автор сопровождал свой комментарий, видно, как под звуки сирен воздушной тревоги, израильские средства ПВО работают по множеству мелких воздушных целей в ночном небе над Иерусалимом, в кадре можно различить и золотой Купол скалы на Храмовой горе, по соседству с которым расположена мечеть Аль-Акса.

Повторяю для тугодумов: экстремистское правительство Нетаньяху, управляемое организованной группой «криптоватомов», преследует псевдорелигиозный экуменический проект, где мечеть планируется сделать частью будущего Третьего храма. Храмовая гора, согласно очередному безумному замыслу глобалистов, «должна стать международным центром религиозной толерантности».

И не нужно науськивать православных на ветряные мельницы. Общество и без того чудовищно расколото. А использовать в своей деятельности антисемитизм для того, чтобы отвлечь людей от трезвого видения проблемы, от опознания истинных угроз — это вообще диверсия.

Итак, предлагаю, наконец, вынырнуть из чужеродных (иудейских) традиций и посмотреть, наконец, на проблему Третьего храма с родной, православной точки зрения.

Но и здесь с прискорбием сразу же придётся отметить некоторые перекосы. Увы, но современные православные в своих эсхатологических чаяниях прилично иудаизированы. Чаше всего бессознательно, из-за слишком навязчивой информационно повестки, приходящей слева, но факт остаётся фактом.

Дело в том, что популярный в православной среде маркер Третий храм в Иерусалиме, как престол для антихриста — это всё-таки в первую очередь хилиастическая интерпретация от лагеря иудаизма. В то время, как святые отцы православной Церкви не имеют единого мнения в отношении того, где именно воссядет сей inferнальный персонаж. Да и насчёт того, что иудейское святилище когда-нибудь будет восстановлено — тоже не факт. К слову, в истории уже не раз предпринимались попытки реконструировать иудейский храм, но все они заканчивались трагедиями — пожарами, землетрясениями, войнами, кровью. Почему? Да потому, что нет на то воли Божьей.

Православным, прежде всего, стоит всё-таки изучать православные источники, а не ориентироваться на иудейские. Да, евреи ярко и убедительно подают тему. Кто же спорит?

Но зачем нам улюлюкать с их хором? Уж лучше пригласим экс «избранный народ» на наши третьеримские могучие клиросы, дабы по заповеди Христа восполнить-таки «останок» («...и аще будут людие Израилевы яко песок морской, останок их спасётся». Ис. 10: 22), сподмогнуть, так сказать, отпавшим на исходе. У них Институт третьего храма — у нас Университет Третьего Рима. Как идея?

...Нет, и всё-таки не для того Господь, наказывая Своего строптивного первенца, разрушил иудейское святилище, чтобы оно когда-то было восстановлено, — не для того. Пришёл Новый Завет, а вместе с ним обновился мир. И в этом нашем обновлённом мире нет места ветхозаветному Храму, как в старые мехи не наливают вино новое (Мф. 9: 17). После Великой Крестной Жертвы человечество живёт уже по иным законам. Апостол Павел пишет об ином Храме, в котором действительно пребывает Иисус Христос, и этот Храм — Церковь Божья, где народ избранный — всякий праведно уверовавший во Христа: «Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором всё здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом» (Еф. 2: 19-22).

Сам Иисус в ответ на вопрос самарянина, правильно ли поклоняться Богу на горе Гаризим или горе Сион ответил, что «наступает время, когда вы не будете поклоняться Отцу ни на этой горе, ни в Иерусалиме... Но в духе и истине» (Ин. 4: 21). А об Иерусалимском храме Он сказал: «Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; всё будет разрушено» (Мф. 24: 2) и «Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Мф. 23: 38).

Так для чего же Богу сейчас восстанавливать ветхозаветный храм, если духовная необходимость в нём для человечества отпала? Лишь для того, чтобы короновать антихриста? Прихоть такая, каприз? Допустим...

Наиболее содержательным и точным указанием о месте восседания антихриста можно считать слова из Второго послания апостола Павла к Фессалоникийцам (2 Фес. 2: 4): «Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога».

Поэтому, даже если предположить, что «криптоатамам» все-таки удастся построить Третий храм в Иерусалиме, это со-

всем не будет означать, что Бог поспешит освятить его, чтобы этот храм мог называться Божиим.

У святых отцов Православной Церкви нет единого мнения о месте восседания должествующего явиться антихриста.

Так, свт. Ириней Лионский говорит о том, что антихрист воссядет в храме Божием, и ссылается на то, что храм этот — Иерусалимский, ветхозаветный, но ничего не говорит о его восстановлении, хотя оно может и подразумеваться. Не будем забывать, что этот муж серьёзно заблуждался в своих эсхатологических воззрениях, проповедуя (как это делают иудеи и протестанты) эру тысячелетнего царства мессии на Земле.

Свт. Ипполит Римский в труде «О Христе и антихристе» прямо пишет, что антихрист соорудит в Иерусалиме каменный храм.

Ему вторит свт. Кирилл Иерусалимский в 15-м Огласительном поучении: «А придет антихрист тогда, когда в храме иудейском не останется камня на камне, по изречению Спасителя; когда или сам падет он от ветхости, или разрушен будет с той целью, чтобы создать новый, либо по другим причинам, а потому разметаны будут все камни».

Преп. Иоанн Дамаскин в Точном Изложении пишет о том, что антихрист воссядет в храме Божием: «Не в нашем, но в древнем, иудейском; ибо он придет не к нам, но к иудеям; не за Христа, но против Христа и христиан; почему и называется антихристом». И опять-таки о восстановлении храма ничего буквально не говорит.

Однако, в отличие от Ипполита, Кирилла Иерусалимского, Иоанна Дамаскина, Ириней Лионского, — целый ряд святых отцов под храмом Божиим разумели Церковь Христианскую. И это уже совершенно иные теогеополитические сценарии, иной ход рассуждения, иной просчёт возможных ударов противника, иные тылы и иные форпосты. Ни где-то там, за семью морями на выжженной земле, — а у нас, тут, под боком! Готовы мы вот к такому сценарию, православные?

Таково мнение блаж. Иеронима, блаж. Феодорита, блаж. Феофилакта, св. Андрея Кесарийского, блаж. Августина, преп. Ефрема Сирина. Последний говорит следующее: «Он явится и войдёт в храм Божий, чтобы сесть внутри и именно в Церкви Божией. Он не отклоняет в другое какое-либо общество из еретических сект, чтобы не узнали его, — но с презрением отвергает все культы ложные, чтобы можно было пленить Церковь»; и далее: «...будет управлять Церковью под личиной истины» (Творения. Ч. 7, с. 246—247).

Также и св. Андрей Кесарийский говорит, что антихрист «на самом деле сядет в Божественном храме — Церкви Все-

ленской» (Толк. на Апок., с. 177). Блаж. Феодорит пишет, что апостол «храмом Божиим называет церкви» (Творения. Т. 6, с. 79—84). С последним мнением соглашается и свт. Феофан Затворник и прочие Отцы. Что же касается позиции Иоанна Златоуста, то он выделяется неоднократными резкими заявлениями о том, что Иерусалимский храм не будет восстановлен больше никогда.

Если ранние отцы Церкви еще расходились во мнениях, то более поздние св. отцы конкретно говорят о восседании антихриста в храме христианском (в храмах).

И преп. Иустин (Попович) упоминает это в своей «Догматике»: «К тому же будет он стараться воссесть — и воссядет — в христианских храмах, как Бог, и будет провозглашать себя Богом — единым и всеистинным» («Догматика Православной Церкви». Т. 4, Эсхатология).

Златоуст говорит о невозможности восстановления Храма иудеями. «Ибо, если бы они и имели надежду опять получить свой город, возвратиться к прежнему устройству и видеть свой храм восстановленным, чего, впрочем, никогда не будет» (Против иудеев. 5, 1). И далее продолжает: «Храм (иерусалимский) уже не будет восстановлен, и иудеи не получают опять прежнего устройства. Таким образом, и вы вернее узнаете апостольские догматы, и они более будут уличены в нечестии. А свидетелем этого представим не Ангела, не Архангела, но самого Владыку всей вселенной, Господа нашего Иисуса Христа. Вошедши в Иерусалим и увидев храм, Он сказал, что Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников (Лк. 21: 24), то есть время до окончания мира. Эту же угрозу Он произнёс и о храме, сказав ученикам, что не останется здесь камня на камне — всё будет разрушено (Мф. 24: 2); и таким образом предвозвестил совершенное разрушение и конечное запустение храма». И обращаясь к иудею, говорит: «Тот, Кого ты распял, уже по распятии Своим разрушил твой город, рассеял твой народ и разбросал по всему лицу земли твое племя; а этим и показал, что Он воскрес и жив, и теперь на небесах. Так как ты не захотел познать Его могущество в благодеяниях, то Он дал тебе познать Свою непобедимую и необоримую силу в карах и наказаниях» (Против иудеев. 5, 1).

«Достаточно бы и сказанного нами для доказательства, что (иерусалимский) храм никогда не восстановится... и что иудеи никогда не получают ни храма, ни города» (Против иудеев. 5, 4).

«Таким образом, как я сказал выше, для доказательства, что не восстановятся ни жертвы вообще, ни всесожжения, ни прочие (жертвы) очищения, ни другое что-либо из иудейско-

го устройства, достаточно уже было показать, что храм (иерусалимский) не будет восстановлен. Ибо, как теперь, когда его нет, всё уничтожено, и если что, по-видимому, бывает, то делается незаконно; так, когда словом доказано, что (храм) никогда не будет восстановлен в (прежний) свой вид, вместе с этим доказано и то, что и остальное служение не придет опять в прежнее положение, не будет (у иудеев) ни священника, ни царя» (Против иудеев. 7, 2).

Мы можем подытожить тему разрушения Храма цитатой из «Рассуждения против иудеев и язычников о том, что Иисус Христос есть истинный Бог» (387 г.): «Нигде не было такого храма, столь славного и пользовавшегося таким почитанием. Иудеи, жившие повсюду до самых пределов земли, издревле приходили туда, принося дары, жертвы, милостыни, начатки и много другого, и украшая храм богатством вселенной; и все иудейские прозелиты (из язычников) отовсюду стекались туда, и велика была слава этого места, достигавшая до самых последних пределов вселенной. Но одно слово Христово уничтожило и истребило всё это и рассеяло, как прах; и туда, куда прежде не всем иудеям, даже не всем священникам, а только одному первосвященнику дозволялось входить, и притом только однажды в год в его облачении, венцах и митре и прочей священной одежде, теперь можно входить и блудникам распутным и прелюбодеям развратным без всякого препятствия; потому что слово (Христово), обращенное к нему, разрушило и уничтожило всё; и от этого храма остается столько, сколько нужно для указания, где он находился в древности. Представь же, какова сила, совершившая это дело.... Видишь ли, как того, что Он устроил, никто не разрушил, а что Он разрушил, того никто не построил? Он устроил церковь, и никто не может разрушить её; Он разрушил храм, и никто не может восстановить его, и притом в такое продолжительное время; между тем и церковь пытались разрушить, но не могли, и храм старались восстановить, но не могли».

Были у меня ещё кое-какие мысли, но разве после Златоуста осмелишься?

Михаил ДЕЛЯГИН,
депутат Государственной Думы

ПОРА ОЧИСТИТЬСЯ ОТ РАБОВ ЗАПАДА

Запад развязал против России всеобъемлющую политическую, в том числе и экономическую войну, которая ведется на уничтожение в прямом смысле этого слова. Спрятаться от нее не удастся даже либералам, симпатизирующим Западу и продолжающим служить ему, как не удалось спрятаться от уничтожения евреям, служившим на аналогичных должностях в гетто.

Между тем, все по-прежнему немалые силы правящей тусовки направлены на закрывание глаз и игнорирование реальности. Эта политика обеспечивает максимально комфортное в сегодняшних условиях умирание России под баюкающие мелодии былого величия. Через несколько лет либералам уже можно будет даже не драпировать Мавзолей Ленина на День Победы — и тот, и другой просто утратят свою актуальность и значение политических символов.

Сказать, что для самозащиты России не предпринимается совсем ничего, нельзя. На всеобъемлющие, максимально широкие секторальные санкции Запада последние Чубайса, по-прежнему руководящие почти всей социально-экономической по-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

литикой, отвечают редкими шевелениями, не имеющими просто в силу своего масштаба почти никакого реального значения.

Помимо пропагандистской функции, эти шевеления успокаивают общество и вселяют в него надежду — видите, мы же передали под внешнее управление активы двух компаний, принадлежащих враждебным государствам, ждите, не пройдет и десятилетия, как мы вплотную подойдем к серьезному рассмотрению вопроса о конфискации имущества, используемого для финансирования убийств наших солдат и мирного населения!

Важной задачей разовых и ограниченных «ответных мер», как и медведевских «контрсанкций» 2014 года, представляется воспитание выученной беспомощности у общества и нелиберальной части госаппарата: мол, смотрите, что мы ни делаем — реального ущерба врагу нанести не можем, всё выходит только еще хуже для нас самих, поэтому даже пытаться защищать себя нельзя просто категорически!

Эта объективно предательская (вне зависимости от намерений тех, кто ее осуществляет) политика должна быть прекращена, а госуправление — очищено от рабов Запада. Главная задача — изменение колониального хозяйственного механизма, созданного в конце 80 — начале 90-х годов.

Россия просто не сможет продолжить свое существование без прекращения вывода капитала за границу и в потенциально криминальную, не видимую государством наличную сферу, без преодоления (вне зависимости от желания тех или иных бизнесменов) обеспечивающей внешнее управление офшоризации экономики.

Для развития, то есть для простой способности хотя бы участвовать во внешней конкуренции категорически необходимо ограничить произвол монополий, коррупцию и финансовые спекуляции, обеспечить дешевизну кредита и жестким протекционизмом воссоздать возможность развития реального сектора.

Понятно, что это мало вероятно в ситуации, когда профильные министры, лоббируя пребывание России в ВТО, демонстрируют полную безграмотность и категорическое нежелание понимать смысл своих слов (так, говоря о том, что ВТО регулирует 98% мировой торговли, они расписываются в незнании того, что она не регулирует торговлю биржевыми и военными товарами, то есть почти весь экспорт России). Однако без выполнения этих простейших условий наша Родина останется колонией (причем не только Востока, но и формально отвергнувшего ее Запада).

Разумеется, для развития страны важно восстановить *диалог* с теми, кто пытается нас уничтожить; единственный путь для этого — беснение им неприемлемого для них ущерба (к сожалению, бесконечные «трудные решения», «жесты доброй воли» и «спрямление красных линий» привели к тому, что ни на какое сотрясение воздуха руководством РФ никто в мире просто не обращает внимания).

Вполне приемлемой альтернативой ядерной войны в этом отношении представляется отмена интеллектуальной ответственности не союзных России государств и зарегистрированных на их территории компаний (еще в 2015 году предложенное Павлом Дуровым для Крыма). Помимо прочего она еще и превратит Россию в мировой центр не только программистского и инженерного, но и в целом интеллектуального творчества — причем без каких бы то ни было затрат.

Необходимость описанных крупномасштабных мер лишь подчеркивает важность (как минимум, с политической точки зрения) и локальных мер по противодействию прямой диверсионной работе врага в экономике — например, финансирование террористов и других убийц лучших сынов и дочерей нашей Родины за счет зарабатываемых в России денег.

Для этого надо прежде всего выделить в отдельную категорию субъекты экономики, находящиеся под контролем лиц, связанных с враждебными иностранными государствами. В частности, такими лицами должны быть признаны все граждане этих государств (не доказавшие личной приверженности России), а также фирмы, зарегистрированные в них, или обеспечивающие в них основную часть своего оборота или прибыли.

Находящиеся под контролем врага субъекты российской экономики должны сами сообщить о своем соответствии указанным критериям в течении месяца и сообщать о своем статусе постоянно при осуществлении своей деятельности (по аналогии с иноагентами), в том числе в рекламе и на своей продукции. Нарушения этих норм должны караться draconовскими штрафами, а должностные лица должны нести, как минимум, серьезную административную ответственность.

Для ограничения иностранного влияния лица, связанные с контролируемым врагом субъектами российской экономики, должны быть лишены права занимать государственные и муниципальные должности, иметь доступ к гостайне и участвовать в работе любых общественных советов при органах публичной власти.

Если находящиеся под контролем врага субъекты российской экономики жизненно необходимы для страны, они должны быть освобождены от этого контроля (всеми мерами вплоть до конфискации), либо им должна быть создана замена.

Субъекты российской экономики, находящиеся под контролем врага и не жизненно необходимые для нас прежде всего должны быть лишены всех видов господдержки, доступа к госзакупкам и закупкам госкомпаний, лишены права брать кредиты и займы, размещать ценные бумаги (так как таким образом из России выводятся деньги, а российские кредиторы или инвесторы ограничены в праве на судебную защиту вне страны).

С другой стороны, им должно быть запрещено получение займов и кредитов от лиц, связанных с враждебными государствами, так как подобным образом иностранные бенефициары могут при помощи дешевых денег обеспечивать своим предприятиям неконкурентные преимущества перед российским бизнесом, лишенным таких возможностей.

Они должны размещать в публичном доступе информацию о своих конечных бенефициарах, а также в качественно большем объеме по сравнению с обычными предприятиями раскрывать информацию о финансово-хозяйственной деятельности и движении денежных средств.

Их деятельность должна быть обложена «патриотическим налогом» на восстановление новых территорий.

В их отношении должен быть отменен мораторий на проверки. Им должно быть запрещено трудоустройство граждан, не являющихся гражданами России.

Только такие шаги позволят хотя бы прекратить широко-масштабное финансирование наших врагов за счет извлекаемой из России прибыли — и подорвать тем самым его экономическую базу в нашем обществе.

Делягин.ru

Андрей СОШЕНКО

ВО ЧТО ПРЕВРАЩАЮТ РОССИЮ?

Россия — отдельная цивилизация. Миссия Русской цивилизации для всего мира — нести идеи Правды, Справедливости и Любви, представлять собой образец всечеловечности в отличие от западной «общечеловечности». Вместо т.н.

«мировой глобализации», теории «золотого миллиарда», «соблюдения прав сексуальных меньшинств» и иных форм трансгуманизма наша страна способна и должна представить всему миру пример альтернативного и единственно верного для всех народов и государств праведного развития мировой цивилизации.

Но для этого Россия должна оставаться собственно Россией. Русский народ хранитель в стране уникальных духовных кодов. Если ценности государствообразующего народа будут размыты (и в цивилизационном, и культурном, и этническом смысле), если кто-то желает нашу страну превратить в нерусь, то зачем нам такое Отечество? Россия в таком случае превратится уже в не-Россию. А именно это предлагается сделать методом безудержных миграционных потоков в страну. Потоки эти размывают культурные скрепы государства, напрямую, часто физически, угрожают русским, представляют колоссальные риски с точки зрения государственной безопасности.

Казалось бы, после страшного события в «Крокусе» должны были бы сделать соответствующие выводы в государственной национальной политике, осуществить решительные меры по пресечению миграционных потоков. Но вместо этого какая-то мышиная возня. В Государственной Думе слышатся какие-то предложения, но законов не принимается. Правительство, по большому счёту, никаких мер предпринимать не собирается, администрация президента — тоже. Центральные СМИ вариативно освещают миграционные проблемы, но по затухающей схеме. И более того, продолжают внедрять диверсионные идейки, которые способны к уже имеющимся проблемам добавить на порядок большие. Как это можно расценить?

Наряду с ускоряющимся ужасающим потоком мигрантов из Средней Азии и Закавказья в Россию планируется запустить ещё и более экзотический поток — из Африки. В планах «мирового модератора» на среднесрочную перспективу — негрификация России. И во что тогда она превратится? В пародию на саму себя? Проект афродеревни в пилотном формате реализуется в Московской и Тверской областях. Затем он будет распространён, если не остановить, на другие регионы страны.

Появились сообщения, что в Россию планируют завести десятки тысяч кенийцев... Кенийцы смогут устроиться на стройках, предприятиях общепита, а также в сельском хозяйстве и в сфере обслуживания и здравоохранения. И процесс этот реально уже идёт.

То, что военная и общественно-политическая ситуация в Африке будет только накаляться, уже ясно сейчас. Какую мультикультурную среду в Европе уже сделали потоки мигрантов из Северной Африки и Ближнего Востока за последние 5-10 лет и что творят мигранты, например, в Германии и Франции, всем известно. У нас в стране за счет среднеазиатских и закавказских многонационалов — ситуация уже почти приблизилась к европейской. А что будет, когда сюда нахлуют ещё миллионные толпы негров?!

Привлечение негров привычно, как и по среднеазиатским и кавказским мигрантам, подаётся через призму решения демографической проблемы и необходимости снижения проблемы дефицита рабочей силы в России. Но для чего такое повышение числа жителей страны, если можно потерять саму Россию? В демографии нужны совсем другие меры: стимулирование рождаемости, повышение «уверенности в завтрашнем дне» граждан России, укрепление русской скрепы государства.

По кадровому вопросу и дефициту рабочей силы президент РФ Владимир Путин, выступая на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) 25 апреля, сказал: «В ближайшие годы Россия будет испытывать объективный дефицит кадров и квалификаций, и его, безусловно, нельзя покрыть механически за счет трудовой миграции, ввоза низкоквалифицированной рабочей силы из-за рубежа... Во всех отраслях экономики, социальной сферы предстоит существенно повысить производительность труда... Необходимо развивать цифровые платформы, модели управления на основе данных, проводить сквозную модернизацию промышленных мощностей».

И вот очередная новость — институт ВЭБ предлагает улучшать демографию в стране мигрантами из Африки и Латинской Америки. Институт исследований и экспертизы ВЭБ призван формировать предложения по совершенствованию государственной промышленной и региональной политики. Становится страшно, что у нас такие институты в такой определяющей для государства сфере.

Институт констатирует, что, видите ли, при сохранении сложившихся тенденций численность населения России к 2050 г. сократится на 6% (на 8,7 млн. человек) до 137,9 млн. человек по сравнению с началом 2023 г. А чтобы увеличить население России до 160,2 млн. человек к 2050 г., экономисты ВЭБ предлагают не только увеличить расходы на здравоохранение, но и оказать меры поддержки трудовой и образо-

вательной миграции, в том числе из стран Африки и Латинской Америки.

Чем занимаются в «институте»? Много ума для подсчёта арифметического прироста населения не нужно, и «научности» для этого тоже не нужно. Но именно это предлагает ВЭБ, прикрываясь «научными подходами». А не пробовали в «институте» подумать и предложить конкретные меры, направленные на повышение рождаемости? Например, в деле укрепления духовно-нравственных основ государства. Можно и соответствующую программу разработать и предложить государству. Могли бы, заодно, и мероприятия по повышению производительности труда предложить. А то такой большой институт, а кроме банальных, порочных и диверсионных тезисов — ничего.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2024 г.
(Май)

Арестован заместитель министра обороны Тимур Иванов, на котором держалось всё военное строительство и снабжение армии. За взятку в миллион рублей, как сообщили в «Новостях». Этот «миллион рублей» у любого обывателя наверняка вызвал громкую усмешку. Таких высокопоставленных военных чиновников за «делку» с процентной надбавкой в миллион рублей даже пальцем никто бы не тронул. «Миллион рублей» — это шадящая информация для телезрителей. И действительно, при обыске в загородном дворце у Тимура Иванова были найдены мешки, набитые долларами и евро. То есть процентные надбавки и моржа при заключении договоров с исполнителями практиковались на протяжении многих лет как нечто привычное и естественное. Причем взяли Т.Иванова еще до инаугурации президента. Значит, дольше ждать было нельзя — мог уйти туда, где бы его уже не достали...

А ведь это — заместитель министра обороны, человек, обладающий важ-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

нейшими военными секретами... Как пишет А. Проханов в газете «Завтра», «вся его родня — граждане кто Израиля, кто Англии, кто Америки. Иные из них бывают на Украине, другие — в Африке с её золотом и алмазами».

У нас у всех в голове сидит вопрос: как такие люди могут находиться на столь высоких военных и государственных должностях? Скорее всего ответа на этот вопрос мы так и не получим. В том числе и потому, что этот Иванов — лишь часть, а точнее, частица неистребимой российской коррупционной системы. Очиститься от нее точечными арестами отдельных Ивановых, хоть бы и самых приближенных к власти, невозможно. Аресты отдельных коррупционеров не могут изменить всей коррупционной системы, а уж тем более уничтожить ее. Для этого нужны самые жесткие, даже самые жестокие меры, вплоть до расстрелов. Но способна ли нынешняя власть на эти меры? Вот главный вопрос. Судя по тому, как первые лица государства упорно отнекиваются от смертной казни даже за терроризм, ясно, что наша высшая власть тем более не даст согласия на эту высшую меру наказания за коррупцию, в том числе и в крупных размерах.

А ведь коррупция в высших эшелонах власти — это не что иное, как измена. Измена Родине. Сколько уже было сбежавших из страны или посаженных бывших министров, замминистров, губернаторов, мэров, глав различных администраций!.. Представьте себе, если бы Тимуру Иванову удалось уйти за кордон!.. А ведь кто-то из его «команды», задействованной в бывших Тимуровских коррупционных сделках, еще сидит на своих должностях... И до тех пор, пока подобным Ивановым с их мешками долларов и евро не будет грозить смертная казнь, российская коррупционная система сама собой не исчезнет, какие бы сроки ни получали отдельные зарвавшиеся «Тимуры».

* * *

Восток страны с приходом весны вновь оказался под водой. На этот раз — как никогда прежде. В Оренбургской, Курганской, Тюменской областях десятки тысяч частных домов были затоплены под самую крышу и стали непригодными для проживания. Что это? Халатность, безалаберность, неподготовленность к стихийным бедствиям местных властей? Или заранее продуманная диверсия? В интернете гуляет таблица резко увеличенного сброса воды на сибирских гидростроениях с самого начала половодья и таяния льда на реках. Насколько эти цифры реальны — ни центральные, ни местные власти нам ни разу не поведали. Но не стали ли эти

сбросы причиной столь баснословных затоплений, каких прежде не бывало?.. Страна ведет войну, и пятая колонна в любых сферах всегда стремится нанести ей как можно больше вреда. А это уже не природный вред, у него есть конкретные имена и фамилии. Но пока никаких имен и фамилий виновников баснословного потопа весной 2024 года мы так и не услышали.

Десятки тысяч людей потеряли жилье и всё имущество, а им выплачивают по 10, максимум по 100 тысяч рублей. Но что на эти деньги можно приобрести?

Почему в течение года, после прошлогодних затоплений, не были очищены русла рек? Почему дамбы на реках не были значительно укреплены и надстроены? И они — рухнули, не смогли удержать новый поток воды. И это бездействие, повторяю, имеет имя, отчество и фамилию.

Но уже с мая месяца восток страны вновь окажется в зоне бедствия — начнутся уже привычные для нас «природные» пожары. Опять вспыхнет сибирская тайга. И опять мы не услышим ни имен, ни фамилий виновников этих «природных» пожаров. А дикторы новостных программ нам будут изо дня в день долдонить о «непотушенных окурках» и грозových молниях... В стране, третий год ведущей войну..

* * *

Готовлю к печати новую книгу «Протуберанцев» (размышлений и воспоминаний), написанных за последние восемь лет — с 2016 года. Вычитываю, что-то сокращаю как ныне малоактуальное. Но вот прочел текст как раз восьмилетней давности, который оказался прямо-таки пророческим, в котором была предсказана мартовская бойня в «Крокусе». Однако высшая власть по большому счету ни тогда, ни сейчас не сделала самого главного для того, чтобы эту бойню предотвратить. Какие-то мелкие аресты завербованных «игиловских» боевиков не могут спасти нас от новых терактов, подобных «крокусовским». То, что делается, — это всего лишь латание бесчисленных мигрантских прорех. Но среднеазиатские и закавказские потоки к нам даже после 22 марта и не думает никто останавливать.

Вот этот текст 2016 года:

«Сколько же нам нужно еще фактов, кричащих о том, что «игиловцы» давно уже действуют в самой России?! И самое главное — в столице! Но, как видно, никакие факты не способны заставить Кремль перекрыть границу со Средней Азией. «Добрые отношения» с узбеками и таджиками для Кремля выше всего.

После зверского убийства русской семьи из шести человек в Сызрани выходцами из Таджикистана в Москве 4 мая была задержана группа из 12 террористов — граждан центрально-азиатских стран. По данным Центра общественных связей ФСБ России, эти «граждане» по заданию главарей международных террористических организаций, действующих на территории Сирии и Турции, планировали совершить серию терактов в Московском регионе во время майских праздников. Изъято большое количество оружия, взрывчатых веществ и других средств террористической деятельности. Большинство задержанных — уроженцы Узбекистана.

6 мая, по сообщению ФСБ, в Красноярске «задержана группа граждан центрально-азиатских стран, связанных с международными террористическими организациями, готовившими теракты на майские праздники в общественном транспорте Красноярска. При задержании у подозреваемых были изъяты средства террористической деятельности».

Это что, кремлевские деятели нам всем такое развлечение придумали? Под названием «казаки-разбойники»... Террористы сюда свободно едут, как к себе домой, а их тут по съемным квартирам отлавливают. Вот только никаких спецназовцев на них не хватит. 15 террористов поймают, а 500 одновременно въедут.

Уже все криком кричат: надо срочно вводить визовый режим со странами Закавказья и Средней Азии! Даже Председатель следственного комитета А.Бастрыкин в своей статье на сайте «Коммерсант-власть» обосновал необходимость такого шага. Но один-единственный уверенный в своей непогрешимости человек, словно заикленный на «дружеских отношениях», твердит до посинения: «Нет! Нет! Не будет этого!»

Ну что ж, то ли еще будет...

Если дело так пойдёт дальше, то зверство в Сызрани покажется нам лишь цветочками...»

Да, ягодки вызрели в марте 2024 го...

* * *

МВД России объявило в международный розыск ублюдка Зеленского. Это означает, что для России он больше никакой не президент, а только лишь уголовник, тяжкий преступник, совершивший массовые убийства мирных граждан России. Впрочем, то, что он не президент, ясно и без объявления его в розыск — он собственноручно отменил президентские выборы 2024 года в «нэзалэжной», и его полномочия уже истекли. Поэтому его физическая ликвидация уже не вызовет ничего, никаких межгосударственных потрясений, т.к. будет ликви-

дирован не президент другой страны, а беглый уголовный преступник-рецидивист по кличке Зеля. И ликвидировать его можно будет везде, где бы он ни находился, в любой точке нашей планеты. Такая задача должна быть поставлена. Он теперь никто, и звать его никак. Ну разве что уголовной кличкой Зеля. Ну и, конечно же, его международный розыск говорит о том, что никто в России никаких переговоров с ним о судьбе Украины вести не будет. Клоун-мясник допрыгался.

* * *

В первой декаде мая на всю европейскую часть нашей страны от северных морей до Черного обрушилось ультраполярное вторжение с аномально низкой температурой воздуха и снежными заносами. Длилось оно более недели, и пик его пришелся как раз на 9 мая. Москва и Подмосковье оказались под снегом, а ночью стояли морозы. Такого длительного холода и таких снежных заносов в мае даже по архивным метеосводкам не было никогда. Вполне возможно, мы вновь подверглись воздействию климатического оружия, которое пиндосы применяют уже не в первый раз. Для этого у них давно уже разработан комплекс масштабного воздействия на атмосферу под названием «НААРР». О нём подробно говорилось в русской печати летом 2010 года, когда европейская часть России также подверглась климатическому удару. Правда, тогда с обратным знаком: в течение двух месяцев в середине лета в центральных областях стояла сухая жара за сорок градусов при полном отсутствии дождей. Т.н. «природные» пожары тогда подступили к самой Москве. Столица два месяца находилась в дыму, и воздух был пропитан отвратным запахом гари. В огне тогда горели леса, целые деревни и дачные поселки, причем нередко вместе с людьми.

Теперь, когда третий год идет война, и Европа с Америкой уже открыто называют Россию вражеской страной, завозят на Украину тяжелое оружие и планируют ввести на ее территорию свои войска, вполне объяснимо и вполне реально использование америкасами против нас климатического оружия. Кто интересуется, тот может найти в интернете описание и воздействие на атмосферу их системы «НААРР».

В данном случае они пытались убить несколько зайцев: во-первых, сорвать проведение парада на Красной площади, а во-вторых, и это гораздо важнее, — заморозить в полях наши посевы, не говоря уже об уничтоженных огородных посадках и успешных зацвести плодовых деревьях. То есть — организовать у нас будущий голод. И ведь действительно, это случилось: многие посевы придется пересеивать.

10 мая в Санкт-Петербурге многие люди стали свидетелями стопроцентного теракта, совершенного уроженцем Таджикистана Рахматшохом Курбоновым, оказавшимся за рулем пассажирского автобуса. Видеокамеры всё чётко показали: водитель во время движения резко разворачивает автобус, выводит его на встречную полосу перекрестной дороги, таранит две легковушки, затем, не снижая скорости, поворачивает его в сторону реки Мойки, пробивает ограждение моста, и автобус падает в реку. Через несколько секунд автобус полностью уходит под воду. Эти кадры несколько раз были показаны в теленовостях.

Погибли семь пассажиров. Несколько человек оказались в реанимации в состоянии клинической смерти. Водитель остался жив, он сразу сумел выбраться из кабины и попытался скрыться. Попытка скрыться как раз и говорит о его преступных намерениях.

Центральные СМИ тут же начали впаривать свои неистребимые и неоспоримые версии — о «не справившемся с управлением» или, само собой, об «уснувшем за рулём» водителе. И бесчисленная масса «глубокомысленных» обывателей стала обсасывать эти «железобетонные» версии в соцсетях. О теракте в сообщениях «ясновидящих» СМИ не было даже намёка. Но спасённые пассажиры автобуса поведали о том, что перед своими резкими поворотами водитель громко на своем языке с кем-то говорил по телефону и вёл себя очень нервно. Можно предположить, что получал чьи-то указания («уснувший за рулем...»). В своих показаниях на следствии он упорно повторял, что у автобуса отказали тормоза. Однако проверка показала абсолютную исправность тормозов автобуса.

Несмотря на неадекватные сообщения радио- и теленовостей, видеокадры абсолютно доходчиво говорят о том, что уроженец Таджикистана совершил именно стопроцентный террористический акт. (И месяца не прошло с того дня, когда таджикские завербованные боевики устроили жуткий теракт в подмосковном концертном комплексе «Крокус сити холл».) Таджикская диаспора, конечно же, тут же начала отмазывать своего земляка-водителя, убившего столько людей. Между прочим, он, получивший российское гражданство, привез с собой в Россию десять родственников... Вот так они вытесняют нас и заменяют. Семь русских убил, а десять соплеменников завёз. (Опубликован список погибших. Все — русские.)

Вовсе не случайно в некоторых российских городах и в Республике Крым руководством изданы распоряжения, за-

прешающие принимать на работу граждан иностранных государств водителями общественного транспорта. И пока в двух наших столицах не будут изданы такие же распоряжения, теракты на дорогах будут продолжаться с неизбежной регулярностью, как это происходило все последние двадцать лет — с массовой гибелью людей. Примеров можем вспомнить десятки, если не сотни.

P.S. Российская Федерация в 2007 году подписала разработанную в США Программу по переселению в Россию граждан Средней Азии. А МВД закрыло статистику по миграции. К ней не имеют доступа даже депутаты Государственной Думы.

* * *

Театр российского абсурда. Каждый Божий день по стране бьют американско-европейские дальнобойные ракеты, разрушающие наши ТЭЦ, заводы, вокзалы, школы, больницы, многоквартирные и частные дома с гибелью мирных людей, а телеящик ежедневно транслирует европейские футбольные чемпионаты, и радио «Маяк» в каждых получасовых новостях рассказывает о результатах и подробностях игр американско-канадской хоккейной лиги, не говоря уже о том, что «Маяк» круглосуточно гонит в эфир англоязычную попсу. А ведь это и есть элемент полускрытой (а для многих явной, открытой) русофобии. Кстати, на Западе о наших чемпионатах и о нашей хоккейной лиге вообще не заикаются.

Российское ТВ и радио — это даже не пятая и даже не шестая, а какая-то уже десятая колонна то ли законченных моральных извращенцев, то ли заведомо ехидных, издевающихся над нами нравственных уродов. Речь, конечно, не обо всех, кто там работает. Но их руководство — исключительно таково.

* * *

Коррупционный скандал, связанный с Тимуром Ивановым, заместителем министра обороны, конечно же, сыграл не последнюю роль в отлучении Шойгу от военного министерства. Трудно поверить в то, что главный военный министр не ведал того, что творилось в его ведомстве. И если знал и скрывал факты воровства, а тем паче — покрывал, то должен сам быть фигурантом уголовного дела в отношении Т.Иванова. Но если действительно не ведал — то это еще хуже. Слепота и служебная зашоренность по отношению к хозяйству, которое возглавляешь, а также к аферистам, орудующим под боком, граничат с самым худшим, что может быть... Всё же в конце концов сказало то, что он поднялся из ельцинского гнезда...

Шойгу, конечно, уже не мог оставаться на своей высшей армейской должности. Чтобы не отставлять его совсем, для него было освобождено место секретаря Совета безопасности. И тут же, буквально на следующий день после его нового назначения, — разразился еще один скандал в министерстве, которое он возглавлял. Вновь за взятку в особо крупном размере был арестован начальник Главного управления кадров МО России генерал Юрий Кузнецов. Как я уже писал выше, ничего они не боятся при отсутствии смертной казни.

Россия третий год ведет войну. Нашим бойцам на передовой приходится за собственный счет приобретать средства защиты от беспилотников. А в это время высокопоставленные генералы из Минобороны РФ греют руки миллионными и миллиардными взятками... Какая-то запредельная безнравственность...

Уже четверть века длящаяся отрыжка ельцинизма.

И вот теперь майское наступление нашей армии на Харьковском направлении пройдет без Шойгу и без его телевизионных докладов президенту...

Новый министр обороны Андрей Савельев, выступая в Госдуме во время его утверждения, произнес следующие слова: «Ошибаться можно, врать нельзя». Многие российские телезрители услышали его слова по-другому: «Ошибаться можно, брать нельзя».

* * *

Вот что говорил бывший секретарь Совета безопасности РФ Николай Патрушев на одном из совещаний СБ по вопросам безопасности: «...*Масштабный приток трудовых мигрантов несёт серьёзные риски роста преступности, возникновения конфликтов на этнической и религиозной почве, массовых беспорядков, способствует повышению напряженности среди коренного населения*». Среди факторов, способствующих обострению криминогенной ситуации, он назвал «*проникновение на территорию России приверженцев радикальных религиозных течений, осуществляющих пропагандистскую и вербовочную деятельность, в том числе в местах массового проживания и работы иностранных мигрантов*». Это было сказано задолго до трагического события в «Крокусе». 13 мая Н.П. Патрушев был Путиным снят со своей должности. На его месте оказался Шойгу. А Патрушеву не нашлось места ни в новом правительстве, ни в силовых структурах. Он был назначен на чисто номинальную должность — помощник президента. Никаких публичных выступлений на миграционную тему с его стороны мы больше не услышим. Азиатские мигранты для вымирающей России — это святое...

Израиль провоцирует Иран на военный конфликт, чтобы вместе с США нанести уничтожающий удар по иранским ядерным центрам. 1 апреля этого года ВВС Израиля уничтожили здание, примыкающее к иранскому консульству в Дамаске, столице Сирии. Погибли 16 человек, включая бригадного генерала Мохаммада Резу Захеда, старшего командира сил «Кудс» Корпуса стражей исламской революции. Иран сразу пообещал ответить. Долго раздумывал. В конце концов ответил, но как бы чисто формально — так, чтобы не нанести Израилю серьезных разрушений и не погиб никто из высокопоставленных людей еврейского государства. На этом вроде как обе стороны смирились.

Дело в том, что Иран пока не готов к большой войне с Израилем.

Но Израилю именно сейчас нужно уничтожить Иран вместе с его ядерной программой — сейчас, когда Иран не может пока противостоять двум своим главным ядерным противникам, везде и во всём действующим в одной упряжке.

И Израиль пошел на новую провокацию. 19 мая на границе между Ираном и Азербайджаном потерпел крушение вертолет, в котором летел президент Ирана Ибрахим Раиси. Вместе с ним погибли министр иностранных дел Ирана и руководитель президентской охраны. Все мировые СМИ, и, конечно же, российские, причиной катастрофы тут же назвали туман, из-за которого президентский вертолет якобы врезался в гору. Однако о других факторах «всезнающие» и «всевидящие» российские СМИ сочли нужным промолчать. А именно — вместе с президентским вертолетом летели два других иранских вертолета. Все три летели одним курсом, одним эшелонном и на одной высоте. Причем два других, как и положено, летели впереди, а президентский — сзади. Но в гору врезался почему-то только один, летевший сзади. Любой серьезный авиаспециалист и военный летчик скажет, что это — невозможно.

Вертолеты вылетели из Азербайджана. Ясно, что на борту президентского вертолета произошла диверсия. И она, конечно же, будет установлена. Однако Иран в ближайшее время о ней официально не сообщит. Потому что в противном случае ему придется объявлять Израилю войну. Но Иран, повторяю, сейчас к большой войне со своим главным врагом не готов. Израиль это знает и потому упорно провоцирует его на жесткие ответные действия.

Иран, конечно, ничего не забывает. Он научился играть в долгую. И он ответит. Когда придет время.

P.S. Как рассказал глава президентской администрации Ирана Голам-Хоссейн Эсмаили, летевший в другом вертолете, погода во время полета была ясная, облаков было мало, а тумана не было вовсе. Туман появился во время поисков обломков президентского вертолета. Так что центральные российские СМИ настойчиво впаривали нам вражескую версию гибели иранского президента.

На третий день (22 мая) появились некоторые подробности этой авиакатастрофы. Оказывается, еще в воздухе вспыхнула кабина пилотов вертолета. Тела пилотов — сгорели. Не случайно американские официальные лица сразу же засуетились и стали с экранов штатовского ТВ долдонить об отсутствии признаков теракта...

* * *

В самом конце мая более десяти европейских государств дали Украине официальное разрешение на нанесение по российской территории ударов дальнобойными артиллерийскими установками и ракетами средней дальности, поставляемыми из Европы и Америки. Собственно, разрешение это сделано задним числом, т.к. ракетно-артиллерийские удары по России уже давно наносятся вооруженными силами Украины. По всей видимости, в ближайшее время на Украину будут поставлено и тактическое ядерное вооружение. Многие эксперты политических телешоу настаивают на том, что для России уже пришло время на ответные удары по наиболее враждебным для нас странам Европы. А некоторые из них уверены, в том, что удары эти уже должны быть не ответными, а упреждающими, вплоть до ядерных. Но ни для кого не является секретом тот факт, что почти у всех (у подавляющего большинства) членов российского правительства, президентской администрации, депутатов обеих палат парламента, а, возможно, и у генералов Министерства обороны дети и другая родня находятся за границей, живут в Европе и Америке. Интересно было бы узнать, кто из них согласится на нанесение ракетных ударов, в том числе и ядерных, по своим детям? Не этот ли фактор питает уверенность западных политиков в неспособности российской верхушки на ответные удары? И ведь основан он не на пустом месте.

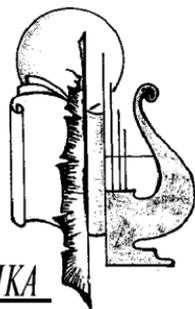
НЕУСТАННЫЙ ИСКАТЕЛЬ ИСТИНЫ

К 100-летию со дня рождения Ю.В. Бондарева

Юрий Бондарев... Это имя хорошо известно всей читающей России, и представлять его нет большой надобности. И тем не менее, в год столетия со дня его рождения, до которого он не дожил всего четыре года, поразмышлять о творчестве этого выдающегося писателя, о нем самом как о незаурядной личности, гражданине, истинном патриоте, мыслителе, всё же необходимо.

Проходят годы, время не стоит на месте, и жизнь нам буквально каждый день предоставляет целый поток информации, разобраться в которой просто невозможно. И на этом событийном фоне, в дни, когда наша страна продолжает свою битву с силами коллективного Запада, задумываясь о Бондареве, убеждаюсь в том, что мое восхищение широтой и глубиной, многогранностью его личности не ослабевает.

Казалось бы, даже при всей той массе литературы, написанной о писателе, как в советское время, так и в наши дни, прекрасно осознаю тот неопровержимый факт, что всего, в полном объеме, с исчерпывающими рамками охвата и постижения им созданно-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

го духовного и нравственного капитала, выразить на бумаге не представляется возможным. Настолько велико и значимо его печатное слово. Да и восприятие произведений, при всех их бесспорных художественных достоинствах, не может быть одинаковым. Ведь, по большому счету, у каждого свой Бондарев. Свой в постижении его сюжетных ходов и линий, его, порой очень и очень неоднозначных и противоречивых героев, в его авторском отношении к ним, в его понимании задуманных и выбранных тем.

Так в чем же своеобразие и уникальность писательского дара Бондарева? Чем смог он так увлечь читателя? Почему его герои, спустя годы после знакомства с ними на страницах написанных им книг, не забываются, а очередное прочтение той или иной вещи каждый раз заставляет задуматься и наталкивает на новые переживания? Да и вообще, что же привело его на непростой литературный путь?

О том, как он стал писателем, Юрий Васильевич рассказывал: «Помню: осенний дворик, морозящий дождь, низкое небо, стук капель по железу, запах ремонта — сырой извести и какое-то грустное волнение как предощущение чего-то. Или зимним вечером возвращаюсь из школы и неотрывно смотрю на белые рои снежинок, медленно плывущих в длинных конусах света от фонарей. Теперь мне кажется, что стремление передать всё это, смутный толчок к писательству возник именно тогда, в детстве, в замоскворецких переулках».

Но между школьными годами и тем моментом, когда Бондарев воплотит в жизнь так рано проснувшийся в нем интерес к литературному творчеству, была война, сыгравшая ключевую, решающую роль в становлении профессионального пути будущего корифея русской советской литературы.

По-другому быть не могло, ведь и Юрию Васильевичу, родившемуся в 1924 году, да и всему тому славному поколению, к которому он принадлежит, было суждено пройти самое суровое, самое тяжкое, самое безжалостное, самое бесчеловечное, жуткое, и, по прошествии даже почти восьми десятков лет, вызывающее неподдельное ощущение ужаса и всеохватывающую оторопь, испытание. И буквально со школьной скамьи пройти его без подготовки, не имея за плечами никакого жизненного опыта, необходимых знаний и закалки. У них не было на всё это времени — будучи, по существу, мальчишками, им пришлось взрослеть и мужать в небывалой доселе в мировой истории, величайшей битве добра со злом, развернувшейся на их родной земле, земле их отцов и дедов. Но при этом, проявляя беспримерные образцы мужества, героизма, стойкости, воли и выдержки, им сужде-

но было сформироваться в высоконравственных граждан, патриотов, созидателей. Однако, не многим им, родившимся, как и Бондарев сто лет назад, суждено было вернуться домой после окончания той страшной войны.

В одном из лучших своих романов «Тишина», переносящем нас в первые послевоенные мирные дни, двое молодых героев: один — сержант, ставший инвалидом, другой — вернувшийся в Москву капитан-артиллерист Сергей Вохминцев, встретившись у буфетной стойки, обмениваются такими, в полной мере относящимися к самому автору словами:

«— А ты капитан? Когда же успел? С какого года? Лицо-то у тебя...

— Сдвадцать четвертого, — ответил Сергей.

— Счастли-и-вец, — протянул Павел и повторил твердо: — Счастливец... Повезло.

— Почему счастливец?

— Я, брат, по этим врачам да комиссиям натаскался, — заговорил Павел с хмурым веселостью. — «С двадцать четвертого года? — спрашивают. — Счастливец вы. К нам, — говорят, — с двадцать четвертого и двадцать третьего редко кто приходит».

К поколению Сергея Вохминцева принадлежали и другие самые лучшие, полюбившиеся с первого прочтения герои писателя, те герои, с образами которых прочно ассоциируется и сам Юрий Васильевич. Это капитан-артиллерист из повести «Батальоны просят огня» Борис Ермаков, командир батареи из «Последних залпов» Дмитрий Новиков, бывший командир роты, а после войны инструктор автоклуба Алексей Греков из повести «Родственники», лейтенант Кузнецов из романа «Горячий снег», командир артиллерийского взвода Вадим Никитин из знаменитого «Берега», командир взвода разведки, лейтенант запаса Александр Ушаков из романа «Непротивление».

Свои ранние повести, принесшие ему известность, бывший фронтовик, получивший ранение на подступах к Сталинграду, командир противотанкового орудия, по меткому выражению критика Ю. Идашкина, «мальчик без биографии с одними воспоминаниями детства и одновременно — суровый многоопытный мужчина, крещенный в огненной купели», Бондарев, заметивший однажды, что «нам было тогда и по двадцать лет и по сорок одновременно», — писал, вновь погружаясь в незабываемые годы героического и трагического противостояния, пережитого им в военное лихолетье. «Повести «Батальоны просят огня» и «Последние залпы» родились — вспоминал Юрий Васильевич, — я бы ска-

зал, от живых людей, от тех, которых я встречал на войне, с которыми вместе шагал по дорогам сталинградских степей, Украины и Польши, толкая плечом орудия, вытаскивал их из осенней грязи, стрелял, стоял на прямой наводке, спал, как говорят солдаты, на одном котелке, ел пропахшие гарью и немецким толом помидоры и делился последним табаком на закрутку после танковой атаки».

Так, на пережитом, навсегда врезавшимся в память огненном материале, Бондарев и прокладывал свой путь в литературу. Вне всякого сомнения на этом тернистом пути ему повезло. Но везение не было случайным. Был напряженный труд, первые пробы пера, выбор и осмысление своей тематики, своего нового писательского слова, кропотливый учебный процесс. В Литературном институте, куда он поступит в 1946 году, его также повстречает большая удача — он попадет в творческий семинар под руководством одного из крупнейших писателей своего времени К. Паустовского.

При всей несхожести прозы этих двух виднейших мастеров отечественной литературы, при полном различии их творческих подходов ученик всё же многое воспринял и от своего учителя. С благодарностью вспоминая о тех уроках, Бондарев скажет: «Некто скептический, прочитав книги Паустовского и мои, мог бы заключить, что учеба у него мало что мне дала, поскольку писательские манеры наши весьма далеки одна от другой. Но Паустовский сделал для меня чрезвычайно много: привил любовь к великому таинству искусства и слова, внушил, что главное в литературе — сказать свое. Вряд ли можно требовать от учителя большего».

Благодаря высочайшей профессиональной прозорливости блестящего наставника и настоящего мастера, а именно так под названием «Мастер» напишет свои воспоминания о нем Бондарев, молодой писатель придет к четкому пониманию того, что «главное в литературе — сказать свое». Этой непростой задаче он и посвятит всего себя как писателя, литератора, страстного публициста, а позже, в самое трагичное время разрушения великой страны, предательства продажной верхушкой интересов миллионов соотечественников, и как философа-патриота, мыслителя-борца. По пути подлинного служения Родине, народу, великой русской культуре и литературе Юрий Васильевич продолжал идти до последней своей весны 2020 года.

В чем же заключалось это «свое», заставившее Бондарева преодолеть все сомнения и колебания, отказавшись от учебы в авиационно-технологическом институте, вступая на незнакомый для него литературный путь? На первый взгляд —

желание, духовная потребность, гражданский долг перед своим поколением, перед товарищами по оружию, не вернуться с войны, перед будущими поколениями — рассказать о горячих боях, танковых атаках, драматизме и беспримерном героизме, пережитыми в годы Войны. Но более пристальный и внимательный подход дает возможность посмотреть на это изначальное впечатление несколько шире. И хотя бы уже потому, что самое раннее большое произведение писателя — повесть «Юность командиров», увидевшая свет в 1956 году, фактически повествует о буднях советских воинов, офицеров артиллерийского училища. Затем будут написаны и замечательные роман и повесть, события в которых развиваются в первые послевоенные годы, — «Тишина» и «Родственники». Следовательно, Бондарева никак нельзя считать представителем исключительно так называемой военной прозы.

Позвольте, скажут многочисленные поклонники творчества Бондарева, ведь и названные выше «Юность командиров», «Тишина», «Родственники», а также «Берег», «Выбор», «Игра», «Непротивление» разве не пронизаны военной тематикой? Неужели в них не присутствует война в самых характерных ее проявлениях? Или главные герои — Вохминцев, Греков, Никитин, Васильев, Крымов, Ушаков не были ее непосредственными участниками? Или, может быть, в своеобразной трилогии о судьбах художников и о советской действительности второй половины XX века — романах «Берег», «Выбор», «Игра» нет «военных» глав, имеющих самостоятельную, по существу, автономную от основного повествования направленность, но в действительности нерасторжимыми скрепами с ними связанных?

Да, во всех этих произведениях правда о войне через все пережитое героями этих творений, через их чувства, через духовно-нравственные испытания и поиски, заявляет о себе не менее основательно и содержательно, чем и в сугубо военных вещах — в повести «Последние залпы» и романе «Горячий снег». И все же, даже с учетом того, что Юрий Васильевич совместно с О. Кургановым и Ю. Озеровым выступит создателем сценария выдающейся советской киноэпопеи «Освобождение», запечатлевшей всю гигантскую панораму Великой Отечественной войны, и за работу над которым писатель будет удостоен Ленинской премии, он не становится летописцем войны, как исторической данности. Бондарева прежде всего интересуется и в военных, и в мирных условиях человек, его внутренний, непростой, противоречивый мир, его помыслы, стремления, желания, чаяния. Скрупулезному

исследованию этого мира и служит проза писателя, а тема войны выступает лишь тем фоном, пускай и очень существенным, порой, как в романах «Берег», «Выбор», «Непротравление» судьбоносным, на котором более полно раскрывается и постигается философия художнического замысла автора.

Придя в большую литературу со *своим* видением и восприятием действительности, с глубоким пониманием непреходящего значения духовности, нравственных ценностей и постулатов, Бондарев поступательно, преодолевая раз за разом новые творческие вершины, не довольствуясь ранее освоенными и найденными творческими нивами, какими бы успешными они ни были, весь свой потенциал, талант и мастерство всегда направлял на освоение философского направления в русской советской прозе, которое до него чаще всего связывали с именем Леонида Леонова.

Потому-то Бондарев так упорно и работал над постижением той глубинной связи между прошлым, настоящим и будущим, без чего «люди перестали бы познавать самих себя, бродя по перекресткам жизни, как ледяные плоские зеркала, отражаясь в них немymi знаками». Отсюда, из прошлого, с военных лет, когда происходило сугубо нравственное, в жесточайших условиях войны с ее суровыми и беспощадными законами, и чисто гражданское становление его Никитина в «Береге», Крымова в «Игре», и в то же время падение Ильи Рамзина в романе «Выбор», как раз-таки и прокладывалась та невидимая, но скрепляющая нить с будущим. Убедительную, мотивированную взаимосвязь дня вчерашнего и сегодняшнего, их причинно-следственную неразрывность писатель блестяще отобразил и в своей маленькой, в какой-то степени даже бытовой повести «Родственники», в которой развернется жизненная драма, заложенная в недалеком прошлом, когда вопреки кровному родству совершаются большие подлость и предательство. Но в жизни за всё необходимо расплачиваться, в том числе и за преступления без срока давности. Сам себе вынесет приговор и Илья Рамзин из романа «Выбор», однажды предавший Родину и в результате отвергнутый собственной матерью.

Между прочим, Илья Рамзин в бондаревской галерее персонажей занимает особое место. Этот образ привлекает внимание не только сам по себе, но во многом и как антипод художника Васильева. Он показан писателем в трех временных отрезках — в юности, на войне и в пору зрелости, когда подходит время подводить жизненные итоги. И при этом, конечно, особо важно определить мотивы его поведения, вы-

нудившие этого мужественного и отчаянного бойца сделать тот роковой выбор, по большому счету, сломавший ему всю последующую жизнь, о которой на финише он скажет: «Сейчас я цену жизнь не дороже ломаного гроша». Потому-то, продолжая свое исследование этого сложного характера, Бондарев и отправит Рамзина наконец-таки в Россию. Всё же расставаться с опостылевшей жизнью лучше на родине...

Рамзина, бесспорно, как личность погубят его непомерное честолюбие и экзальтированная страсть к жизни. И хотя он не пойдет служить к генералу Власову и не станет военным преступником, выкарабкаться на поверхность жизни ему придется, лишь пройдя через все унижения и, разумеется, пойдя на уступки своей совести, загнанной в дальний угол и основательно им придавленной, а затем на какое-то время как бы успокоенной, но, тем не менее, окончательно не заглушенной, продолжавшей в нем все же теплиться.

Жизнь, нет, скорее существование на чужбине, горькое одиночество приведут его к последнему выбору — добровольно уйти из жизни и быть похороненным на родной земле. Вот так, в конечном итоге, завершится земное прозябание человека с сильным характером, хорошими задатками, небесталанного, наделенного недюжинными способностями, но сломленного, не выдержавшего убийственного напора жизненных испытаний и обстоятельств, пошедшего однажды по ложному, недостойному русскому человека пути.

Показателен в романе его монолог, обращенный к Васильеву, к присутствовавшим при их разговоре, а в общем — в пустоту. В нем слышится смертельная тоска и стон души, измученной бесплодными усилиями обрести покой и подлинную свободу. «Послушай, Володя, есть ли начало времени и конец пространства? — говорит Рамзин. — Ты думал об этом? О времени? Кажется, ты мне об этом говорил. Наверняка всё наше прошлое — детство, наша молодость — было вне времени. Не приходило в голову? А всё другое... началось потом? Мне разрешили приехать... я оказал некоторые услуги своей родине после войны, но какие всё пустяки. Возможно, мы пылинки в потоке мировой судьбы. Вселенной... Страшная штука жизнь... Я заболел, хотел забыться и убивал время чтением. И великую печаль познал я... как царь Соломон. Пылинки, поток и... бессилие. Страшно не умереть. Страшно умирать. Можно оставить след, но можно и наследить, хуже всего — пустое место. Страшно это — пустое место! Не думаете ли вы, что всё человечество — подопытные кролики на земле и кто-то проводит с нами чудовищный эксперимент? Похожий на медленное приведение приговора в ис-

полнение... Послушай, Володя, мой старый друг. Все смертны, абсолютно. И те, кого мы любим, и те, кто кого-нибудь любит. Не мы делаем выбор, а господин эксперимент. Лохматое, звездное, далекое... И всякому приходит час прощания. И прощания, если не проклятья. Выбор — самоопределение. Или — или. Кто внушает нам «или»? Страшно. Это — пустое место. Не черная, не белая дыра во вселенной, а бездонная пустота... Проведен эксперимент, познано, на что способны люди, — и пустота. Лаборатория покинута. Удался опыт или не удался — не мы судим. На это разума не дано. Выбор, выбор... Жизнь или смерть — выбор. Кто внушает? Вселенная?.. Или несколько всесильных людей, которые хотят править миром?..»

Картина, конечно, впечатляющая, убедительно повествующая о том, что ее писал большой художник, не ограничившийся лишь констатацией фактов и поверхностными, неглубокими обобщениями, слегка затрагивавшими внутренний мир героев. Но, тем не менее, для того, чтобы Рамзин пришел к этим выводам, удручающим и говорящим о его внутренней опустошенности, ему необходимо было пройти через все круги ада скитальца, уставшего коротать свой век на чужбине. И действительность, в его понимании данная какими-то высшими потусторонними силами, для него страшна. Страшна по-настоящему. Он не видит в ней ни перспектив, ни оснований для успокоения. Более того, Илья думает о прощении... Простят ли его?.. Если простят, там, глядишь, что-то и после ухода из жизни останется.

Так ли это? Не останется ли после него зияющая пустота, о которой он также задумывался? На эти вопросы Бондарев нам прямых ответов не дал. Но вместе с тем, следует сказать, что суровая правда жизни далеко не всеми воспринималась так же однозначно, как самим автором, не являвшимся при сем сторонником указующего перста и не осуждавшим своих героев. Среди читателей и критиков, а следует отметить, что практически всё написанное писателем, особенно в советский период творчества, вызывало бурный поток критических разборов, суждений, дискуссий, — было немало и тех, кто трактовал вроде бы предельно понятные негативные поступки героев по-своему, пытаясь найти им оправдание. Были и те, кто испытывал жалость к Рамзину, кто находил оправдание даже тому факту, что он тридцать пять лет не давал родной матери знать о себе и не интересовался ее жизнью. При этом они осуждали ее, мать, за то, что она простить сына уже не смогла. Во всей этой драме, в основе которой находились элементарные человеческие пороки и заблуждения, как

и в «Последних залпах», «Тишине», «Береге», «Игре», «Искушении», «Непротивлении», «Без милосердия», «Родственниках», Бондарев во всех красках своего художнического дара воссоздаст острую проблематику лобового столкновения противоположных идейно-нравственных взглядов и позиций. И в этом противостоянии, а оно, известное дело, сопровождает нас на протяжении всей жизни, позиция Бондарева воспринимается как неподъемная глыба, так как он всецело на стороне добра, справедливости, высоких нравственных идеалов.

И всё же Бондарев наводил читателей на мысль о том, что в жизни неизбежно предстоит делать выбор. Выбор жизненного пути, выбор целей, приоритетов, ценностных ориентиров. И от того, каковым он будет, всецело зависит вся последующая жизнь. А в ней, между тем, говорил нам писатель, с выбором, но уже на отдельных участках жизненного пути, встречаться придется не единожды. Потому-то, думается, не лишне будет вновь обратиться к раздумьям художника Васильева, приходящим к нему в финале романа: «... Не искушение ли — моим человеческим бессилием познать тайну правды и красоты времени? Не отсюда ли эта повторяющаяся у меня мука вины, тоска и сожаление о том, что весь мир висит на волоске, что исчезает что-то главное? Что исчезает? Доброта? Вера? Доверие и жалость друг к другу? Нет, не красота спасет мир, а правда равной неизбежности и понимания человеческой хрупкости каждого. Всех. Не сила, а трагическая слабость всех перед смертью. И здесь ничто не поможет. Ни талант, ни слава, ни положение. Ничто. Илья сделал свой выбор в сорок третьем году, чтобы выжить... А я после войны выбрал свой путь в искусстве к вершинам тщеславия через смирение: работать, работать, работать. Как одержимому. Значит, я был трудолюбив и удачлив — это что, счастье? Смысл моей жизни? А что же есть смерть? Самоисчерпаемость? Нет, Илья не исчерпал себя... Неужели смерть — тоже выбор, опыт вселенской силы, которая проводит свой эксперимент над человечеством и мешает познать истинный смысл жизни? <...> Что я хочу понять? Сделанный Ильей выбор? <...> И все-таки я хочу понять: есть ли единый смысл жизни? И есть ли единый смысл смерти? Неужели я хочу понять что-то запредельное, мистическое, непознаваемое? Нет, не волю придуманного бога, а высшую силу вселенной, ее разумную энергию, что, может быть, проводит над нами опыты, как убежден был Илья. Неужели она обманывает нас и правдой, и ложью, глупой надеждой на вечное здоровье, на помилование смертью и испытывает даже умопомраченной любовью... И разбивает общность духа. Так ли это? Но если

всё так, то нет единого смысла жизни и нет единого смысла смерти. Значит, на земле тысячи смыслов и тысячи выборов — и что же тогда? Может быть, поэтому я замечал, как логична и красива ложь и как неуклюжа, нелогична правда».

Воображение художника Васильева способно было рождать беспокойные и тревожные картины. И вопрос даже не в том, что он задумывался над смыслом смерти, тем более во сне. Сны его в романе выступают в качестве новых художественных приемов писателя, стремившегося представить широкий обзор переживаний, чувств, мыслей своего героя, олицетворявшего творческую интеллигенцию, к которой принадлежал и сам Бондарев. Немаловажно Юрию Васильевичу было обнажить и скрытую работу подсознания, которое, как известно, не фиксируется какими-либо четко выраженными внешними проявлениями. Таким образом он вырывал читателей из привычных и общепризнанных границ времени и пространства, а глубинные, но незримые, недоступные эмпирическому наблюдению внутренние процессы становились вполне осязаемы. Мы же их могли переживать и осознавать острее и глубже.

Так вот, задумываясь над выбором Рамзина, имевшего лишь туманное прошлое, но лишившего себя настоящего и будущего, Васильев, единственный в романе осознающий всю сложность происходящих событий, и пытается отвечать на вопросы самые что ни на есть сущностные, основополагающие, балансирующие на грани жизни и смерти. Его занимает понимание вечных истин, потому он и стремится осмыслить собственный жизненный путь, ответив себе: а был ли в нем смысл?

Жизнь здорово встряхнула Васильева, повернула лицом к реальной действительности, и он увидел многое из того, что ранее ускользало от его взора, вроде бы способного многое запечатлеть. И вот к двум его страстям — любви к извечной, грубой и нежной красоте природы и исключительной преданности работе, без которой терялся для него смысл существования, прибавляется и третья страсть — сострадание. Васильев начинает понимать, что без того, без доброты, жалости, способности протянуть руку помощи, человечеству никак не обойтись. Без этих скреп оно бессильно. И разве эти бондаревские заключения, трансформировавшиеся в напутствия современникам и будущим поколениям, потеряли свою актуальность? Неужто нынешняя наша действительность кардинально изменилась и мир людской стал добрее, гуманнее, совестливее? Или, может, в нем перестали вспыхивать военные конфликты и люди отказываются брать в

руки оружие? Что тут можно сказать? Ответ любому здравомыслящему человеку очевиден... Но должен ли нас он при этом останавливать в нашем неизбывном стремлении к миру, всеобщему взаимопониманию и общечеловеческой естественной потребности творить добро? Нет, не должен!

Вспоминается спор писателя Никитина с западногерманским собеседником, критиком и публицистом Дицманом, описанный Бондаревым в романе «Берег», доказывающий чрезвычайно важную и не потерявшую своей актуальности мысль. Мы, говорит нам писатель, русские и советские люди, выступаем наследниками всего духовно-нравственного наследия человечества, его лучших и нетленных образцов. И мы не просто всё это духовное богатство наследовали, но и продолжаем его качественно развивать в новых исторических условиях, как всегда, не сулящих России спокойной и миротворенной жизни.

«Спор в романе идет о гуманистическом наследии русской культуры и всего человечества, — писал в 1975 году известный русский советский критик и литературовед Ф. Кузнецов. — Никитин яростно отрицает попытку Дицмана присвоить это наследие себе — в целях парадоксальных: для обоснования собственной бездуховности и безнравственности. «Зыбкость границы», границы между добром и злом, — «это ваш Достоевский, самое главное в его романах», — восклицает Дицман. «По-моему, главное в Достоевском — поиск истины в человеке...» — отвечает Никитин. В современный идеологический спор, утверждает в романе «Берег», вовлечена вся история духовного развития человечества, спор идет по самым сложным и глубоким категориям развития человеческого духа, — и мы не можем не выиграть этот спор».

Да, спор с западным миром продолжается. И он уже давно приобрел цивилизационный характер, чему убедительным свидетельством служат последние тревожные события, разворачивающиеся в Европе, на Ближнем Востоке и других частях планеты. Сможет ли Русский мир выйти из него победителем? Одолеем ли мы эти силы коллективного и разнузданного зла? Хочется верить, что одолеем... Непременно одолеем.

«Художественные открытия Бондарева связаны с новым ракурсом воззрения на мир, с новыми типами героев, которыми, несмотря на сложный комплекс переживаний, сомнения, нелегкий путь самопознания, овладевает горячая вера в свое дело, — писал известный литературный критик Н. Федь. — Писатель воссоздает многослойный и неоднозначный процесс духовных исканий современника, которые выступают как са-

мая жгучая и острая потребность эпохи. Бондарев испытывает человека на прочность. Он пишет жизнь, как она есть, признавая за ней достоинства и недостатки, каковы ей присущи. Поэтому столь пронзительно звучат хотя бы вот эти его слова: «Я стараюсь помнить, что литература — это великое переселение из мира внешнего в мир внутренний, что ей дано проводить всеобщую ревизию совести, порицать мировой порок безразличия друг к другу, жестокость, алчность, варварское соперничество с самой природой, которое ведет к гибели природы и человека не только физически, но и через сознание собственной вины».

Парадокс: если тяжела десница жизни, то может ли человек быть счастливым? Ответ напрашивается вроде бы простой: какое же это счастье под давлением? Стало быть — не может. Своим искусством Бондарев разрушает этот парадокс. Он создает такие характеры, которые стремятся к постижению истины в наиболее трудные периоды их бытия, и через страдания прорываются к счастью. При этом они начинают сознавать, что их жизнь протекает в один из наиболее драматических этапов всемирной истории».

К сему следует добавить, что и сам писатель жил в это непростое, драматичное, а затем, в 90-е, так и вовсе «подлое», напрочь бездуховное время. Но, собственно, в духовных исканиях его героев отчетливо просматриваются искания самого Бондарева, никогда не устававшего размышлять над самыми глубинными и сущностными проблемами земного бытия. И не просто рассуждать, но и находить ответы на самые жгучие вопросы, вызывавшие у него беспокойство и тревогу, и не только как у писателя, но и как у гражданина, всегда придерживавшегося твердой, непоколебимой гражданской позиции, основывавшейся на убеждениях и воззрениях, в своей основе гуманных, человеческих, нацеленных на построение высокодуховного людского социума — основы для счастливой и полновесной человеческой жизни на земле.

«Все люди чего-то ждут и вместе с тем больны неспособностью ждать — говорит советский режиссер Вячеслав Крымов американскому коллеге Джону Гричмару в романе «Игра». — Мы должны искать в мире душу, которую человек потерял в нетерпении жить легкой жизнью. Именно — потерял душу. Но легкой жизни не бывает...»

...Легкой жизни не бывает, и Бондарев призывал к жизни, как уникальному и неповторимому явлению, относиться предельно серьезно, требовательно, без поблажек, притупляющих внимательность, бдительность и трезвый взгляд на окружающий мир. Тем паче, если речь заходит о вопросах гло-

бальных, требующих от человека собранности и готовности жертвовать во имя высоких целей и своей родины, которую не выбирают.

Задумываясь сегодня о бондаревских напутствиях-установках, бывших глубокими, зачастую исчерпывающими, во многом пророческими, нацеливавшими общество постоянно анализировать все происходящее в стране и мире, от дел малых, бытовых, несущественных, до общемировых, волнующих человечество, уставшее от психологических потрясений, антигуманных заблуждений, открытых военных конфликтов, природных катаклизмов и непрерывно ускоряющегося темпа повседневной жизнедеятельности, вновь вспоминаются слова, сказанные Крымовым американскому миллионеру Гричмару, считавшему, что трагедия России в том, что на ее земле свершилась революция, разрушены храмы, вследствие чего «почти уничтожен дух русского народа».

«— Да, Джон, после войны Америка навязала всему миру свой бешеный жизненный ритм, а сейчас все чудеса своей американской цивилизации — бесцеремонную пошлость, рекламу, красивые этикетки и милую эстетику атомных бомб. Не думал ли ты, что Америка приучает мирового обывателя воспринимать войну как черту современной жизни? И знаешь почему? Ни хрена вы не прошли через страдания...»

Гричмар опешил: «— Нет, но! — вскричал Гричмар, вздымая крупные руки. — Мой отец был русский, купец, я понимаю! Говори!..»

«— Вторая мировая война была для Америки веселой опереттой, военным шоу. Только, правда, голых девиц не было. Пришли к концу боев под звуки «Типперери». Триста тысяч убитых, а не двадцать миллионов. В автомобильных катастрофах погибло у вас больше, чем в войну. А главное, Джон, Америка сейчас несет всему миру разврат духа и великую ложь, которая называется сверхцивилизацией и истиной. Ты понимаешь, о чем я говорю? Или все-таки перевести на английский? Очень многие, Джон, живут под знаком крушения человека, которое несет эта ложная цивилизация, понимаешь? Наш век расшатался безнравственностью большинства ученых. Всё бессмысленно, Джон, когда технический прогресс безнравствен. Он создает, чтобы разрушать... Он против человека и превращает человеческую душу в пустыню. Хочешь, скажу злее? Все эти американские моды в архитектуре, в музыке, в одежде... да во всем, даже в кока-коле, — это бытовой и интеллектуальный концлагерь, который распространяется по миру. Впрочем, многие хотят этого амери-

канского концлагеря. Мирового обывателя прельщает мишура, красивая упаковка, застежки, пуговицы, его легко обмануть...»

Столь откровенная изнанка американской действительности, по большому счету принципиально не изменившаяся и в наше время, вынуждает довольно прямолинейно высказаться и Гричмара: «— Вся цивилизация — заговор против человека. Но никто из людей даже не вздрогнет, когда подумает, сколько сотен тысяч рабов должно было погибнуть в пустыне, для того чтобы построены были проклятые пирамиды. Для чего они? Могилы фараонов? Безумие. Всегда очень дешево стоил человек. <...> Кто-то из власть имущих хочет, чтобы место всех народов было в операционном зале. Маленькая операция на мозге или инъекция. В первую очередь интеллектуалам. Кто-то хочет превратить человечество в дураков и роботов. Человек в современном мире — ничто, одно гордое звучание. А гордое звучание нужно сильным мира для одурачивания миллионов простаков. Поэтому ложь господствует в мире как никогда. Поэтому политика — вранье о свободе. Искусство — на две трети развлекательное дерьмо, бездумное умствование и секс. Правда — слуга сильных. Значит, она — ложь, которая раскрывает перед собой все двери без стука и беспрерывно говорит о свободе, чего жаждут посредственности».

Крымов предстает перед нами человеком убежденным, последовательным в отстаивании своих коммунистических взглядов и гуманистических ценностей, но и способным найти с американцами точки соприкосновения. Для того практически полувековой давности времени, о котором в романе идет речь, находить взаимопонимание с США было в действительности важно, так как Советский Союз старался сохранить сложившееся политическое и военное равновесие, способствовавшее реальному и мирному сосуществованию двух противоборствующих между собой общественно-политических систем. Однако же, если постараться оценить слова Крымова, сказанные им об Америке, ее разрушительном для всего остального мира существе через призму дня сегодняшнего, то, очевидно, их реалистичность не вызовет у патриотично настроенных сограждан и малой толики сомнения. Складывается впечатление, что ничего в понимании американской гегемонии не изменилось, всё, о чем посчитал нужным по сему поводу поведать нам в романе писатель, практически осталось неизменным. Более того, после начала Россией в феврале 2022 года специальной военной операции на Украине, разрушительная, несущая страдания отдельным

странам и целым континентам политика американской администрации, стала нам так и вовсе понятной, да и бесспорной в своей античеловечности и в стремлении разрушить наше государство, всегда бывшее для США главным, ненавистным врагом.

Следует, по всей видимости, обратить внимание и на мысли Гричмара о России. В них писатель покажет тот достаточно расхожий взгляд, бытовавший в прошлом столетии среди русской эмиграции, который и сейчас поддерживается многими нашими соотечественниками, живущими и в Российской Федерации, и за рубежом.

«— Блага нет в Штатах, — сказал сумрачно Гричмар. — Блага нет и в России, потому что нет пока искупления. История России — трагедия. Ничтожество уничтожало интеллект и талант. Разрушены храмы. Отец убивал сына, сын отца, жена предавала мужа в руки его врагов, сестра ненавидела сестру, брат брата. Уничтожен... почти уничтожен дух русского народа. Нет религии. Я православный, Вячеслав, ты знаешь. Мой отец — купец первой гильдии Гричмаров, выходец из России, он был чайным королем в Петербурге. Капиталист, а не пролетариат без средств производства. Он уехал из России в революцию. Моя мать — ирландка. Я считаю себя по происхождению американцем, по национальности русским. Парадокс? Нет! Русский дух царствовал в нашей семье до смерти отца. Я плохой хранитель традиции, но, кроме Иисуса, в моем детстве были еще два бога — Гоголь и Достоевский. Я люблю старую Россию. Я ищу в ней русскую цивилизацию, а чаще всего встречаю европейское. Но не очень хорошее, не первый сорт. Вы во многом подражаете Америке в погоне за богатством. У вас скоро появится лозунг: «Успех любой ценой». Но это попытка повторить чужой успех. Это летать на чужих крыльях, которые не очень надежны. У вас всё меньше становится русского, Вячеслав. <...> Англосаксы исповедуют кальвинистскую философию земной удачи, а Россия была сильна духовной жизнью... <...> Но дух уже подменяется практицизмом. Как бы ни был невежествен человек, он хорошо чувствует, когда жмут ботинки. Ваши современные ботинки, которые вы предлагаете, жмут многим, потому что у них смешанный размер: русско-европейско-американский».

Само собой, Крымов ответит американцу в духе того времени, хотя в его словах будет содержаться та известная во всем мире правда, которая актуальна и для сегодняшних реалий: «...всему свету жмут ботинки американского пошива. Прекрасная отделка, но внутри жесткая кожа, носить невоз-

можно. Стопроцентный американец, как я понял в Штатах, считает себя поборником и мучеником демократии: готов помочь всех спасти от коммунизма. Но мученики легко становятся палачами».

Роман «Игра», завершающий трилогию о советской интеллигенции, начатую романами «Берег» и «Выбор», Бондарев писал в 1981—1984 годах. Годы для Советского Союза относительно благополучных, не предвещавших еще начала большой народной трагедии, в результате которой великая страна стремительно пойдет под откос... Но как при этом, согласитесь, исключительно точно сумеет он разглядеть цивилизационную опасность, ставшую злым роком для нашей России, многие сыны и дочери которой страстно поверят в Запад, в вожделенную Америку, в их аморальные порядки и гнилую, подавляющую человеческий дух философию. Им Россия будет представляться отсталой, но, при сем, именно на ее просторах они смогут обогащаться любой ценой, вывозя затем нечестно заработанные капиталы за рубеж. Увы, эта антирусская оголтелая и откровенно предательская деятельность отдельных россиян по рождению, но западников по духу и мировоззрению, продолжается. Не поставлен ей и до сих пор надежный и непреодолимый заслон. Доколе, хотелось бы знать, Россия и народ русский будет терпеть всю эту либеральную прозападную публику, рядящуюся сегодня в патриотические одежды и сменившую в одночасье риторику, имитируя ныне из себя заправских патриотов-русофилов? Доколе?..

С каждым новым произведением Бондарев, ни в коем случае не идеализируя своих героев, представляя их в реальной противоречивости и непохожести людских характеров, подводил нас к пониманию непрерывности жизненных путей на земле, к вечному поиску смысла жизни, к незыблемой взаимосвязи прошлого с настоящим и будущим. Этим же философским исканиям, глубинным размышлениям над наиболее острыми вопросами современности служила и многогранная, многолетняя публицистика Бондарева и особенно его блестящая книга небольших новелл и миниатюр «Мгновения». Этот шедевр напряженного пульса ищущей и стремящейся постигнуть истину мысли трудно подвести под определенный литературный жанр. Но в этой удивительной мозаике человеческой жизни как главной ценности бытия весь Бондарев — самобытный мыслитель, философ, гуманист, продолжатель традиций и убежденный последователь духовных исканий и стремлений своих величайших предшественников: Л. Толстого и Ф. Достоевского, И. Тургенева и А. Чехова, Л. Леонова и М. Шолохова.

Бондарева всегда интересовал человек, человек живущий в реальной действительности. Потому и выработался у него с годами *свой целостный* взгляд на мир и человека в нем. И человека отнюдь не обыденного и неприметного, а героического, способного на решительные действия и совершение подвигов.

При этом важно отметить и то, что героическая личность в произведениях писателя характеризуется не только свершением подвигов в их материальном выражении (например, в количестве подбитых на войне танков), а и добровольным принятием на себя ответственности за людей и одновременно за себя, чтобы и самому в тягчайшем испытании не уронить высокое звание человека. И мужество героя у Бондарева особое — отстоять с честью нравственные убеждения, лежавшие в духовной жизни советского народа, закрепленные в его коллективном народном сознании. Убедиться в этом бондаревском понимании существа советского героизма нетрудно, стоит лишь вновь поразмышлять над проблематикой его романов.

Война в ее документальном проявлении, с хронологическими рамками и строгим событийным ходом, зафиксированным исторической наукой, никогда Бондаревым не выдвигалась на передний план. Скорее она для него выступала проявлением реальной жизни, каждодневно проживавшейся в других, по-настоящему чрезвычайных обстоятельствах и при помощи совсем иных подручных средств. Той жизни, в которой бытие и небытие не были разделены уже видимой гранью. Посему и писал Юрий Васильевич в своих «Мгновениях»:

«... Главные участники истории — это Люди и Время. Не забывать Время — это значит не забывать Людей, не забывать Людей — это значит не забывать Время. Быть историчным — это быть современным. Количество дивизий, участвовавших в том или ином сражении, подсчитывают историки. Да, они подсчитывают количество потерь, определяют вехи Времени. Но они не смогут подслушать разговор в окопе перед танковой атакой, увидеть страдание и слезы в глазах восемнадцатилетней девушки-санструктора, умирающей в полутьме полуразрушенного блиндажа, вокруг которого гудят прорвавшиеся немецкие танки, ощутить треск пулеметной очереди, убивающей жизнь.

В нашей крови пульсируют токи тех людей, что жили в истории. Они не знали и не могли знать то, что знаем мы, но они чувствовали то, что уже не чувствуем мы. При ежесекундном взгляде в лицо смерти всё обострено, всё сконцентрировано в человеческой душе. И вот этот фокус необычайно интересен мне».

Беспощадная правда изображаемых событий, даже жестокость, бывшая в условиях войны, да и в мирные годы тоже, составляли при сем одну из немаловажных основ, формировавших взгляд Бондарева на героическую личность. Личность, подчеркнутую рожденную Советским государством, бывшую фактически представителем первого поколения людей, выросших при Советской власти.

Закономерным посему представляется и молодой герой Бондарева, вчерашний десятиклассник или студент первого курса. Как говорил Новиков: «Прошлое можно уложить в одну строчку». Но это прошлое было особым. Справедливо писал о нем и О. Михайлов: «Во дворе московских домов — мальчишки в «испанках», играющие в войну, бредящие Чапаевым и Карацупой, жадно ожидающие возвращения папанинцев и следящие за перелетом Чкалова через Северный полюс в Америку. Видимо, было в них что-то особенное уже от того одного, что жили они именно в Москве, столице Советского Союза, в городе, где бился пульс огромной страны. Страны, уже успевшей не только провести коллективизацию, на и дать отчет народу о первых успехах, воздвигнув за Мещанской улицей, на пустыре, сказочный городок Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Страны, разгромившей японских интервентов на озере Хасан и Халхин-Голе, освободившей Бессарабию, Западную Украину и Белоруссию. Страны, преодолевшей издержки нигилистического отношения к прошлому и восстановившей в правах великую русскую культуру — от Чайковского до Пушкина. Наконец, страны, которая законно гордилась успехами не только в промышленности, сельском хозяйстве, науке, но и в искусстве и литературе... Конечно, десятикласснику или первокурснику горного института не под силу было охватить такой материк духовных и нравственных ценностей. Однако особая закваска, зерно нового, советского характера, уже прорастало в этих мальчишках, что и позволило выковаться личностям Ермакова или Новикова». Добавим, и другим героям писателя, составившим галерею незабываемых бондаревских образов, не только украсивших русскую советскую литературу, но и наполнивших ее новым содержанием, не растерявшим своей актуальности и в наше трудное, но судьбоносное время.

Важно отметить и то, что Бондарев изображал человека и, что еще более существенно, человеческое сознание в непрерывном движении, мгновенно реагирующем на внешние обстоятельства, открывавшие в итоге самые разнообразные грани характеров героев и глубже отражавшие их сущность.

Движение сознания при этом у него целенаправленное. От бытового и сугубо житейского продвигавшееся к более полному единству с миром и людьми, а вместе с тем и к идеалам единого совместного сосуществования человечества, справедливым и гуманистическим, выношенным самой историей цивилизации. Фактически это и был тот единственный путь к гармонии и согласию между личностью и миром, называемый счастьем. И Бондарев в то же время давал нам широкую панораму жизни, в которой присутствовала и борьба — неизбежное условие движения вперед, к новым жизненным вершинам. Вместе с тем он глубоко осмысливал и противоречия нравственного порядка, а именно естественное желание человека ориентироваться на высшие моральные императивы, возможность воплощения в жизнь которых, увы, никогда, ни в одну из исторических эпох не просматривалась.

И всё же «диалектика души» героев Бондарева находилась в соответствии с диалектикой бытия, а истина, смысл жизни виделся им в упорчении внутренней сущности с внешним, огромным миром, что и требовало от них активных действий. Соответственно, гармония мыслилась писателем не как простое и раз навсегда данное совпадение убеждений личности с такими же незыблемыми законами внешнего мира, но как укоренившееся соответствие движения сознания движению бытия. Да, тому вечному неостановимому движению, на котором, что и говорить, построено всё земное наше существование, в основе своей устоявшееся, давно осмысленное, однако остающееся противоречивым, а порою даже, непредсказуемым и не подающимся здравому смыслу, а также законам логики.

Этим-то внедрением во внутренний мир современника и рассуждениями о его самосовершенствовании и стремлении к гармонии бытия и сознания Бондарев, думается, и сказал *свое* новое слово в непрекращающихся в мировой литературе спорах о человеке, его естестве, способностях, достоинствах и недостатках. При этом писатель однозначно давал нам понять и ту истину, что человек способен меняться в лучшую сторону, как способен он стремиться и к доброте, справедливости, нравственным постулатам. Ему следует при сем поднапрячься, поработать, стать более мужественным и героичным, ведь героическое начало в человеке заложено самой природой и стоит лишь в себе его укрепить, развить, активизировать... В общем, по Бондареву, всем нам следует жить полнокровно, гармонично и обязательно творить добро. Тогда-то и будет в обществе царить согласие, и оно наконец-таки станет в действительности счастливым.

Не приукрашивая действительность, не отказываясь от необходимости развязки непростых, конфликтных ситуаций, показывая человека таким, какой он есть, его непростую природу, не отдавая при этом предпочтения тем или иным героям, строго придерживаясь существовавшего и главенствовавшего тогда метода социалистического реализма, Бондарев все-таки являлся страстным пропагандистом подлинной человеческой красоты во всех ее проявлениях. Красоту писатель воспринимал как логику и самой жизни, и литературного процесса. Он видел ее в качестве инструмента воздействия на человеческие души и главной целью искусства, ибо красота — не что иное как *«глубина истины реального мира, человеческих действий, человеческого бытия, правда окружающих его вещей»*. Красота, в ее широком понимании, у Бондарева выступала в роли вечного стимула в его художественном творчестве. Оттого и стремился он к показу подлинных ценностей, к бичеванию зла и несправедливости, о чем вполне конкретно говорил в статье «Поиск истины»: «Я ненавижу и в жизни, и в своих книгах несправедливость, ложь, равнодушные, предательство, карьеризм, и я хочу верить, что золотые истины могут победить и побеждают свинцовые инстинкты. И я ищу в людях активное добро, мужество, товарищество и единение, не умиляясь и не приукрашивая человека, но и не унижая его презрением и жалостью». Пожалуй, даже в названиях его поздних произведений, написанных в совершенно иных общественно-политических условиях, таких как «Искушение», «Непротивление», «Без милосердия» заложен тот глубокий подтекст, переплетающийся с всю жизнь волновавшими писателя вопросами, связанными с постижением его же писательской формулы «красота — истина». И эта позиция Бондаревым никогда не пересматривалась.

С годами, критично оценивая нынешнюю действительность, соперживая вместе с народом все тяготы, горе и невзгоды, пришедшие на нашу многострадальную землю, голос писателя стал звучать еще более жестко и непоколебимо. Неудивительно и то, что для многих ярких сторонников буржуазных реформ, для разношерстных либералов, русофобов и антисоветчиков Бондарев стал ненавистен. Они не смогли простить ему его веских и убедительных выступлений с высоких трибун Верховного Совета СССР и XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС. Не простили они писателю, стремившемуся сохранить Советский Союз, его участие в июле 1991 года в подготовке совместного заявления «Слово к народу», подписанного лучшими сынами и дочерьями России — Л. Зыкиной, А. Прохановым, В. Распутиным, В. Клы-

ковым, В. Варенниковым, В. Стародубцевым и опубликованного в газете «Советская Россия». Записав его во враги, по большому счету не воспринимали они Бондарева и потому, что в его гражданском величии растворились целиком и без остатка.

Принципиальное значение имеет и тот факт, что в то тяжелейшее время, когда вчерашние товарищи по литературному цеху, еще недавно находившиеся в числе стойких, проверенных и надёжных приверженцев советского строя, без тени смущения переметнулись в стан его разрушителей. Юрий Васильевич оказался в числе немногих, отказавшихся предавать социалистическое государство и те духовно-нравственные ориентиры, которые и были стержнем его мировоззрения и бытия. Как бы ни было трудно, он остался верен самому себе. А по другую сторону баррикад, к сожалению, встали, также, как и Бондарев, фронтовики, казалось бы, исконно советские писатели, кстати обласканные до предела советской властью, всем известные А. Ананьев, В. Астафьев, В. Быков, Г. Бакланов. А ведь всех их ставили в один престижный ряд самых ярких и читаемых советских писателей, мастеров «военной» прозы. И этот список в одночасье переродившихся писателей и литераторов можно продолжить. Он действительно не мал. Но это тема для отдельного разговора. Для нас же важно подчеркнуть то, что Бондарев не сломался, не изменил своих убеждений, не встал на путь очернительства советской страны, не поддался на посулы и обещания ее разрушителей. Отказался он, не желая становиться в один ряд с теми, кто открыто глумился над Отечеством, принимать и орден из рук ненавистного ему Ельцина...

Да, Юрий Васильевич до последнего дня своей жизни оставался тем же, кем все мы и привыкли его воспринимать — писателем-патриотом, человеком, искренне болевшим за Россию.

Бондарев всю свою продолжительную жизнь любил углубляться в ее философию, доискиваться до сути смыслов, размышлять над ними, ставить вопросы и отвечать на них. Он был бескомпромиссен в отстаивании убеждений и принципов, но при этом старался никогда не ожесточаться и не впадать в назидательность и категоричность. Сила его как художника, философа и общественного деятеля была в другом — в умении вычленять из конкретно-исторической, социально-политической и психологической жизни незыблемые общечеловеческие ценности и мотивы, дававшие ему стимулы для творчества и помогавшие идти по жизни уверенно, с высоко поднятым забралом.

По-прежнему, что не может не радовать, актуальны и его произведения. Сегодня, когда обществу ненавязчиво, как бы со стороны, но всё же навязывают пустые подделки, не имеющие ничего общего с высоко нравственной и гуманистической русской советской литературой, они приобретают новое звучание. Их вновь переиздают, так как притягательность особой нравственной заостренности повествования и глубокий философский анализ духовного мира героев не потеряли заданной писателем социальной направленности. Их читает молодежь, та ее часть, которую называют думающей. Проза Бондарева всё так же вызывает глубокие раздумья и заставляет сопереживать, волноваться, тревожиться, а порою и страдать вместе с его героями. Как и ранее его Ермаков и Новиков, Бессонов, Вохминцев, Греков, Княжко и Никитин, Васильев, Крымов и другие продолжают занимать в бездонной галерее художественных образов многонациональной советской литературы свое достойное место.

Не канула в Лету и его смелая и страстная, оригинальная по содержанию, чеканная по стилю, талантливо сочетающая в себе яркую образность и точность социально-публицистических формулировок публицистика. С годами, главным образом в наши дни, она, острая и проникновенная, словно выдержанное вино, воспринимается еще более осознанно.

Весь огромный творческий багаж Бондарева ни в коей мере нельзя отделять от самой его фигуры. Ведь по большому счету нам — его современникам он запомнился не только как один из самых выдающихся и талантливых писателей, но и как крупнейший общественный деятель, многолетний и непримиримый защитник русской культуры и истории. Много сил и здоровья он отдал во имя высоких целей, работая в качестве секретаря правления Союза писателей СССР, заместителя председателя правления Союза писателей РСФСР и председателя Союза писателей России в самые сложные и переломные годы начала 90-х годов прошлого столетия, депутата и члена Президиума Верховного Совета РСФСР, депутата и заместителя Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР. При этом своим положением в обществе, высокими государственными наградами Юрий Васильевич никогда не кичился, оставаясь всегда предельно скромным человеком.

С развалом Советского Союза, осмысливая всё произошедшее с великой страной, народом, сверх критично воспринимая порядки, а по сути, отсутствие таковых в новой капиталистической России, возвышая свой голос в борьбе за правду, нравственность, справедливость, писатель-патриот

однозначно констатировал: «В истории был яркий прорыв общечеловеческой истины — социалистической цивилизации, родственной правлению народа, когда человек не чувствовал себя одиноком среди братьев и сотоварищей. На ветрах несчастий и штормов современный человек в конце XX века оказался затерянным в толпе приниженных усталым безразличием сограждан». И эти мысли Юрия Васильевича нельзя расценивать как своеобразную дань прошлому и пример светлой ностальгии по нему. Все значительно сложнее — без глубокого постижения и осмысления пройденного пути, ответов на большинство волнующих нас вопросов не найти. Посему Бондарев и продолжал размышлять, комментировать самые острые вызовы времени, пытаться давать ответы на непростые вопросы, рождаемые современностью, писать, нацеливать нас, ныне живущих, да и тех, кто придет нам на смену, на подлинное, искреннее, самозабвенное служение. Служение России.

«Время — незаменимый свидетель и судья, а писатель — неустанный искатель вековой цели и законов нашего существования, а не спортивный комментатор увлекательных сюжетов.

Есть ли неопровержимый ответ на главный вопрос: от чего человек исшел, куда шел и куда придет?

Вероятно, приблизится к ответу тот, кто в бессонные ночи спрашивал самого себя: не изменял ли и до конца ли верен он самой святой заповеди — любви к родной колыбели?»

Эти мысли, сформулированные Юрием Бондаревым на стыке двух тысячелетий, и есть та квинтэссенция понимания *его* творчества. А, следовательно, для нас он навсегда останется тем великим «неустанным искателем вековой цели», хранителем «любви к родной колыбели», непримиримым борцом за торжество подлинных, а не мнимых, как бы привлекательно их сегодня ни преподносили нынешние кликуши и бездарные однодневки, захватившие бескрайнее культурное пространство нашей страны, человеческих ценностей и идеалов, неутомимым подвижником земли русской. Той прекрасной и героической земли, на которой ему суждено было родиться и с годами превратиться в одного из самых крупных ее духовных радетелей и защитников. Той благодатной земли, во имя которой он жил и творил, всё основательнее продвигаясь по нескончаемому пути, направленному на постижение самого загадочного и непредсказуемого существа — человека. Человека, к которому писатель выдвигал строгий нравственный спрос и которого он неустанно призывал *жить по совести*, честно, отринув ложь, алчность,

честолюбие, высокомерие и другие пороки. Жить так, чтобы оставить о себе добрый след... По возможности, такой же основательный, какой, к счастью, оставил на земле и сам Юрий Васильевич.

Завершить же настоящие заметки хотелось бы словами из романа «Игра», в которых писатель через придуманного им режиссера Крымова определяет для нас, полагаю, самое главное. Ту непреходящую истину, которой нам всем и следует придерживаться: «А Россия — самая неожиданная страна. И такой второй нет в природе. Если уж кто спасет заблудшую цивилизацию, так это опять же Россия. Как во Вторую мировую войну. Как? Не знаю. И через сколько лет — не знаю. И какими жертвами — не знаю. Но, может быть, в ней запрограммирована совесть всего мира. Может быть... Америке этого не дано. Там разврат духа уже произошел. И заключено полное соглашение с дьяволом...»

Россия — совесть мира, а Юрий Бондарев — совесть России! Об этом бесспорном постулате следует помнить. И помнить всегда...

г. Симферополь